

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

117

КАМЕННЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

*VIII Международному Конгрессу YNQUA
(Париж, 1969) посвящается*

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

117

КАМЕННЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1969

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — доктор исторических наук **Т. С. Пассек**
Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук **П. А. Раппопорт**

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), **К. Х. Кушнарeva,**
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. Ф. ПЕТРУНЬ

О МАТЕРИАЛЕ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ
КРЫМСКОГО ПАЛЕОЛИТА

Открытое осенью 1964 г. мустьерское местонахождение Заскальное¹ располагается на правобережье р. Большой Карасевки в Белгородском р-не, в довольно большой балке ЗСЗ простирания, устье которой выходит в долину реки примерно в полукилометре к северу от углообразного обрыва квесты, известного под названием «Белая Скала» (Ак-Кая). Обильный подъемный материал собран на правом склоне балки с площади 2 га, расположенной в 200—300 м от верховья, преимущественно в средней части щебнистого, поросшего редкой травой склона. Асимметричная в сечении балка (ее более крутой левый склон имеет наклон до 30°) врезана в полого падающую к северу поверхность квесты, «бронированную» выдержанным по мощности горизонтом нуммулитовых известняков эоцена. Последние в вертикальных обнажениях обычно выветриваются, образуя довольно крупные ниши и навесы. У подошвы эоценовых известняков вдоль правого склона балки прослеживается узкая (до 2 м шириной), но длинная площадка, обычно поросшая кустарником. В сочетании с нишами в известняковой плите она образует цепочку удобных для кратковременной остановки убежищ, прикрытых от северного ветра и частично защищенных от атмосферных осадков. Отдельные ниши в прошлом, возможно, были более глубокими, но затем разрушились — на склоне периодически встречаются большие глыбы, скатившиеся с нуммулитового карниза. Естественный наклон поверхности квесты в общем предохраняет правый склон балки от размывающего воздействия стекающих с Ак-Кая ливневых или талых снеговых вод, последние перехватываются в основном левым склоном и вершинным цирком балки, а затем по тальвегу сбрасываются в Большую Карасевку. Подобной позицией балки объясняется и ее повышенная по сравнению с примыкающей квестой обводненность: если поверхность последней в лучшем случае несет чахлый травяной покров, то в балке растут кусты и даже деревья. Можно предполагать, что в прошлом такая растительность была еще более значительной, чем существовала своеобразной «консервации» склонов балки и памятника в целом: обработанный кремль хотя и сместился несколько вниз по склону, но поражает своей свежестью, и только несколько найденных в тальвеге балки орудий и отщепов имеют плотную белую патину.

Местонахождение располагается достаточно высоко: превышение поднуммулитовой площадки в приустьевой части балки над урезом Большой Карасевки ориентировочно составляет почти 66 м. Хотя по старой схеме Н. И. Николаева именно 60-метровый террасовый уровень соответствует

¹ Раздел доклада, прочитанного 23 февраля 1965 г. на расширенном заседании сектора палеолита ЛОИА АН СССР.

мустьерскому времени², столь значительная высота отнюдь не служит доказательством большей древности культурных остатков Заскального по сравнению с другими мустьерскими памятниками Крыма. (Забегая вперед, укажем, что человек поселился в балке лишь тогда, когда уровень воды в реке даже во время паводка не более чем на 10—15 м превышал современный.) Выбор же места поселения в этом случае, как и для навесов Кабази II и III³, был продиктован не абсолютной высотой верховья балки как такового, а рядом обстоятельств, начиная с существования именно здесь гротообразных ниш, наличия сезонного водотока, южной и юго-западной экспозиции склона и кончая относительной труднодоступностью места обитания для тех, кто не подзревает о его существовании. Из долины Большой Карасевки, во всяком случае к югу от с. Белая Скала, местонахождение практически не просматривается, в то время как из балки открывается превосходная перспектива вниз по реке, а с расположенной ненамного выше вершины Ак-Кай — огромная круговая панорама значительной части Центрального Крыма. Пересеченный рельеф района весьма благоприятствует любым видам охоты (загонной, у мест водопоя, вдоль постоянных путей сезонных перекочевков травоядных и т. д.); в непосредственной близости располагаются практически неисчерпаемые месторождения кремня (табл. 3); наконец, позиция стоянки позволяла ее обитателям сравнительно легко выходить в степную (на севере) и горную (на юге, где располагается Караби-Яйла) зоны, проникать на восток и на запад, в том числе и в бассейн рек Салгир, Альма и Кача.

Собранный в балке кремневый материал типологически достаточно однороден и практически не содержит предметов, которые не встречались бы в других мустьерских памятниках Крыма. Это позволяет, несмотря на подъемный характер коллекции, сделать некоторые общие выводы о датировке и значении этого первого в бассейне р. Большой Карасевки и наиболее северного из известных на полуострове мустьерского местонахождения. Довольно высокий процент законченных и сломанных в процессе использования орудий (табл. 1) не оставляет сомнений в том, что Заскальное — стоянка (или группа стоянок), а не простая мастерская, хотя здесь, несомненно, производилась также первичная обработка специально приносившегося кремневого сырья, кстати, отражающего все разнообразие кремней района (табл. 2). Наряду с крупными кусками расколотого кремня на склоне балки встречаются также многочисленные чешуйки, которые давала тонкая правка орудий и их подправка.

Типичные для мустье с ашельской традицией двусторонне обработанные остроконечники типа так называемых миниатюрных ручных рубилец представлены несколькими экземплярами (рис. 1, 3—6, 9, 10), так же как и односторонние экземпляры (рис. 1, 1—2, 7—8). В Крыму известно несколько памятников, где эти орудия встречаются совместно, например Чокурча, Староселье⁴, так что этот факт сам по себе еще не может служить основанием рассматривать Заскальное в качестве многослойного памятника. Другое дело, что даже односторонне обработанные остроконечники неоднородны: наряду с изготовленными на толстых отщепах (рис. 1, 1—2) встречаются очень тонкие (рис. 1, 7, 8), производящие впечатление более поздних и напоминающие орудия навеса в Холодной Балке⁵. Один из таких остроконечников субтреугольной формы (рис. 1, 8),

² Н. И. Николаев. Материалы к геологии палеолита Крыма и связанные с ними некоторые общие вопросы четвертичной геологии. БМОИП, т. XVIII, вып. 2, 1940, стр. 39.

³ В. Ф. Петрунь, Л. С. Білокрис. Нові знахідки кам'яного віку в Криму. «Археологія», т. XIV, 1962, стр. 182.

⁴ А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, № 71, 1958, стр. 110.

⁵ Там же, стр. 108—109.

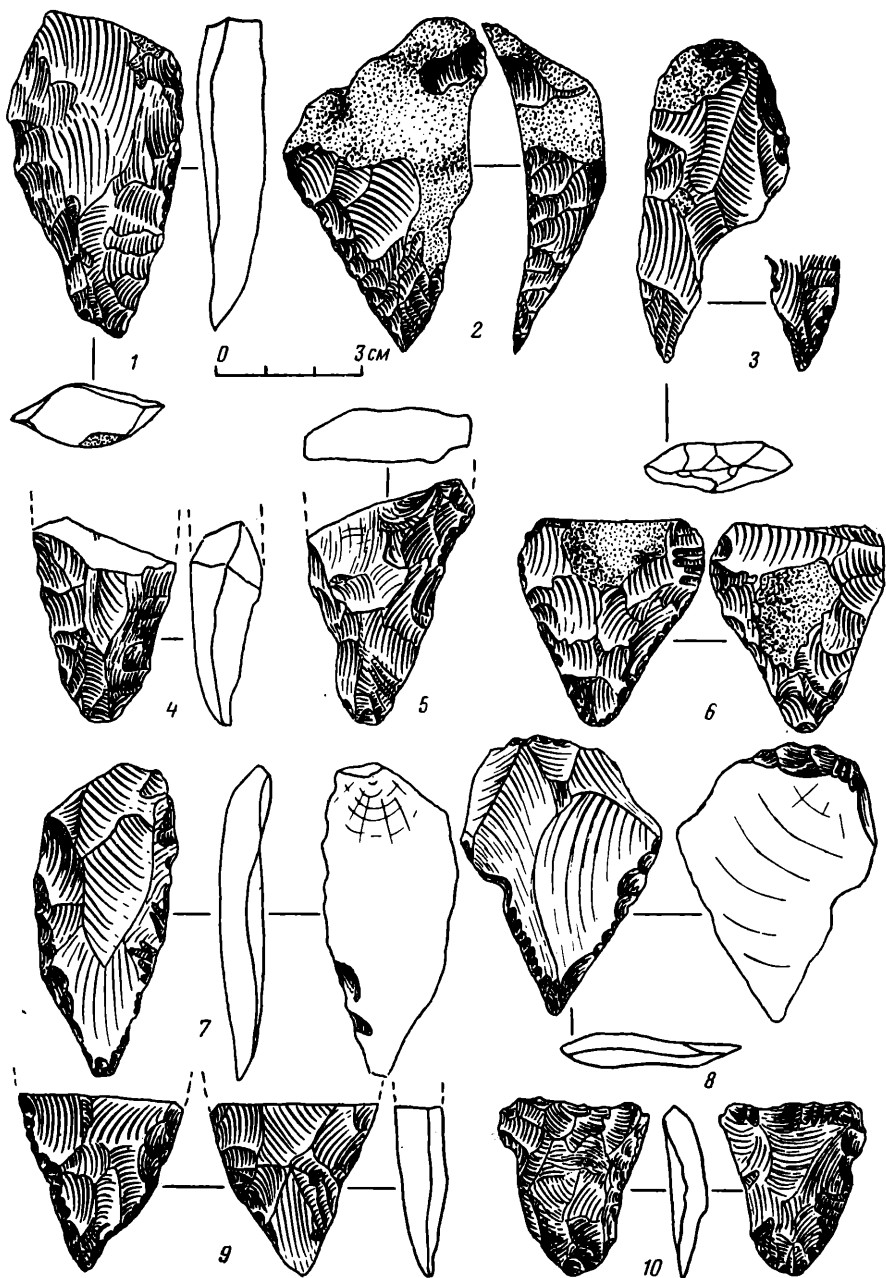

Рис. 1. Крым. Палеолитические кремневые орудия

со специально стесанным отбойным бугорком, использовался, по-видимому, как наконечник, вставлявшийся в древко.

Скребла коллекции в общем невелики. Среди них выделяются более толстые, на грубых отщепах, часто с типичной мустьерской «заломчатой» ретушью (рис. 2, 9—10), и более тонкие, типа скребел-ножей (рис. 2, 7). Встречаются скребла с двумя (рис. 2, 5) и тремя рабочими краями, скребла с круговой ретушью (рис. 2, 10), иногда лимасоподобные (рис. 2, 6). Индивидуальные формы орудий представлены скоблевидными изделиями на отщепах и осколках, орудиями типа резавок, несколькими скребками, достаточно примитивными, чтобы считать их мустьерскими. Многочисленные нуклеусы представлены дисковидными (рис. 2, 1—2) и одно- или двухплощадочными леваллуазскими формами (рис. 2, 3, 4).

Т а б л и ц а 1

Типолого-статистическая характеристика кремня коллекции

Главные типы обработанного кремня коллекции	Количество	%
Миниатюрные ручные рубильца и остроконечники, целые и фрагментированные	22	3,7
Обломки грубых рубящих (?) орудий	6	1,0
Нуклеусы разных типов (дисковидные, леваллуазские и т. д.)	34	5,8
Скребла и скребки разного типа	16	2,7
Индивидуальные типы орудий	12	2,0
Неопределимые обломки орудий, отщепы отретушированные, осколки со следами использования и т. п.	37	6,2
Примитивные пластинки и отщепы с параллельными краями	9	1,5
Небольшие отщепы (до 3 см) с тупым углом между отбойной площадкой и брюшком	74	12,4
Небольшие отщепы (до 3 см) с прямым или почти прямым углом между площадкой и брюшком	118	20,0
Чешуйки (площадью менее 1 см ²)	50	8,6
Аморфные осколки и обломки, краевые сколы, неправильные отщепы и их фрагменты, крупные отщепы и пластины	219	46,8

Леваллуазская техника раскалывания кремня подтверждается также отщепами соответствующей формы, как мелкими, так и крупными, в том числе с фасетированной площадкой и типа «шапки жандарма». Специфической особенностью обрабатывавшегося на стоянке материала была его плитчатость (именно в виде плитчатых желваков присутствует он в верхнемеловых отложениях под г. Белогорском и даже в переотложенном состоянии все-таки по преимуществу остается плитчатым). Поэтому многие куски кремня, использовавшиеся после минимальной предварительной подготовки в качестве нуклеусов, уже после пяти-шести ударов приобретали облик грубых рубящих орудий с желвачной пяткой и извилистым рабочим краем. Незначительная зачастую толщина плиток (1—4 см) приводила к тому, что очень многие, даже совершенные по форме орудия сохраняют на себе остатки желвачной корки (рис. 1, 2, 3 и 6; рис. 2, 9), что, впрочем, иногда имело даже свои преимущества. Так, миниатюрное ручное рубильце-остроконечник из полупросвечивающего дымчато-серого кремня (рис. 1, 6) благодаря двум противолежащим остаткам мелкопористой желвачной корки исключительно прочно захватывается пальцами кисти, практически исключая возможность выскальзывания изделия из

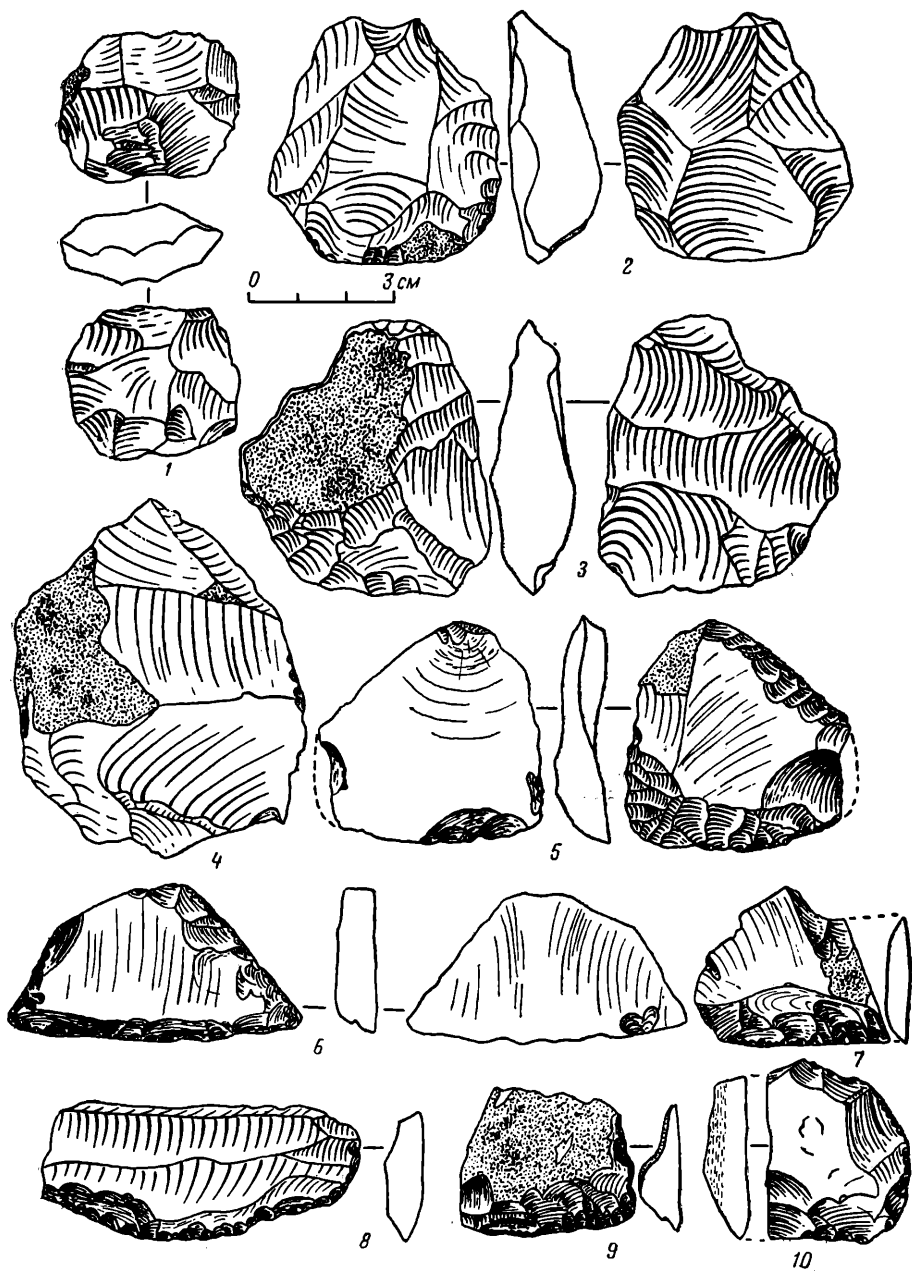

Рис. 2. Крым. Палеолитические кремневые орудия

*Основные разновидности кремневого сырья коллекции
(макроскопическая оценка)*

Окраска и прозрачность (просвечиваемость)	Количество	%
Просвечивающий телесный, светло-серый, дымчатый, даже слабо-сиреневый кремень	160	27,0
Менее просвечивающий, серый и темно-серый, обычно с более светлыми пятнышками кремень	347	58,0
Почти непросвечивающий даже в тонких осколках черный (иссиня-черный) кремень	55	9,0
Полупросвечивающий желтый и красный непросвечивающий кремни	9	2,0
Кремни обожженные (покрытые сеткой трещин и изменившие окраску), густо патинированные, породы, сознательно принесенные на стоянку (жильный кварц, песчаник)	26	4,0

Т а б л и ц а 3

Основные типы кремнеосных отложений в районе местонахождения

Типы кремнеосных отложений и локализации их	Отличительные признаки соответствующего кремневого материала
<p>Мелоподобные мергелистые известняки верхнего мела к югу от скалы Ак-Кая, на широте северных окраин г. Белогорска</p>	<p>Достаточно крупные, но главным образом плитчатые стяжения кремней, преимущественно полосчатых и мелкопятнистых, с гладкой и особенно шероховатой мелкопористой желвачной коркой, „затеками“ вещества вмещающих мергелей, в отдельных разностях с включениями тонкозернистого пирита и обильными остатками фауны. Обычные окраски (рис. 2, 1—3)</p>
<p>„Пудинговые“ известняки-ракушечники с переотложенной кремневой галькой и конгломераты неогена. Правобережье р. Большой Карасевки, квеста к северу и востоку от стоянки</p>	<p>Буровато-желтый различных оттенков (результат прокрашивания гидроокислами железа) в изломе кремень с белыми пятнышками. Галька хорошо окатанная, прочная, обычно с более или менее толстой белой вторичной коркой, гладкой (иногда до блеска), со следами многочисленных соударений (псевдоперлитовый рисунок поверхности)</p>
<p>Высокие (35—40 м) древнеаллювиальные (?) галечники, прослеживаемые по выемкам на полях и виноградниках бортов долины</p>	<p>Тот же кремень, что и в первой графе, более или менее окатанный, часто трещиноватый с линейнопятнистым окрашиванием в буро-желтые цвета, иногда с глянецом, но в общем утративший первоклассные свойства, не использовался</p>
<p>Галечники третьей надпойменной террасы (14—18 м), залегающие на дольном основании; левый берег реки в районе с. Белая Скала</p>	<p>Тот же кремень, что и в первом случае, в виде слабоокатанной и вовсе плитчатой гальки с „отмытой“ действием текущих вод первичной желвачной коркой. Обычно слабо сцементированным инфильтрационным карбонатом. Признаков ожелезнения почти нет, качество высокое</p>
<p>Галечник второй надпойменной террасы. Там же</p>	<p>Маломощные линзы мелкой кремневой и карбонатной гальки среди супесей. Кремень некачественный не использовался</p>

руки. Настоящих призматических нуклеусов в коллекции нет, но показательно, что отщепы с прямым углом между площадкой и поверхностью бруска встречаются достаточно часто. Впрочем, узких длинных ножевидных пластин с параллельными ребрами здесь тоже почти не встречено — единственный образец имеет микролитовидный облик и происходит из более поздних комплексов. Не исключена возможность, что он был смыт на склон балки с квесты, на поверхности которой обработанные кремни мезолитическо-неолитического облика попадают довольно часто.

Изученные материалы представляют интерес для решения проблемы происхождения кремня изделий стоянки.

Камень палеолитических стоянок полуострова еще ожидает специального археолого-петрографического исследования, но уже сейчас можно сформулировать некоторые общие положения и предпосылки для проведения подобной работы, а именно:

1. Крымский полуостров в своей горной части (район второй гряды) почти повсеместно располагает многочисленными выходами высококачественного, главным образом верхнемелового кремня, структурно-текстурная характеристика которого от месторождения к месторождению в общем меняется не настолько отчетливо, чтобы можно было бы по единичному обломку или орудию судить о вероятном месте залегания исходного каменного сырья (особенно если сравниваются силицилиты турона и сенона).

В целом можно, правда, даже уже сейчас с известным основанием говорить о том, что кремни двух основных разобщенных областей развития турон-сенон-датских слоев Крыма⁶ — юго-западной (от Севастополя до Симферополя) и центральной (от р. Зуя до р. Индол) — обнаруживают известные суммарные отличия, например в окраске, отражающей конкретные фациальные условия осадкообразования. Для первой полосы, особенно в бассейне р. Альма, достаточно типичны серые оттенки кремня (хотя наряду с ними встречаются самые разнообразные окраски исходного сырья, от черных и до молочно-белых), тогда как вторая, особенно в бассейне Индола, характеризуется в общем более темными кремнями, хотя и здесь в туроне имеются светлые кремни самых различных оттенков.

2. Подобная картина дополнительно осложняется достаточно широким распространением в Крыму также геологически более молодых (неогеновых, антропогеновых) отложений, содержащих переотложенный верхнемеловой кремень, который тоже широко использовался человеком. Отдельные вторичные генетические признаки подобного кремня (наличие желвачных корок определенного типа, глянца, признаков диагенетического или инфильтрационного изменения, характера окраски, форма обломков и т. д.) позволяют с большей или меньшей достоверностью диагностировать и отличать его в достаточно больших сериях и кусках, хотя, если речь идет об отдельных орудиях или отщепах, задача усложняется. Ведь даже при том достаточно высоком уровне геологической изученности Крыма, который достигнут на сегодняшний день, мы не располагаем фактически ни кадастром всех сколько-нибудь значительных выходов кремня на полуострове, ни систематизированными данными по петрографии хотя бы главных типов кремня, ни опубликованными исследованиями по фациальной изменчивости кремнистых пород и т. д.

3. В этих условиях геолого-археологическая проблема выяснения природы и возможного происхождения кремня в орудиях труда первобытного человека оказывается доступной решению лишь в частном плане аналитического сравнения и избирательного сопоставления не только и не столько наиболее типичных, рядовых, массовых кремней коллекции, сколько ее наиболее редких, необычных, представленных малым количе-

⁶ М. В. Муратов. Краткий очерк геологического строения Крымского полуострова. М., 1960, стр. 70—75, карта.

ством экземпляров, но зато легче выделяемых и проще диагностируемых силицилитов.

Действительно, в каждой сколько-нибудь крупной археологической коллекции сравнительно легко выделяются, во-первых, типичные, наиболее преобладающие разновидности кремня (разумеется, всегда со значительным количеством вариантов) и, во-вторых, кремни необычные, сразу бросающиеся в глаза по окраске, структуре и т. д., но явно «чуждые» основному комплексу. Для конкретных условий второй крымской гряды первая группа, как правило, оказывается местной, происходящей из территориально наиболее близких месторождений кремневого сырья (для Староселья — это Канлы-Дере, для района Кабази — гора Мыльная, для Шайтан-Кобы — гора Кременная и т. д.), хотя в каждом новом конкретном случае это положение требует геологической проверки. Так, для окрестностей Заскального могут быть выделены сразу несколько типов кремнеосных отложений, так или иначе пригодных для использования (табл. 3).

Основная масса кремня коллекции, судя по ряду признаков и прежде всего по типу желвачной корки и окраске, происходит из галечников 3-й надпойменной террасы, меньшее количество — из коренных обнажений верхнемеловых мергелей. К редким изделиям следует отнести два остроконечника (рис. 1, 7, 8), изготовленных из желтого кремня неогеновых конгломератов. Их присутствие в составе коллекции объясняет также причину появления орудий из аналогичного материала в юго-западной зоне, в частности на правобережье р. Альма или в Канлы-Дере⁷.

Обитатели этой части Крыма посещали, по-видимому, районы развития неогеновых кремнеосных отложений, в том числе, возможно, и бассейн р. Большой Карасевки. Последнее предположение не столь уж невероятно. Во-первых, в районе Кабази встречаются также единичные орудия из однородного иссиня-черного кремня, который неизвестен в Симферопольском р-не, но имеется в центральной зоне. Во-вторых, одно из редких скребел Заскального может служить вещественной иллюстрацией возможно значительно более протяженных миграций, с чем теперь нельзя не считаться при анализе мутьерских материалов.

Изготовленное из плитки мелкозернистой, красновато-коричневой в изломе, неяснослоистой породы, покрытой с поверхности своеобразной буровато-серой патиной, это скребло было оформлено грубой (с типичными заломами) круговой ретушью (рис. 2, 10; первоначальные размеры изделия 48×39×9 мм) с мелкими фасеточками дополнительной правки. Под микроскопом порода обнаружила весьма своеобразную игольчато-сферолитовую структуру, резко отличную от структуры других красноокрашенных кремнистых пород полуострова (так называемых яшм Карадага) или вторично покрашенных, переотложенных верхнемеловых кремней, встречающихся, например, среди материалов мезолитической стоянки Фронтное (коллекция Л. Г. Мацкевого). Состав породы — существенно халцедоновый, в сферолитах до 0,2 мм, с примесью спутанно-игольчатых агрегатов частично дегидратированного гетита (и сидерита?), придающего материалу красную окраску (рис. 3). Такие состав и структура заставляют предполагать скорее инфильтрационное, чем осадочное происхождение породы. Локализация исходных месторождений подобного сырья достаточно сложна: в Крыму такие породы пока не описывались, ближайшей областью регионального развития осадочно-инфильтрационных образований (так называемых кварцитовидных песчаников палеогена, среди которых встречаются и существенно халцедоновые, почти лишенные кластогенного материала прослой) является Поднепровье, до ко-

⁷ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 77; В. Ф. Петрунь, Л. С. Білокрис. Указ. соч., стр. 174, рис. 6, 1.

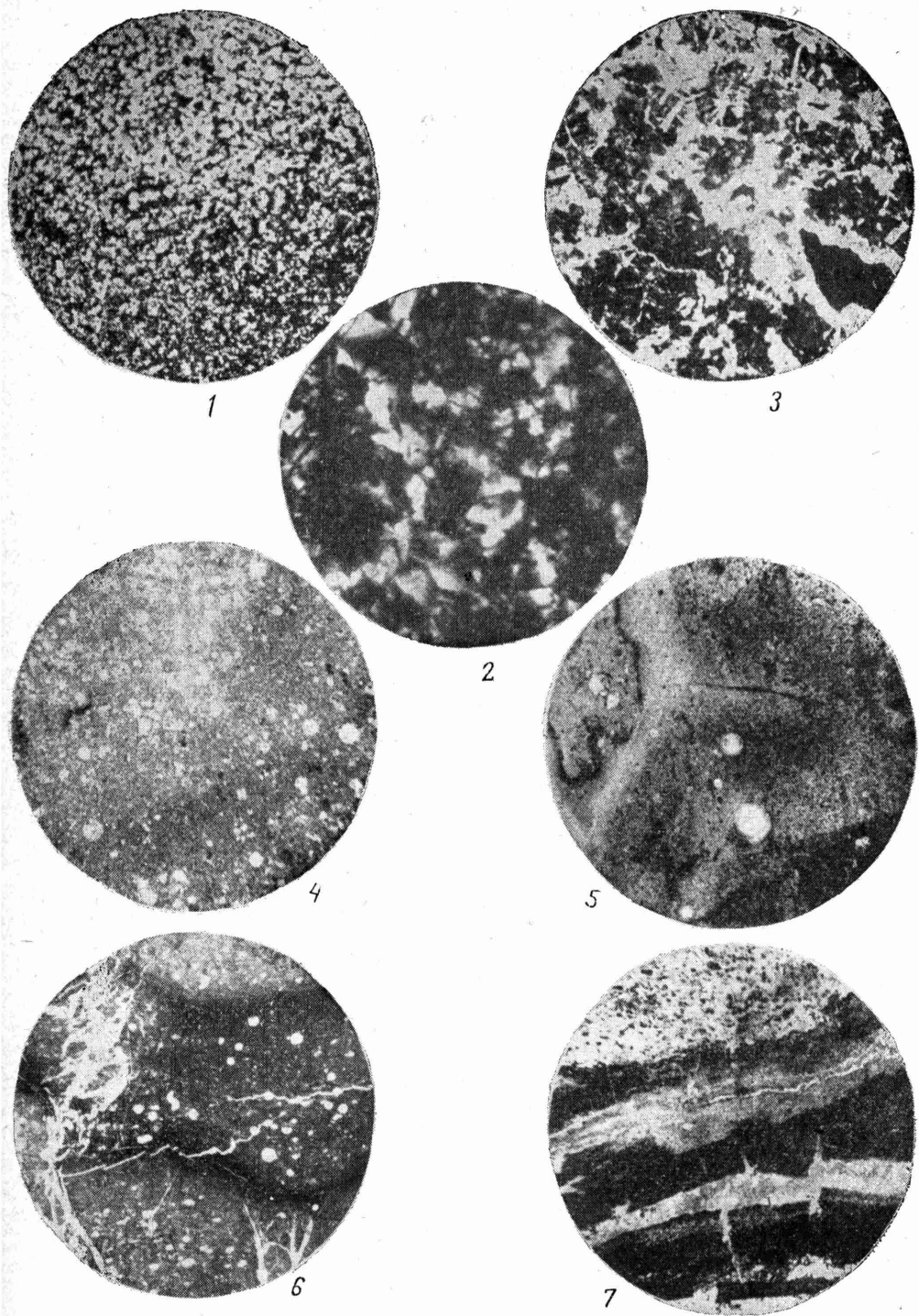

Рис. 3. Структура различных красноокрашенных кремнистых пород УССР:
 1—2—халцедонолит «красного скребла» (Заскальное); 3—«Яшма» (Кара-Даг); 4—покрасневший от обжига кремнь (Кабазы); 5—покрасневший в зоне гипергенеза кремнь (Фронтвое); 6—Радиолярит—яшма (Закарпатье, гора «Кобыла»); 7—яшмовидная порода овручской серии (р. Эбранка). Микрофотографии шлифов. Николи параллельны (2—скрещены). Увеличение $\times 8(1, 3, 6)$ и $\times 20(2, 4, 5, 7)$

тогого все-таки достаточно далеко. Правда, кварцитовидные песчаники (или, как их часто именуют в археологической литературе, «кварциты» и «халцедонизированные кварциты») палеогена Украины, белые, серые, бежевые, желтые, красные (за счет дегидратации гидроокислов железа в результате естественных или искусственных причин, например прокаливания в костре), даже черные (из бассейна р. Крынка, например), уже в раннем палеолите использовались⁸ для изготовления каменных орудий. Поэтому до появления новых геологических фактов вопрос о происхождении материала скребла следует оставить открытым, сохранив предположение о возможных южноукраинских источниках этого сырья в качестве рабочей гипотезы.

Результаты изучения камня коллекции могут быть использованы и для некоторых косвенных заключений геоморфологического характера. В районе с. Белая Скала отчетливо выражено несколько террасовых уровней, условно подразделенных нами (современная система искусственного полива в долине реки искажает первоначальную картину) на пойму (0—1,0 м; все высоты даются от уреза реки), высокую пойму (1,5 м), первую (3—3,5 м), вторую (6 м) и третью (14—18 м) надпойменные террасы.

Уровню площадки последней из террас соответствует своеобразный ступенчатый уступ в устье балки (резкий перегиб ее в общем плавного продольного профиля), доказывающий, что формирование последней в основном закончилось к моменту очередного вреза реки после завершения отложения осадков 14—18-метровой террасы. Обитатели стоянки, широко использовавшие в качестве сырья кремь галечников именно этой последней, добывали его, конечно, не со дна потока (галечники двухметровой мощности могут соответствовать только русловой фации аллювия). Кремь выбирался или с кромки пляжа, или же если и извлекался из русловых отложений, то лишь после их выхода из-под воды на дневную поверхность, с началом очередного эрозионного вреза реки. При этом связанное с последним осушение осадков, по-видимому, только началось — отобранный здесь (почти не брались кремни с большим количеством органогенных остатков) и перенесенный к стоянке материал несет в общем незначительные признаки той инфильтрационной карбонатной цементации, которая так отчетливо выражена сейчас в аккумулятивной части разреза 3-й надпойменной террасы и которая протекала, по-видимому, вплоть до начала оформления следующего, более низкого террасового уровня. Все это позволяет думать, что человек обосновался в балке где-то в период финального осадконакопления и последующего пропила отложений 3-й террасы, совпадающих с моментом стабилизации оврага, который постепенно стал приобретать черты висячей формы рельефа.

Подавляющее большинство мустьерских местонахождений Европы, особенно поздние, на основании радиоуглеродного метода теперь датируются ранним вюрмом до готтвейга включительно⁹. Это позволяет и время формирования уступа 3-й террасы считать ранневюрмским, по крайней мере на описываемом участке долины Большой Карасевки, чего нельзя не учитывать при возобновлении в районе (после почти 30-летнего перерыва)¹⁰ широких археологических работ.

⁸ М. Я. Рудинский. К вопросу о древнепалеолитических орудиях из кварцита. КСИА, вып. 73, 1959, стр. 126.

⁹ И. К. Иванова. Значение находок ископаемых гоминид и их культуры для стратиграфии четвертичного периода. «Четвертичный период и его история». М., 1965, стр. 52—84.

¹⁰ О. Н. Бадер. Карасубазарский район, 1935. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1935 гг.» М.—Л., 1941, стр. 255—257.

Н. Д. ПРАСЛОВ, С. А. СЕМЕНОВ

О ФУНКЦИЯХ МУСТЬЕРСКИХ КРЕМНЕВЫХ ОРУДИЙ ИЗ СТОЯНОК ПРИАЗОВЬЯ

Трасологический метод изучения каменных изделий, широко применяющийся к материалам эпохи позднего палеолита и неолита, значительно расширил наши представления о производстве и назначении древних орудий, о формах первобытного хозяйства¹. Но до самого последнего времени казалось, что значение этого метода ограничивается только рамками поздних эпох каменного века и сильно сужается при изучении раннепалеолитических материалов². Однако накопление новых сведений по раннему палеолиту, особенно раскопки стоянок с ненарушенным культурным слоем, показывает, что функциональный микроанализ может и должен быть применен к материалам любой геологической древности. Первые же попытки, сделанные в этом направлении, дали интересные результаты³.

Начатые исследования раннепалеолитических орудий трасологическим методом затрагивают очень много вопросов первобытной технологии. Решить их в одной небольшой статье не представляется возможным. Поэтому мы поставили перед собой более скромную задачу: сообщить о том, какие результаты получены уже сейчас и что нового они вносят в наши знания о формах труда и о хозяйстве в раннепалеолитическое время.

Анализировались в основном материалы из мустьерских стоянок Приазовья, культурные слои которых сохранились *in situ*. Значительные серии орудий со следами изношенности в процессе работы выделены среди каменного инвентаря двух стоянок близ хутора Рожок на побережье Таганрогского залива Азовского моря⁴ и в Носово I, расположенном километрах в тридцати северо-восточнее двух первых на правом берегу Миусского лимана. Особенно интересные материалы были получены при раскопках Носово I в 1967 г. Здесь почти треть всех собранных орудий имеет яркие следы изношенности от работы, видимые даже невооруженным глазом.

Изученные стоянки, по-видимому, не одновременны. Наиболее древней из них является Рожок I. Все шесть горизонтов культурных остатков

¹ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957; Г. Ф. Коробова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии (по данным функционального анализа). Автореф. канд. дисс. Л., 1966.

² В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, № 131, 1965.

³ С. А. Семенов. Трасологическое изучение орудий древнего палеолита. «VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966, стр. 18—26.

⁴ П. И. Борисковский, Н. Д. Праслов. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ, вып. А1—5, 1964, стр. 16—18.

этого памятника лежат на глубине 4—6 м от современной поверхности в рыхлом светло-буром лессовидном суглинке, перекрытом сложной толщей геологических напластований с включением слабовыраженного горизонта ископаемой почвы. Снизу культурные остатки подстилаются еще одной ископаемой почвой и красноцветными тяжелыми суглинками, сопоставляемыми с отложениями на древнеэвксинской террасе. Геологический возраст суглинка с культурными остатками определяется в пределах рисс-вюрмской межледниковой эпохи или самого начала вюрмского оледенения⁵. Культурный слой Носово I залегает в нижней части светло-бурого лессовидного делювиального суглинка, налегающего на лиманные отложения, сопоставляемые с верхне-карангатской трансгрессией в бассейне Черного и Азовского морей. Карангатская трансгрессия большинством геологов относится к рисс-вюрмскому межледниковью. Следовательно, вышележащие суглинки, включающие культурные остатки мустьерской эпохи, относятся к ранним стадиям вюрмского оледенения.

Кремневые орудия из стоянок Рожок I—II и Носово I позволяют нам судить о некоторых производствах в эпоху мустье, о которых до сих пор было не вполне ясное представление.

По числу орудий со следами употребления в труде на первое место следует поставить скобели, служившие для обработки дерева. Характерной чертой следов работы на скобелях является узкая полоска изнашивания, проходящая по самому краю с незначительным переходом на плоскости (рис. 4, 3). Сработанный край имеет блеск или выщербленность. Под бинокуляром на нем нередко можно обнаружить линейные следы, пересекающие сработанную полоску края (рис. 4, 5).

На скобелях из Рожка I выщербин по краю не наблюдается или они слишком мелки ввиду малого размера самих орудий и соответственно более слабого нажима на обрабатываемый предмет. Здесь тонкий край скобелей ретушировался. Следы изнашивания обнаружены как на ретушированных краях орудий, так и на неретушированных, если последние имеют угол заострения около 40—50°. Край с меньшим углом заострения легко крошился, а потому нуждался в ретушной подправке. Концентрация следов на самом крае показывает, что лезвие очень мало углублялось в древесину. Оно ставилось почти под прямым углом на обрабатываемую поверхность. Нередко можно видеть, как рабочий край неоднократно подправлялся ретушью, в результате чего этот край принимал вогнутое очертание. Там, где затупившийся край был крутым, ретушь получалась нечистой, с заломами. Такой край с течением времени утрачивал рабочие свойства. Мастер подбирал другой край с меньшим углом заострения на том же орудии или на ином.

Трасологический метод дает нам основание считать, что в мустьерскую эпоху существовали кремневые проколки. Серия проколов была выявлена среди материалов стоянок Рожок I и II. Тщательный анализ поверхности их обнаружил два рода следов изнашивания: 1) следы от пальцев рук и 2) следы от работы в результате прокалывания. Первые располагались на выступах рельефа широкой части орудия. Рабочий конец проколов несет следы изнашивания на глубину до 15 мм.

Размеры проколов небольшие. Длина их 25—27, 38 мм. Жала проколов оформлены тонкой ретушью (рис. 5, 3—4). Две мелкие проколки изготовлены из треугольных отщепов, третья, побольше, — из овально-листовидного. Следы работы носят характер общей затупленности жала и линейности (рис. 4, 4). Микрометрическое измерение следов показало среднюю длину линий 0,1—0,4 мм, толщину 0,001—0,015 мм.

⁵ Н. Д. Праслов. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968.

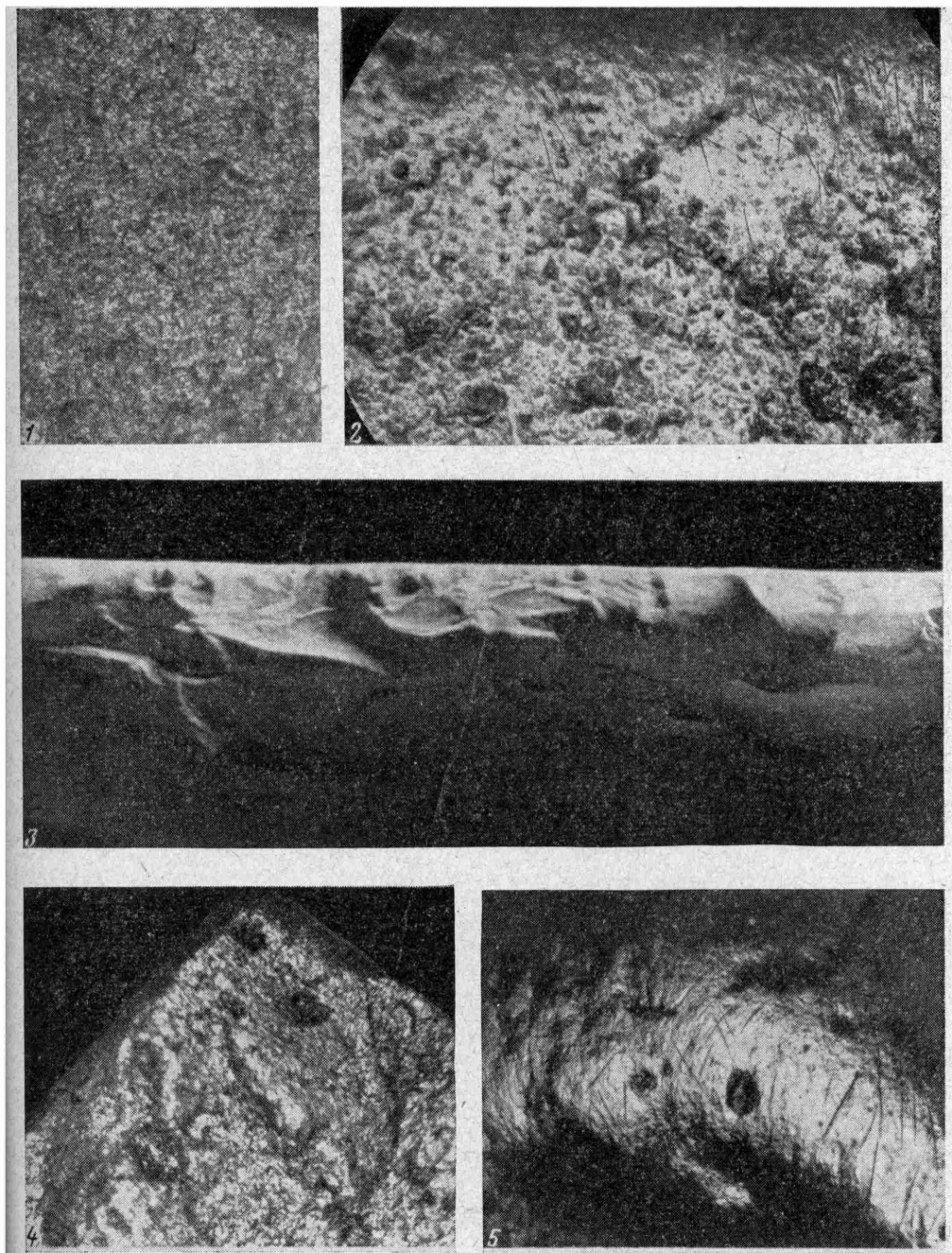

Рис. 4. Микрофотографии поверхностей мустьерских кремневых орудий

1 — без следов изношенности; 2 — сильно изношенный край скобеля; 3 — выровненное в процессе работы лезвие скобеля; 4 — сильно изношенное в работе лезвие проколки; 5 — линейные следы на лезвии скобеля (1—3, 5 — Носово I; 4 — Рожок I)

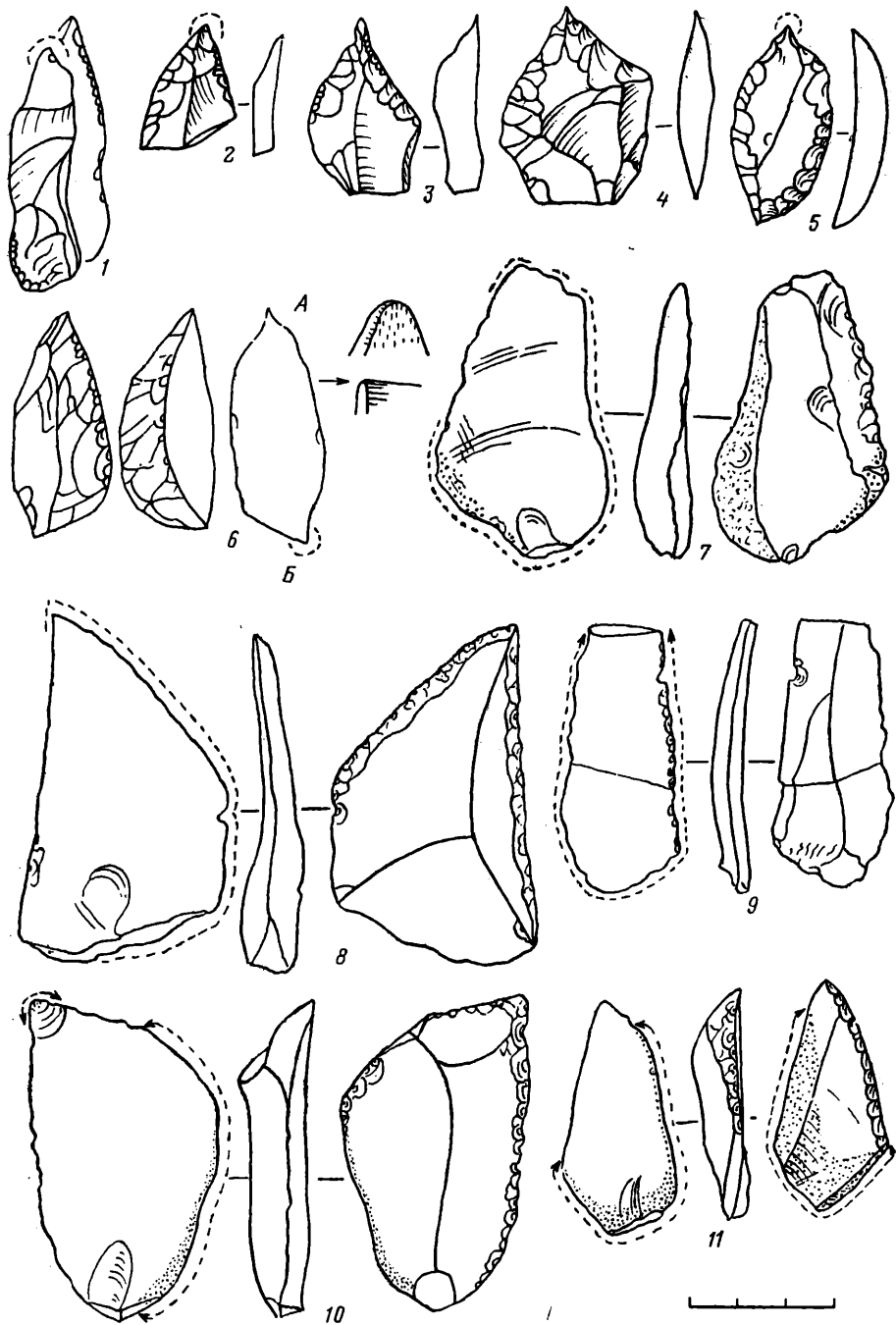

Рис. 5. Кремневые орудия со следами сработанности
(1-6 — Рожок I; 7-11 — Носово I)

На серии орудий, не имеющей морфологической общности, есть следы, указывающие на обработку кожи. Это — отщепы с ретушированными краями. Общее здесь только в рабочих частях со следами употребления. Рабочие части ограничены небольшими участками на дугообразных краях, без углов и выступов, способных поцарапать кожу. Каждое из этих орудий имеет свои особенности в следах работы. Такие орудия известны не только из приазовских стоянок; они отмечены, например, и в Сухой Мечетке близ Волгограда. Сильная изношенность и даже залощенность скребла-скобеля из Сухой Мечетки указывает на длительное использование его в операциях скобления и, может быть, даже разминания кожи. Скребок из Рожка I имеет более четко локализованные следы по выпуклому краю. Массивный узкий скребок из той же стоянки напоминает концевые скребки позднего палеолита. Его нижний конец обработан приемом, которым на стоянке Рожок I оформлялись резы.

На ряде каменных предметов выявлены следы ретуши. Обитатели Сухой Мечетки и Носова I для этой цели пользовались речными гальками малого формата, кремневыми и кварцитовыми или сланцевыми, имеющими уплощенную форму (рис. 6, 1—2). Следы работы в форме выщербин наиболее отчетливо выражены на кремневой гальке с гладкой поверхностью. Они имеют форму неправильных лунок разной формы и глубины, полученные от надавливания на зубчатое лезвие ретушируемого орудия. Кроме того, на гальке есть две выбоины, указывающие на попытки человека употреблять ее в качестве отбойника, но для такой функции она не имела достаточного веса. Кремневая галька весила 94 г, кварцитовая — 76 г. Последняя нередко была в работе⁶. Сланцевые гальки из Носова I напоминают аналогичные ретушеры некоторых позднепалеолитических стоянок (Костенки I). Они имеют плоско-овальную форму. Следы работы группируются ближе к концу гальки, в форме вдавлен и риск, расположенных перпендикулярно большой оси. Даже невооруженным глазом видно, как на лезвие ретушированного орудия человек надавливал галькой, пытаясь придать ему нужную форму. Под бинокляром картина следов и приемы работы рисуются более четко и детально (рис. 6, 4).

Ретушерами на стоянке Рожок I служили кремневые орудия, у которых чаще использовалось брюшко и отбивной бугорок. На этой выпуклости наблюдаются следы в виде выщербин, возникших от давлений на ретушируемое лезвие. Как на костяных и сланцевых ретушерах, они имеют определенную ориентировку, показывающую, как мастер держал в руке обрабатываемое орудие (рис. 6, 3, 5). Следы-выщербин имеют на кремневых орудиях меньшую глубину и объем, чем на сланцевых или костяных. Однако экспериментальное воспроизведение этих следов показало, что для ретуширования неандертальский человек применял большую силу, достигающую давления в 150 кг. Измерение давления производилось при помощи динамометра Матъе-Коллена. Такой же результат дало и моделирование следов на костяных ретушерах. Это означало пятикратное превосходство мощи руки неандертальца над средней мощью руки современного человека.

В ретушировании принимали участие глубокие и блоко-фаланговые сгибатели пальцев обеих рук. Давление ретушером на край обрабатываемого орудия осуществлялось снизу, с ладонной стороны пальцев правой руки. Ему противостояло давление концевых фаланг больших пальцев правой и левой рук с упором их на обрабатываемое орудие. При таком соединении усилий больших и указательных пальцев обеих рук давление средней силы человека не превосходит 25—30 кг. Давление в 150 кг, применявшееся неандертальцем, следует отнести за счет исключительного развития му-

⁶ С. А. Семенов. Следы работы на орудиях и доказательства работы неандертальцев правой рукой. КСИА, вып. 84, 1961, стр. 12—13.

скулатуры и связок кисти, что палеоантропологически подтверждается. Широкая кисть киик-кобинца с массивными фалангами, высоким рельефом межфаланговых суставов и мест крепления связок говорит о большой силе сгибателей.

Такой расход энергии на ретуширование давлением не был рациональным в эволюционном плане. Позднее возникли способы ретуширования посредством торцового давления отжимником, более экономного и эффективного. Зачатки его уже зарождаются в позднем мустье. Однако и в позднем палеолите еще существовал этот начальный способ наряду с более прогрессивными. В технике ретуширования, как и в других отраслях производства, развитие протекало по принципу кумуляции — накопления и обогащения, а не радикальной и всеобщей смены старых способов работы новыми.

Обработка рога, бивня и кости с помощью кремневого резца способом продольного и поперечного членения делает эпоху в палеолитической технике не менее значительной, чем открытие способов расщепления кремня на призматические пластинки. Весь обширный круг орудий и изделий позднего палеолита из рога, бивня и кости (шила, иголки, наконечники дротиков, гарпуны, оправы для вкладышей, резьба по кости и многое другое) невозможно представить без применения резца. Эти предметы являются производными техники продольного резания названных материалов на любые по сечению и длине заготовки. Без резца с бивня можно было только скалывать грубые и случайные по форме отщепы, пользуясь ударами кремневого зубила. Эти отщепы имели продолговатую форму, служили заготовками для ограниченного круга изделий (лопаточек, ложек, совков и т. п.)⁷. Продольное членение резцом сделало бивень важным источником заготовок, превратило его из малополезного отхода охоты в ценный хозяйственный материал.

В какую эпоху появляется резец? Типологически этот вопрос ставится по признаку резцового скола, а технологически — по следам работы. Резцовый скол как технический прием затупления острого края отщепа или пластины возникает еще в леваллуа-мустьерскую эпоху, но резцовый скол как средство оформления рабочей части резца возникает в позднем палеолите, когда входят в употребление призматические пластинки.

В гроте Истюриц (Франция) Р. Сен-Перье обнаружил части рогов северного оленя со следами работы резцом в виде надрезов⁸. Возможно, что в мустьерский слой эти предметы попали из вышележащего позднепалеолитического горизонта, однако теперь, после трасологических исследований материалов из Рожка I, есть основания думать, что кремневые орудия с функциями резца восходят к доориньякской эпохе. Резца в его классической форме еще не существовало, но резание кости угловым давлением заостренного орудия уже практиковалось.

Рожок I дает пример резца без резцового скола. Его рабочая часть имеет одноугольную форму, режущую кромку составляет угол в 75—80°, образованный на брюшке мелкого ладьевидного отщепа, подправленного ретушью (рис. 5, 6). Орудие имеет два рабочих конца (А—Б), носящих следы сработанности разной степени. На одном конце (А) слабые следы выявлены лишь на правой кромке, на другом (Б) — сработаны обе кромки и очерченная ими плоскость брюшка. Угол заострения конца А=45—50°, конца Б=80°. Следы затупленности рабочих концов отчетливо просматриваются в бинокуляр при увеличении в 25—30 и даже 10—12. Линейные следы прослеживаются при помощи МИМ-6 (×200—400). Поверхность рабочего конца (Б) трассирована как по передней, так и по боковым

⁷ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 185—188.

⁸ R. et S. de Saint-Périer. La Grotte d'Isturitz III. Les Solutréens, les Aurignaciens et les Moustériens. «Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine», Paris, 1952, стр. 237—8.

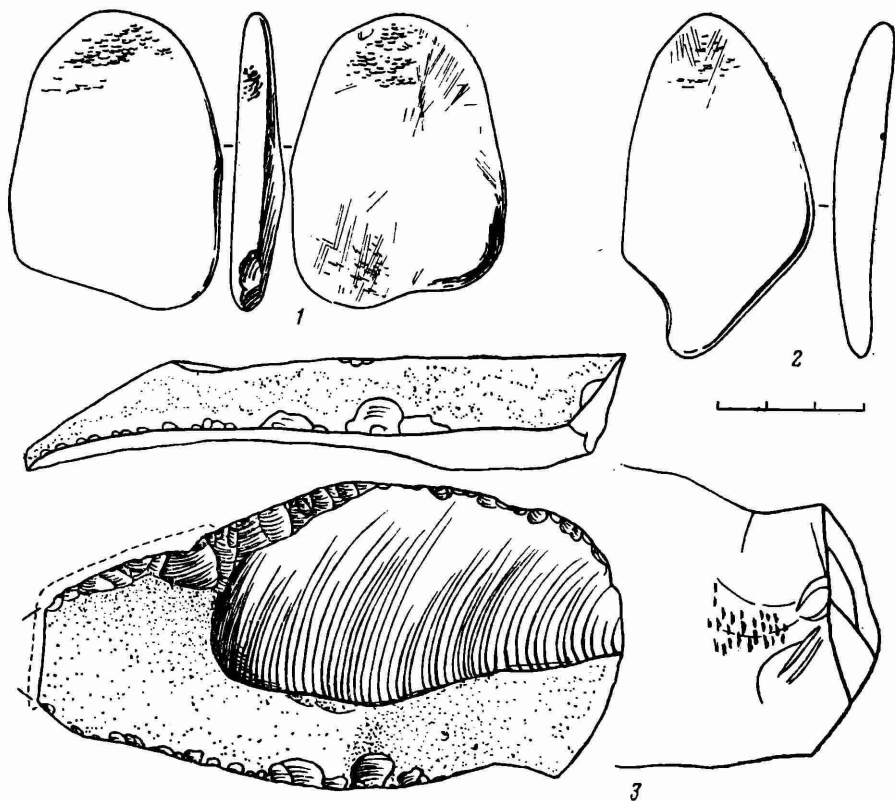

Рис. 6. Каменные ретушеры

1—2 — сланцевые гальки из Носова I; 3 — кремневые орудия из Рожка I; 4 — микрофотография конца сланцевой гальки (1); 5 — микрофотография ударного бугорка кремневого орудия (3)

плоскостям. Такое положение следов указывает, что рабочий конец ставился на обрабатываемый предмет вертикально или близко к вертикали. Судя по границе следов, углубление в материал предмета не превышало 1,5—1,75 мм.

Производилась ли работа таким резцом без крепления его в рукоятке? Принимая во внимание силу кисти неандертальца, можно предположить, что он работал резцом, зажав его между пальцами. Об этом как будто говорит и некоторая залощенность поверхности всего орудия, которую труднее объяснить иначе. Эксперименты, проведенные в Каунасской экспедиции, указывают на возможность делать надрезы на сырой кости кремневым осколком, зажатым между пальцами, без крепления его в рукоятке.

Морфологически орудия Рожка I еще неустойчивы, только намечается тенденция к приобретению тех форм, которые складываются в позднем палеолите. Проколки носят форму остроконечников, уменьшенных до предела. Между скребками и скобелями отсутствует внешнее разграничение; только в форме рабочей части и расположения линейных следов изнашивания эти две функции имеют своеобразное отражение.

Обращают на себя внимание миниатюрные размеры орудий из Рожка I, их «микролитоидный» характер. Хотя это не единственный случай среди материалов мустьерской эпохи, сам факт позволяет заключить, что человек не всегда имел под руками достаточно материала для своих орудий. Он не только вынужден был экономно расходовать кремль, используя мелкие отщепы, даже обломки и осколки. Человек мустьерской эпохи умел работать такими мелкими орудиями, производить весьма тонкие, точные и разнообразные движения руками. Проколки величиной 17×25 мм он зажимал между концевыми фалангами большого и указательного пальцев. В ином положении ими работать было нельзя. Но даже в таком положении проколки полностью перекрывались подушечками фаланг. Оставалось свободным только жало.

Мустьерский человек уверенно работал проколкой, направляя жало в намеченную точку, делая неглубокий рассчитанный укол в обрабатываемый предмет, которым могла быть только кожа. По всей вероятности, в эту эпоху уже существовали простейшие приемы соединения отдельных кусков шкуры путем сшивания. То могли быть сумки для ношения грудных детей, безрукавные меховые рубахи для подростков и взрослых, накидки, одеяла, мешки для переноски пищи и предметов первой необходимости. Трудно представить, что такие зачатки шитья одежды осуществлялись посредством сухожильных нитей. Скорее, для этого служили тонконарезанные сыромятные ремешки из кожи мелких животных. Есть некоторые основания предполагать, что пошивные работы, а также изготовление кремневых проколок было делом женщин мустьерской эпохи.

Орудия из Носова I имеют более крупные размеры, чем орудия из Рожка I. Это говорит о том, что обитатели стоянки Носова I располагали более выгодным материалом, имели к нему доступ. Орудия изготовлены из черного мелового кремня, очевидно, находимого в желваках на поверхности земли, а не вынутого из меловой материнской породы, о чем говорит характер желвачной корки, омытой, окатанной, не сохранившей мела на поверхности, кроме тонкой сероватой корочки. Поверхность орудий не патинирована. Вероятно, они после использования в работе очень быстро были перекрыты слоем грунта и более не обнажались, не подвергались действию лучей солнца, химическому или биохимическому воздействию среды культурного слоя. Благоприятные условия консервации донесли до нас предметы из стоянки Носова I в непотревоженном виде.

Наиболее плоские экземпляры подтреугольной формы близки к левалаузским типам орудий. Отбивные площадки их подправлены ретушью.

Края отщепов большей частью тоже ретушированы обычным приемом: с брюшка на спинку.

На орудиях следы длительного употребления в виде интенсивной заощенности, затупленности углов, лезвий, потерявших остроту.

Неожиданным и даже странным на первый взгляд является расположение следов изнашивания на орудиях из Носова I раскопок 1967 г. Здесь в ряде случаев затуплены лезвия, как и в скобелях из Рожка I. Следы изнашивания покрывают только самый край лезвия, что указывает на положение орудия на предмете обработки почти под прямым углом. Но наиболее характерной и удивительной в то же время чертой этой серии орудий надо считать сильную изношенность углов отщепов, углов, примыкающих к отбивной площадке, изношенность при этом двустороннюю (рис. 5, 7—11). Более того, в ряде случаев эту изношенность до степени зеркального блеска можно видеть не только на одном или на обоих углах, но и на всей отбивной площадке отщепа. Неожиданным и непонятным здесь следует считать тот очевидный факт, что изношены не столько лезвия или острия, не столько ретушированные, намеренно подправленные части орудий, сколько части, которые обычно не называются рабочими. Такие части на орудиях, как правило, носят следы трения о кожу руки, о поверхность пальцев, зажимающих их в процессе использования в работе, следы, отличающиеся своей микрофактурой.

Тщательный анализ следов на орудиях из Носова I под биноклем и микрофотоанализ выявили сравнительно слабые признаки линейных следов, что чаще всего наблюдается при обработке относительно мягких веществ, таких, как дерево, размоченная или пропаренная кость, рог. Однако линии, показывающие направление движения, все же улавливаются и фиксируются микрофотографиями (рис. 4, 2). Они имеют два направления: 1) параллельные лезвию и 2) находящиеся к нему под углом, чаще в 75—80°. Два кинематических признака указывают на двойную операцию, производившуюся одновременно. Одним из них было резание углом кремневого отщепа с погружением орудия в вещество на глубину до 3 мм. Другим — скобление этого вещества движениями лезвия, поставленного почти перпендикулярно к первому положению.

Очень трудно при наличии таких двойственных признаков определить работу, производившуюся этой серией орудий. Тем не менее трасологический анализ мустьерских орудий из Носова I позволяет значительно сузить рамки поисков функций для них благодаря методу исключения. Характер следов говорит, что это не мясные ножи, признаки изнашивания которых иные, не ретушеры, не проколки, хотя в серии есть экземпляры остроконечной формы, не строгальные ножи, орудия, связанные с обработкой пластического вещества, может быть, кожи. Своеобразная локализация следов работы на определенных участках и характер расположения их на лезвиях позволяют пока высказывать лишь гипотезы, которые нуждаются в экспериментальной проверке. Во всяком случае Носово I дает новую группу фактов, указывающих на то, насколько способы работы и приемы использования операции были нестандартны и динамичны уже в мустьерскую эпоху.

Трасологическое изучение раннепалеолитических орудий только начато, сделаны лишь первые шаги. Но уже сейчас ясно, что изучение следов изношенности на камне и кости обещает обогатить наши знания новыми фактами о жизни и деятельности раннепалеолитического человека, которые не могут быть получены никакими другими методами. Уже сейчас можно заключить, что жизнь и труд человека этого времени были значительно богаче и разнообразнее наших представлений о них, а между хозяйственной деятельностью мустьерского и позднепалеолитического человека не было «пропасти», разделяющей их как два совершенно различных мира.

И. И. КОРОБКОВ

О НАКОНЕЧНИКЕ КОПЬЯ ИЗ ЯШТУХА

Во время исследования Яштухского палеолитического местонахождения близ Сухуми в 1963 г. на одном из локализующихся пунктов по левому берегу р. Западная Сухумка было найдено своеобразное и редко встречающееся орудие — бифас. Оно представляет собой двусторонне обработанный удлинённый пропорций остроконечник, двояковыпуклый в сечении. Такая форма остроконечника обычно интерпретируется как наконечник копья¹.

За последние годы заметно возрос интерес к этому типу палеолитических орудий, что объясняется усиленным вниманием к общим вопросам социально-хозяйственной жизни древнепалеолитических коллективов (работы В. П. Любина, Г. П. Григорьева). Были сделаны новые шаги к выяснению общих закономерностей происхождения, характера существования и дальнейшей эволюции древнего человека (работы А. А. Формозова, Ю. И. Семенова). В последнее время делаются попытки разграничения отдельных деталей технического и типологического оформления кремневых орудий, благодаря чему яснее выявляются генетические особенности индустрий (работы Г. П. Григорьева). Намечаются пути к выявлению показателей (главным образом статистических), говорящих о различиях в хозяйственно-экономическом устройстве и деятельности одной и той же группы населения (работы Фримена и Бинфорд)². Возросло и количество находок таких орудий. Наконечники копий стали известны в Приазовье (Носово), на Северном Кавказе (Лысая гора), пополнилась ими и коллекция из Ахштырской пещеры. Но настоящую сенсацию вызвало обнаружение целой серии совершенных листовидных острий в составе комплекса раннемустьерской зубчатой (тейякской) индустрии на Днестре (местонахождение Стинка, раскопки Н. К. Анисюткина)³. Поэтому публикация сведений о яштухском наконечнике и его атрибуция в комплексе индустрий местонахождения в целом кажется небезынтересной, тем более что ссылки на этот предмет уже имеются в специальной литературе. Эту находку неоднократно упоминал В. П. Любин, наиболее полно разрабатывающий проблематику охотничьего вооружения неандертальца⁴. С другой стороны, были и скептические высказывания по поводу правотности

¹ В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, № 131, 1965, стр. 60—71 и библиография к статье.

² S. Leslie Freeman. The Nature of Mousterian Facies in Cantabrian Spain. R. Lewis Binford, R. Sally Binford. Variability in the Mousterian of Levallois Facies. American Anthropologist, 1966, vol. 68, № 2.

³ Н. К. Анисюткин. Новая палеолитическая стоянка Стинка на Среднем Днестре. БКИЧП, № 31, 1966.

⁴ В. П. Любин. К вопросу о методике... МИА, № 131, стр. 66; он же. Доклад на палеолитическом совещании 1965 г. (тезисы); он же. Наконечник копья с Лысогорского палеолитического местонахождения. СА, 1967, № 4.

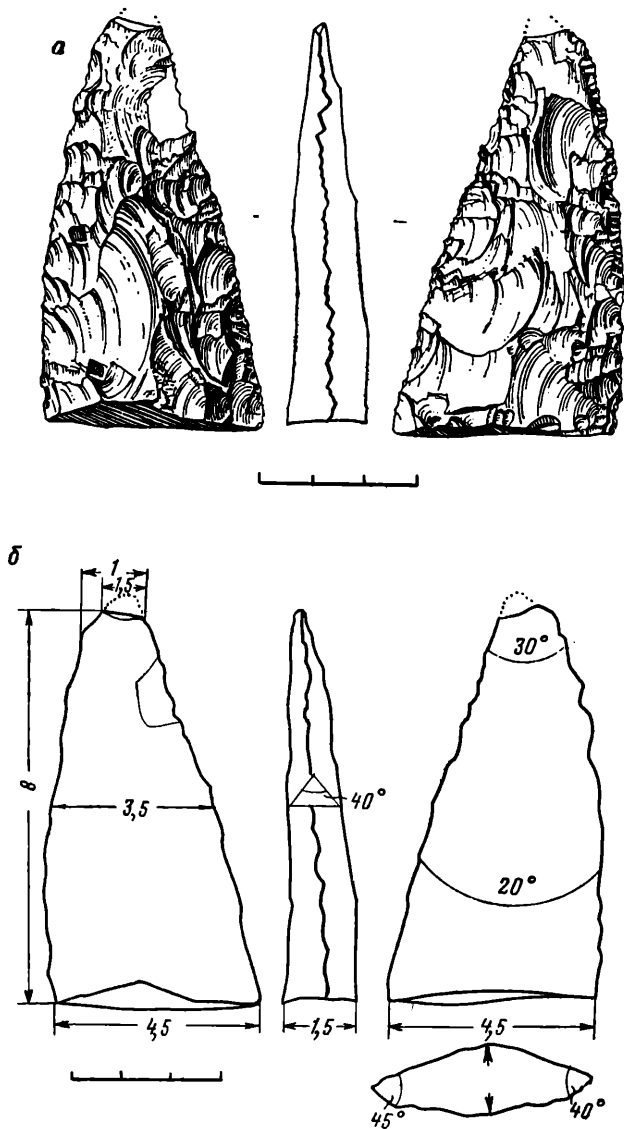

Рис. 7. Наконечник копья из Яштуха:

а — общий вид наконечника; б — схема сечения орудия и замеры его параметров

отнесения такого совершенного орудия к среднепалеолитическому комплексу. Помимо всего, исследования 1964—1965 гг. дали новый материал, помогающий полнее оценить данное орудие.

Яштухский наконечник изготовлен из кремнистого серого известняка — обычной породы местных палеолитических индустрий. Он имеет характерный признак: легкую желтоватую окраску поверхности гидроокислами железа. Характер заготовки неясен, так как вся поверхность орудия тщательно обработана крупными уплощающими сколами. Края наконечника дополнительно отделаны крупнофасеточной приотстригающей ретушью, особенно интенсивной на противоположащих плоскостях орудия. Наконечник был сломан в древности и, возможно, использован вторично, доказательством чего является фрагментарность крупных сколов первичной обработки

в месте разлома и отсутствие такой фрагментарности у фасеток отделки края (рис. 7, а). Благодаря тщательности вторичной обработки рабочих краев получились очень ровные, прямые лезвия, как бы разрезающие орудие на две симметричные плоскости. Угол заострения обоих лезвий — около 40° — почти не меняется на всем протяжении их. Сечение орудия овально-ромбовидное, массивность его плавно уменьшается, не меняя форму сечения и лишь постепенно уплощая орудие к острому концу. Максимальные параметры фрагмента: 8 см; 4,5 см; 1,5 см (рис. 7, б).

Отмеченные особенности (закругленный плоский конец, ровные края, не заканчивающиеся острием, уплощенность сечения, ровные симметричные лезвия и дополнительная противолежащая обработка их ретушью) характерны и для другого типа орудия, относящегося к более древней местной пластинчатой индустрии. Здесь имеется в виду миндалевидное ручное рубило ланцетовидной формы, относящееся к финальному ашелю⁶. Этот тип орудия также редко встречается в индустриях данного региона. Подобное совпадение деталей формы и характера обработки у разновозрастных предметов не является случайным на Яштухе и встречено у ряда типов орудий, которые продолжают сохранять в мустье выработанные еще в ашеле формы, отличаясь лишь большей тонкостью и совершенством отделки. Материалы Яштухского местонахождения подтверждают острожно высказанное В. П. Любиным мнение⁶ о связях между ашельскими бифасами и мустьерскими листовидными формами и позволяют дополнить его, постулировав тесное родство между ашельскими и мустьерскими индустриями каждого географически изолированного региона.

Каковы же отличительные черты индустрии, к которой принадлежит описываемое орудие? Это ожелезненность поверхности предметов, свойственная ряду комплексов со сходными технико-типологическими чертами, говорящими о раннемустьерском возрасте этой индустрии в целом. Такие черты общности, а также степень ожелезненности не позволяют отрывать описываемый наконечник от остального материала данной индустрии. К сожалению, все локализирующиеся комплексы последней дают немногочисленный материал (что является также ее отличительной чертой), и поэтому описание индустрии приходится давать суммарно. К числу ее особенностей следует относить: тонкость заготовок, но без ярко выраженных леваллуазских признаков и без правильного ограничения пластин; большой процент первичных сколов (до 40%); преобладание ядрищ с круговой площадкой и с подпризматическим скалыванием при незначительности собственно леваллуазских типов; небольшой процент типологически оформленных орудий, большое количество орудий без дополнительной обработки, лишь с выщербинами от использования; тонкая правильная ретушь и лишь единичные зубчатые формы. Что касается форм орудий, то помимо описываемого наконечника следует отметить рубящие орудия с тонкой обработкой; высокие скребла (типа Кина) — форма, появившаяся на Яштухе из ашельских прототипов; острия-остроконечники, но с минимальной обработкой; скребла и скреблышки с тщательной и мелкой ретушью; резчики «с утиным носиком» — в отличие от ашельских орудий этого типа — на тонких пластинках; ножи с естественным обушком, иногда в сочетании с концевым скребком; долотовидные орудия с прямым или желобчатым краем — форма, также берущая начало в местном ашеле.

Из нежелезненных индустрий Яштуха к данному комплексу ближе всего стоит индустрия типа Ахабиюк с леваллуазскими чертами техники. Имея много общего с ожелезненными пластинчатыми комплексами (небольшой процент орудий, правильная ретушь), она отличается значительно

⁵ И. И. Коробков. Новая находка ручного рубила на Яштухе. КСИА, вып. 101, 1964.

⁶ В. П. Любин. К вопросу о методике... стр. 64.

большим числом леваллуазских форм, меньшим количеством первичных заготовок и нуклеусов, что не позволяет объединять эти индустрии в единое целое⁷. Однако имеются и несомненные признаки их генетической общности, проявляющиеся в сходных формах орудий и нуклеусов. Следует отметить, что обломок бифаса, интерпретируемый как фрагмент наконечника копья, происходит из сборов С. Н. Замятнина на Ахабиюке, т. е. также связан с пластинчатой индустрией. Несмотря на различную реставрацию его первоначальной формы С. Н. Замятниным и В. П. Любиным⁸, этот фрагмент имеет несомненные общие черты в технике обработки с нашим наконечником.

Учитывая расположение ожелезненных комплексов вблизи воды, немногочисленность инвентаря, говорящую о кратковременном пребывании людей, большое количество отходов местного сырья (что свидетельствует о срочном изготовлении нужных орудий тут же на месте) и многочисленность пунктов этой индустрии на Яштухском местонахождении, можно интерпретировать последние как остатки кратковременных стоянок охотников.

Комплексы же типа Ахабиюк, характеризующиеся правильными заготовками и применением хорошего сырья (в том числе и цветного кремня), позволяют нам сопоставлять их с долговременным охотничьим лагерем той же группы палеолитического населения. Если сослаться еще на одну находку прекрасного двусторонне обработанного наконечника в леваллуамустье Цонской пещеры, обнаруживающего много общего в деталях обработки с яштухскими фрагментами⁹, то есть полное основание заявить вслед за В. П. Любиным, что удлиненность пропорций кавказских форм наконечников копий «обусловлена широким распространением на Кавказе техники леваллуа»¹⁰, т. е. связать леваллуазские (пластинчатые) индустрии и наконечники именно уплощенных и удлиненных форм. Однако кавказские памятники дают не только наконечники такого рода. Недавно в нижнем раннемустьерском слое Ахштырской пещеры был найден наконечник «дротика», близкий яштухскому по углу схождения краев и по характеру сечения, но отличающийся заостренностью и большой массивностью. При этом острие по манере оформления напоминает характерные орудия раннего зубчатого мустье (тейяка) Яштухского местонахождения¹¹. Нам уже приходилось писать о сходстве в деталях обработки орудий и о разнице в технике получения заготовок для них у леваллуазской индустрии открытых местонахождений и пещерных комплексов зубчатого мустье района Сочи—Адлера¹². По нашему мнению, именно сходство мелких деталей оформления орудий, а не набор их и не техника получения заготовок говорит о генетической культурной общности, о единстве населения в определенном районе. Мустье пещер Черноморского побережья имеет черты сходства с поздними зубчатыми комплексами Яштуха. Поэтому с известной долей осторожности можно считать ахштырский и яштухский наконечники относящимися к разным индустриям генетически единого пласта палеолитического населения, обитавшего на Черноморском побережье Кавказа. Различия же в оформлении этих орудий подчеркивают разницу экономико-хозяйственного назначения данных индустрий.

⁷ И. И. Коробков. Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения. «Советская археология», 1967, № 4.

⁸ В. П. Любин. К вопросу о методике..., рис. 17, 3; С. Н. Замятнин. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961, табл. XXXIII, 5.

⁹ А. Н. Каландадзе. К истории изучения памятников древнепалеолитической культуры в Грузии. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, август 1964». Тбилиси, 1964.

¹⁰ В. П. Любин. К вопросу о методике..., стр. 66.

¹¹ Е. А. Векилова. Раскопки Ахштырской пещеры. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 48—49.

¹² Н. И. Гумилевский, И. И. Коробков. Местонахождение каменного века у с. Хейвани (Черноморское побережье Кавказа). КСИА. вып. 111, 1967.

Выше уже было сделано предположение о том, что леваллуазские индустрии Яштуха связаны с охотничьими лагерями. Специфика оформления орудий зубчатых комплексов, в том числе и мустье Ахштыря, возможно, говорит об ином хозяйственном уклоне объекта, связанном с разделкой пищи и домашними работами. Если рассмотреть под этим углом зрения роль обоих наконечников в составе комплекса, то разница их вторичной обработки находит вполне обоснованное объяснение. В охотничьем лагере подобное орудие могло играть роль ножа, предназначенного для свеживания убитых животных. Именно об этом и говорят детали оформления яштухского наконечника: закругленность конца (чтобы не попортить шкуру), острота, прямизна и симметричность лезвий, противолежащая их заточка. В пещере, где требовалась работа с применением усиленного нажима на орудие (соскабливание мяса с костей, работа со шкурами), были необходимы большая массивность (и, следовательно, прочность), зубчатость края, предохраняющая его от выкрашивания, и острый конец, используемый как проколка. Всеми этими особенностями и обладает экземпляр из Ахштыря. Однако сама идея бифациальности, овально-ромбовидное сечение, угол схождения краев — черты, которые сближают эти орудия между собой, — указывают на определенные традиции изготовления двусторонне обработанных орудий в данном регионе, восходящие, как это мы видим на примере многих других орудий, вероятно, еще к местному ашелю.

Другими словами, в бифациальной форме наконечника копья мы можем видеть такое же универсальное, многофункциональное орудие, как и ашельское ручное рубило. Многофункциональность здесь передается из поколения в поколение вместе с идеей двусторонней обработки, обеспечивающей прочность орудия. В случае необходимости и при соответствующей модификации такое универсальное орудие могло использоваться либо как наконечник копья, либо как нож для свеживания, или в качестве универсального ножа для хозяйственных нужд.

Таким образом, по нашему мнению, к форме наконечника копья (или листовидного наконечника) нельзя подходить однозначно. Конкретное применение такой формы орудия древним человеком могло быть разнообразным, восстановление его действительных функций во многом зависит от характера индустрии, в составе которой это орудие было найдено.

Е. А. ВЕКИЛОВА

НАХОДКИ НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА
 НА ТЕРРАСАХ р. МЗЫМТЫ

Летом 1962 г. Северо-Кавказский палеолитический отряд провел разведочные работы в окрестностях с. Ахштырь. Эти работы состояли из шурфовки пещер (нижней Ахштырской и Дзыхринской) и сборов подъемного материала на террасах левого берега р. Мзымты. В настоящей статье мы остановимся на характеристике только подземного материала.

В 1946—1947 гг. Л. Н. Соловьев совместно с адлеровским краеведом Н. И. Гумилевским во время туристских походов со школьниками обнаружили в окрестностях с. Ахштырь на левом берегу р. Мзымты несколько мустьерских местонахождений открытого типа. Собранные ими коллекции не были опубликованы и в настоящее время рассеяны по различным школьным музеям Адлеровского р-на, где работал Н. И. Гумилевский (поселки Леселидзе, Псоу и др.). Часть материалов хранится в Сухумском музее.

В 1962 г. Северо-Кавказский палеолитический отряд осуществил несколько экспедиций в окрестности с. Ахштырь. Первую из них возглавил Н. И. Гумилевский.

Во время этих экспедиций находки обработанного кремня были встречены на 40—50-метровой террасе левого берега р. Мзымты в шести пунктах на протяжении 1,5—2 км. Они были найдены на распаханных, но заросших травой полянах, местами засаженных фруктовыми деревьями (пункт 4). Отщепы нижнепалеолитического возраста сопровождалась находками более поздних эпох. К последним относятся кремневый наконечник, несколько мотыжек из сланца¹ и фрагменты толстостенной средневековой керамики. На большинстве пунктов естественные обнажения отсутствуют. Только в пункте 1 на наиболее возвышенном участке террасы отщепы мустьерского возраста были найдены на дне овражка, размывшего слой галечника. Пункт расположен на северной окраине села, позади развалин турецкой крепости. Этот участок террасы поднимается до проселочной дороги и телеграфной линии. Хорошо окатанный галечник разного размера встречается по склону на протяжении до 50 м. В разрезе стенки оврага проф. М. Н. Грищенко выделил следующие породы:

почвенный покров 0,20 м
глина зеленовато-серая 0,50 м
галечник в желто-коричневой глине коры
выветривания 0,30 м
мергель зеленовато-серый — коренная порода

¹ Е. А. Векилова. Отчет о работе Северо-Кавказского палеолитического отряда в 1962 г., стр. 19—22.

Обнаружение большинства нижнепалеолитических кремней на поверхности террасы не позволяет связывать их с отложениями галечника. Как полагает М. Н. Грищенко, «коренное залегание их должно быть на склоне выше вершины оврага за пределами распространения галечника»².

В пункте 1 было найдено 10 предметов — пять отщепов нижнепалеолитического облика и пять мотыжек, подобных опубликованным А. А. Формозовым³.

Пункт 2 находится на южной окраине села, в нижней части склона той же 40—50-метровой террасы р. Мзымты. Условия, в которых встречены находки, близки к условиям первого пункта. Здесь обнаружено всего четыре обработанных камня.

Пункт 3 расположен дальше по проселочной дороге, пролегающей вдоль реки, вниз по ее течению. Этот пункт дал наибольшее количество находок. Среди 44 собранных здесь предметов несколько отщепов нижнепалеолитических типов, нуклеидные обломки, несколько верхнепалеолитических пластин.

Пункты 4—6 расположены еще дальше от села, вниз по течению реки, на более пониженных склонах террасы, и доставили материалы, аналогичные первым пунктам.

Смещение разновременных археологических материалов и залегание находок нижнего палеолита в разных породах — в галечнике, выше его и в осыпи — свидетельствуют об их вторичном положении. Отсутствие следов окатанности говорит о том, что материал значительному переносу не подвергался.

Большинство изделий изготовлено из доломита светлых оттенков, несколько предметов из кремнистого сланца и три из светло-серого или белесого кремня неважного качества.

В собранной нами коллекции имеется всего два законченных орудия. Значительное число находок представляет собой крупные короткие, широкие и массивные отщепы, чаще всего полученные приемами леваллуазской техники. На некоторых имеются следы использования. Приведем описание нескольких наиболее выразительных предметов.

На рис. 8, 3 изображено любопытное орудие, изготовленное из отщепа длиной 7 см, шириной 5,5 см. Две грани на спинке отщепа представляют собой следы предшествующих сколов, сделанных до отделения настоящего отщепа. Продольные края его — правый полностью, левый частично — сохраняют желвачную корку. Верхний рабочий конец орудия имеет двустороннюю вторичную отделку. С брюшка он уплощен двумя сколами, со стороны спинки — несколькими дополнительными сколами и кое-где ретушью с заломами. Подправка эта нанесена в виде двух выемок, которые выделяют широкое и массивное острие. Ударная площадка отщепа гладкая. С правой стороны на участке от основания до полоски желвачной корки нанесена крутая мелкая ретушь.

Второе орудие представляет собой боковое скребло (рис. 8, 1). Оно изготовлено на крупном, массивном отщепе серого кремня длиной 9,5 см, шириной 8,5 см. Со стороны спинки имеются следы отделения двух предшествующих сколов. Двугранная ударная площадка массивна, бугорок ударный крупный. Скребло оформлено на правом продольном крае довольно крутой и мелкой ретушью с заломами со стороны брюшка.

Несколько выразительных отщепов найдено на пунктах 3 и 4. Один из них (рис. 8, 8) представляет собой доломитовый отщеп укороченных пропорций и асимметричных очертаний. Ширина его (12,5 см) превосходит длину (7,5 см). Ударная площадка гладкая, скошенная в форме летящей

² М. Н. Грищенко. Отчет о геологических исследованиях в Ахштырской пещере на р. Мзымте, стр. 33.

³ А. А. Формозов. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. КСИИМК, вып. 67, 1957.

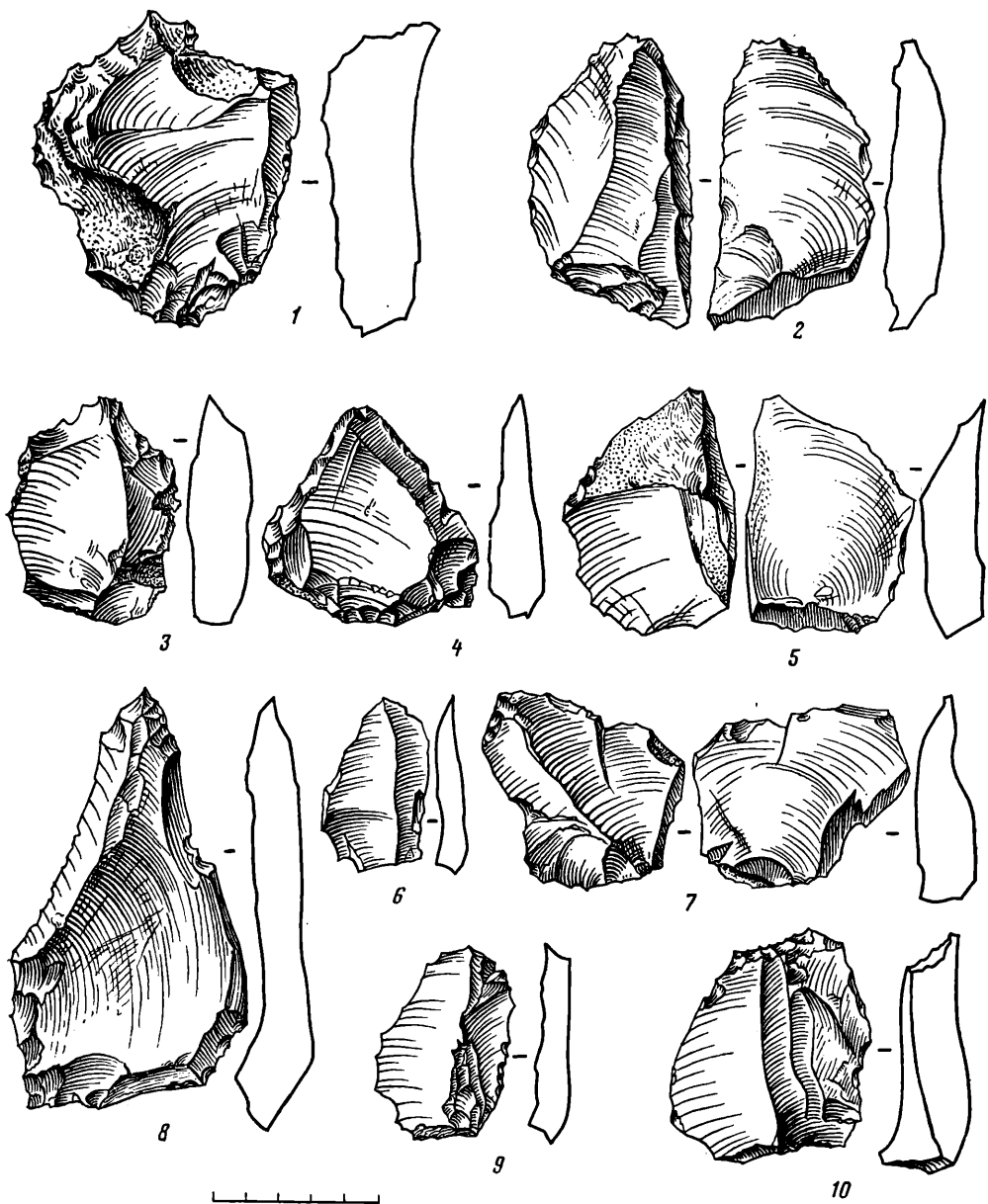

Рис. 8. Нижнепалеолитические орудия и отщепы
(находки на террасах р. Мзымты)

птицы⁴. Ударный бугорок хорошо выражен. Второй отщеп более правильных вытянутых очертаний, длина его 8,7 см, ширина 5 см (рис. 8, 2). Правый край массивен и толст, левый — тонкий. Со стороны спинки имеется три негатива. Ударная площадка гладкая, скошенная, расположенная под тупым углом к основной оси отщепа. Следующий отщеп (рис. 8, 7) длиной 6,5 см, шириной 6 см имеет две неравные грани, что придает ему асимметричный вид. На верхнем конце слева следы подправки пологой ретушью. Ударная площадка гладкая, скошенная, сохраняет корку. Крупный ударный бугорок занимает больше двух третей поверхности брюшка.

Отщеп, изображенный на рис. 8, 5, является вторым сколом с дисконвидного нуклеуса; длина 7 см, ширина 5 см. Верхняя часть и правый край сохраняют желвачную корку. Гладкая ударная площадка расположена под тупым углом к основной оси отщепа. Хорошо выделенный ударный бугорок занимает половину поверхности брюшка и имеет небольшой изъянец.

Следующий отщеп (рис. 8, 10) отличается массивным основанием. Верхний конец имеет корку. Правый край у основания имеет следы использования. Ударная площадка двугранная, толстая. Крупный ударный бугорок занимает половину поверхности брюшка.

Любопытен плоский, треугольных очертаний отщеп (рис. 8, 4) из светло-серого кремня, у которого длина равна ширине — 6,7 см. Спинка его образована тремя гранями, средняя — широкая, боковые — узкие. На правом продольном крае следы подправки мелкой ретушью. Ударная площадка не выделена. Ударный бугорок занимает большую часть брюшка. На рис. 8, 6 и 9 изображены еще два пластинчатых отщепа.

Морфологические особенности описанных предметов — формы заготовок, оформление спинки, характер и размеры ударных площадок и бугорков — соответствуют приемам расщепления кремня в позднем ашеле и раннем мустье.

Наши находки находят себе параллели в материалах многих местонахождений этой поры. Ближайшей аналогией для них являются материалы нижнего мустьерского слоя Ахштырской пещеры и позднего комплекса Яштуха. Ограниченность наших сборов не позволяет делать более детальных сопоставлений.

Умножение находок остатков нижнего палеолита на восточном побережье Черного моря говорит о весьма плотной заселенности этой территории в эпоху ашеля-мустье.

⁴ С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии. «Труды Института абхазской культуры», вып. X. Сухуми, 1937, стр. 35.

Э. А. АБРАМОВА

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ У дер. АЕШКА
НА ЕНИСЕЕ

Исследования палеолита Енисея, широко развернутые с 1960 г. в связи со строительством Красноярской ГЭС, с каждым годом приносят новые данные для периодизации палеолитических памятников, для характеристики различных палеолитических культур и различных временных отрезков позднего палеолита.

Стоянка у дер. Аешка впервые упоминается в 1923 г. Г. Мергартом¹, который открыл ее во время разведки по берегам Енисея, проведенной вместе с Г. П. Сосновским². Он указывает, что палеолитические находки — грубое скребло и каменные осколки, а также зубы и обломки костей животных — обнаружены к югу от деревни, на склоне первой речной террасы, в глинистом слое.

Позднее эти краткие сведения повторяются в обобщающих работах Г. П. Сосновского³, В. И. Громова⁴, Н. А. Береговой⁵.

Начиная с 1960 г. мы собирали на галечнике у подножия I и II надпойменных террас выше дер. Аешка каменные изделия палеолитического облика, но только в 1965 г. зачистка террасы, проведенная С. М. Цейтлиным, позволила установить залегание культурного слоя в верхней части отложений II надпойменной террасы. В 1966 г. в месте выхода культурного слоя был заложен раскоп общей площадью 120 кв. м. Раскопками было установлено, что древнее поселение располагалось на небольшом мысу II террасы, ограниченном с севера и юга неглубокими, заполненными черноземом ложбинами. С горизонтальной площадки в верхней части мыса чернозем смыт почти полностью, и под тонким дерновым покровом в основании мощного слоя подпочвы залегает верхний горизонт находок в виде массы расщепленного кремня, в подавляющем большинстве отщепов различных размеров и отдельных мелких неопределимых осколков костей животных. Второй культурный горизонт залегает непосредственно под

¹ Г. Мергарт. Результаты археологического исследования в Приенисейском крае. «Изв. Красноярского отд. Русского географ. об-ва», 1923, т. 3, вып. I, стр. 29—32.

² Г. П. Сосновский. Палеолитические находки в Минусинском крае. «Сибирская живая старина», вып. 2, 1924, стр. 127—132.

³ Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки Северной Азии. «Труды II Междунар. конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы», вып. V. М.—Л., 1934, стр. 262.

⁴ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). «Труды Ин-та геологич. наук», вып. 64, геол. серия, № 17. М., 1948, стр. 362.

⁵ Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 81, 1960, стр. 81—82.

первым, без стерильной прослойки, в слое палео-серой супеси. Каменные отщепы и осколки часто лежат в вертикальном и наклонном положении, видимо, они смывались по склону, хотя угол падения здесь относительно небольшой. Отсутствие углей и костей животных может объясняться двумя причинами: или очаги и кости были смыты по склону (кости могли разложиться, если долго были на поверхности), или лагерь был кратковременным, предназначенным для разбивания галек на берегу реки, чтобы в дальнейшем, в другом месте, изготовить из полуфабрикатов орудия.

В пользу последнего предположения говорит масса отбросов производства и очень малое число орудий. Так, в верхнем горизонте из общего количества 2239 номеров орудий найдено только 17. Остальные предметы подразделяются на следующие группы: галечные нуклеусы — 14, в том числе одна заготовка, обломки галечных нуклеусов — 8 и боковой скол — 1; нуклевидные осколки, которые могли быть использованы в качестве нуклеусов, но без дополнительной обработки, — 9, клиновидные — 4, микронуклеус — 1 и обломок нуклеуса со следами сколов микропластинок — 1. К отбросам производства относятся: гальки со следами сколов — 3, осколки галек со следами обработки — 3, гальки, расколотые поперек, — 4, крупные осколки — 34, осколки мелкие и средних размеров — 100, массивные отщепы — 64, крупные отщепы — 114, отщепы средних размеров — 334, мелкие отщепы — 680, чешуйки — 757, пластинчатые отщепы — 10, крупные пластины — 12, пластины — 50, пластинки — 7, микропластинки — 7.

Галечные нуклеусы в целом типичны для кокоревской культуры. На рис. 9, 9 представлен наиболее характерный нуклеус из гальки грубого зеленого кремнистого сланца с прямой ударной площадкой и следами сколов крупных пластинчатых отщепов. Конец, противоположный ударной площадке, подправлен сколами. Вторая плоская сторона сохраняет галечную корку. Из клиновидных нуклеусов можно упомянуть как наиболее характерные два: один крупный, из зеленого кремнистого сланца, с вытянутым, почти прямоугольным телом. Сколы микропластинок производились только с торцевой стороны. Ударная площадка скошена и подправлена по верхнему краю. Конец, противоположный ударной площадке, и край, прилегающий к ней, обработаны сколами с одной стороны (рис. 9, 7). Второй нуклеус — из серого мелкозернистого кварцита, треугольной формы, с овальной плоской ударной площадкой (рис. 10, 2). Микронуклеус из зеленого кремнистого сланца был бы типично клиновидным, но нижний конец его сбит рядом сколов (рис. 9, 5).

Одним из самых интересных орудий является крупное топорovidное изделие из гальки желтовато-серого кварцита, обработанное с обеих плоских поверхностей, суженное к обушку, с приостренным лезвием (рис. 9, 8). Заслуживают упоминания орудие типа чоппинга из гальки белого кварцита с извилистым лезвием (рис. 9, 3) и типичное чопперovidное изделие из крупной гальки зеленого кремнистого сланца с овальным, тщательно обработанным рабочим краем (рис. 9, 4). Обработка рабочего края скребел производилась как на плоскости откола (рис. 9, 2), так и с внешней поверхности (рис. 9, 2) массивных краевых отщепов, в первом случае сине-зеленого кремнистого сланца, во втором — серого мелкозернистого кварцита.

Одно долотовидное орудие изготовлено, по-видимому, из сработанного клиновидного нуклеуса темно-зеленой яшмовидной породы, с единственным вогнутым рабочим краем (рис. 10, 1). Проколки представлены двумя различными орудиями: одна из небольшого отщепа зеленого кремнистого сланца с вытянутым обработанным ретушью жальцем (рис. 10, 6), вторая из призматической трехгранной в сечении пластины зеленого кремнистого сланца. Последняя имеет более толстое жальце и могла служить проверткой (рис. 10, 4). Особо следует отметить обломок (острый конец) тонко-

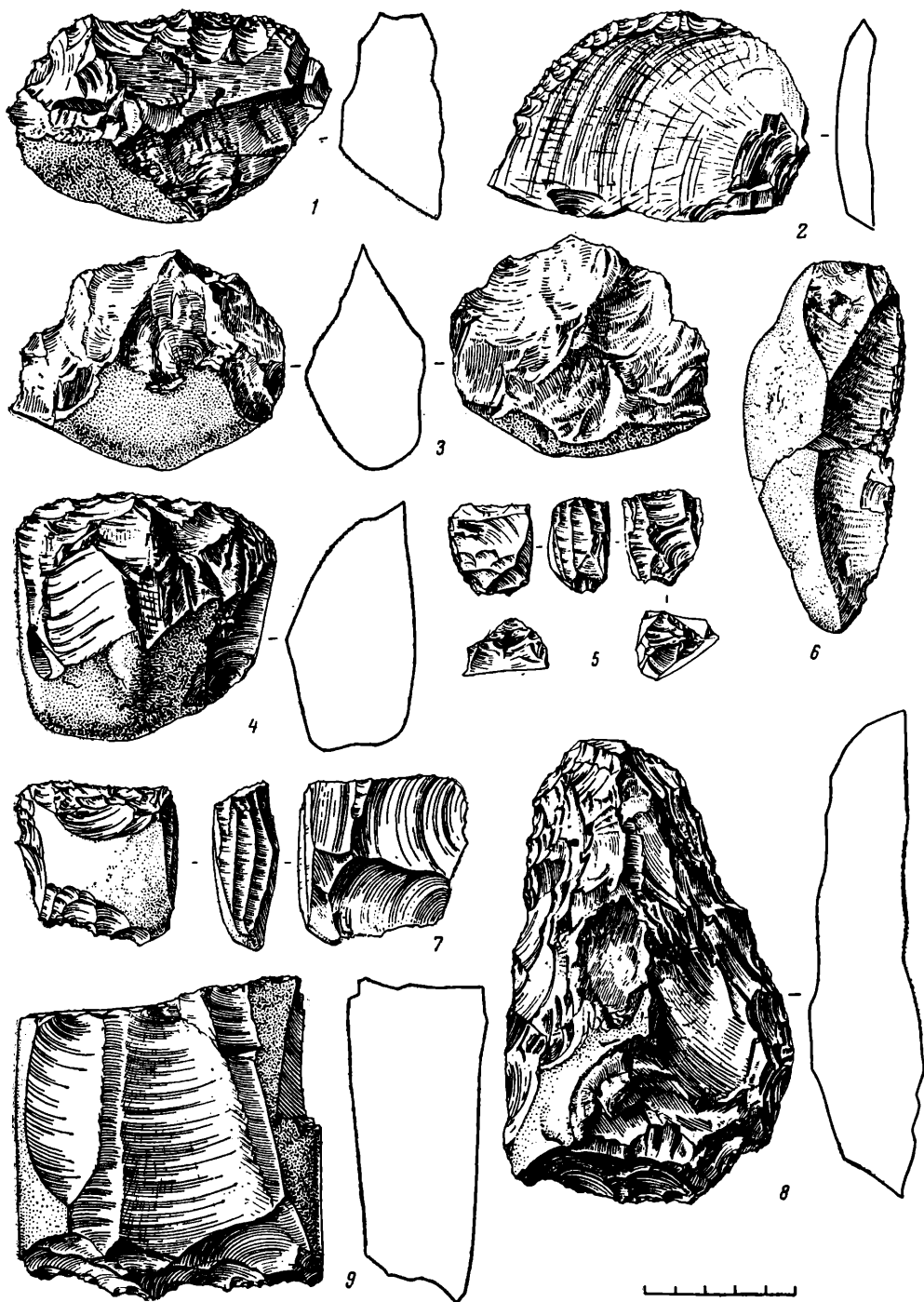

Рис. 9. Стоянка Аешка I, верхний горизонт

1, 2 — скребла; 3 — орудие типа чоппинга; 4 — чоппер; 5 — микропуклеус; 6 — нож; 7 — клиновидный пуклеус; 8 — топорovidное орудие; 9 — галечный пуклеус

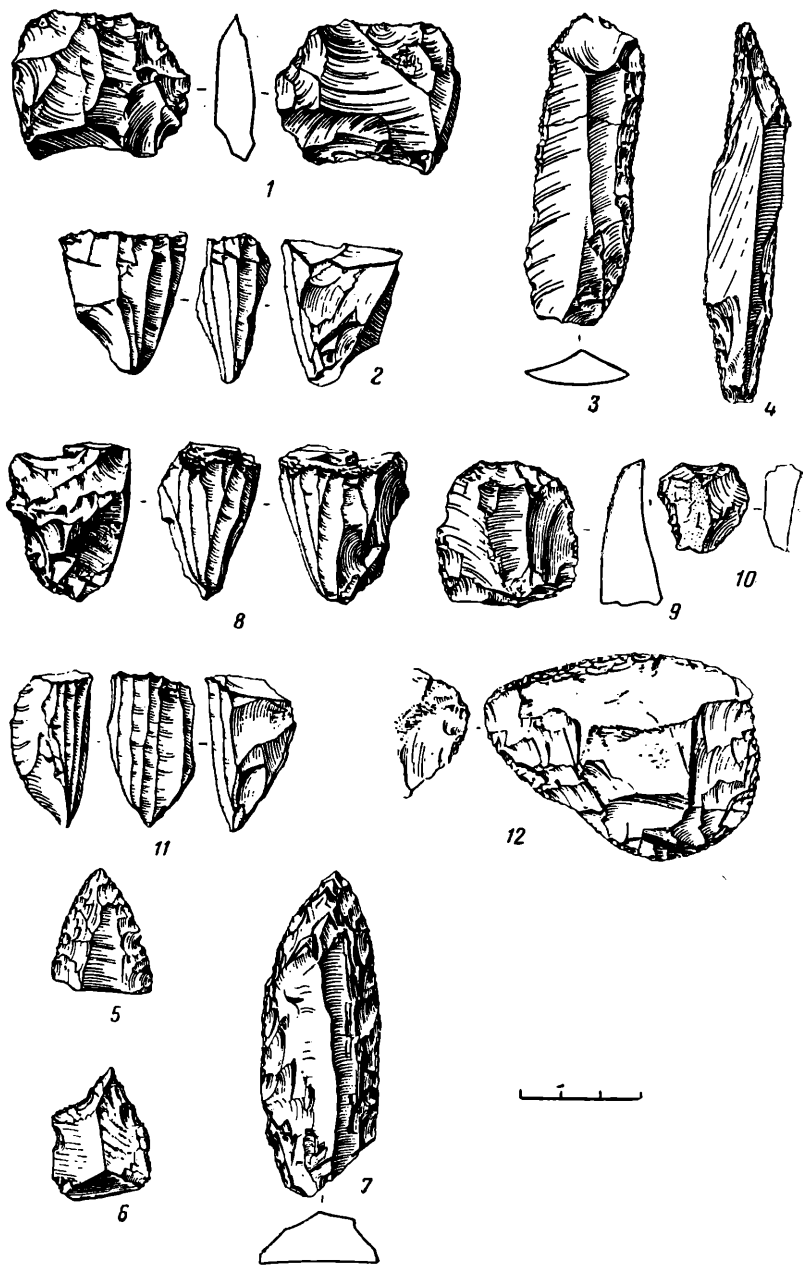

Рис. 10. Стоянка Аешка I (1—6), верхний горизонт

1 — долотовидное орудие; 2 — клиновидный нуклеус; 3 — пластина с ретушью;
4 — провертка; 5 — обломок остроконечника; 6 — проколка

Стоянка Аешка I (7—9, 14, 16), нижний горизонт

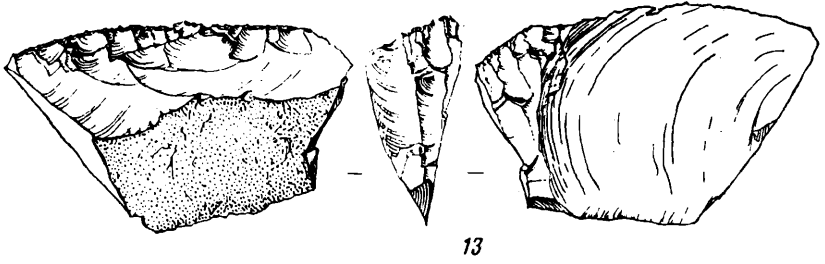
7 — остроконечник; 8 — клиновидный нуклеус; 9 — скребок; 14, 16 — галечные нуклеусы;

Стоянка Аешка II (10, 15), верхний горизонт

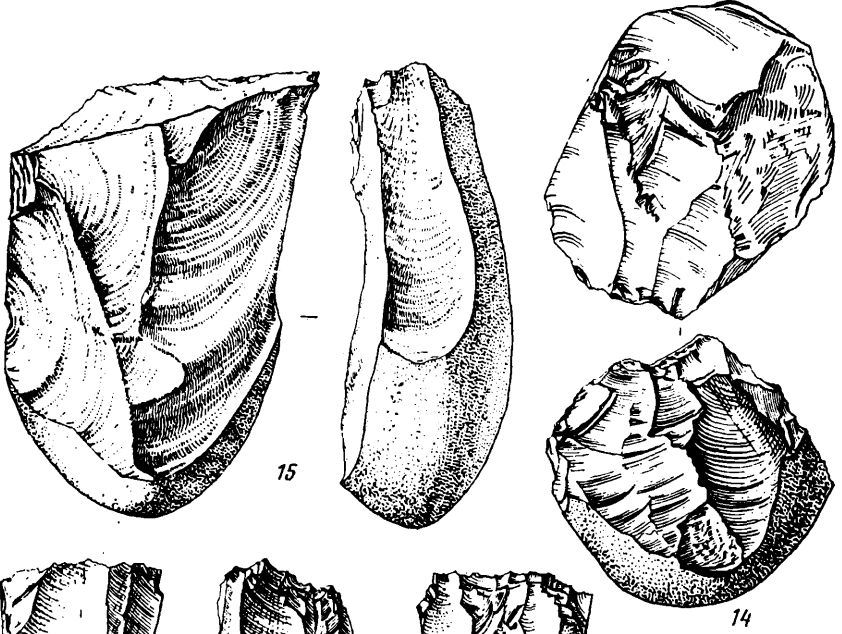
10 — скребок; 15 — галечный нуклеус

Стоянка Аешка II (11—13), нижний горизонт

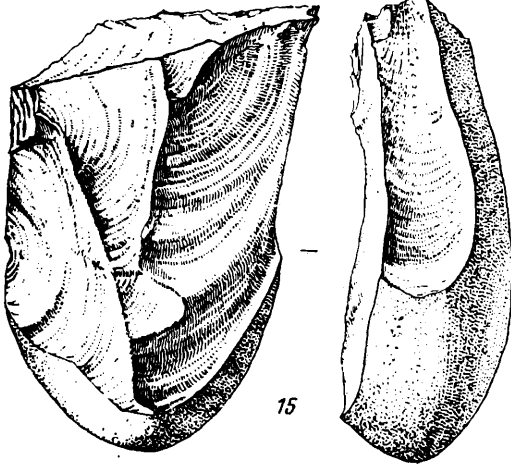
11 — клиновидный нуклеус; 12 — скребло; 13 — пластинка с ретушью, использованная как нуклеус

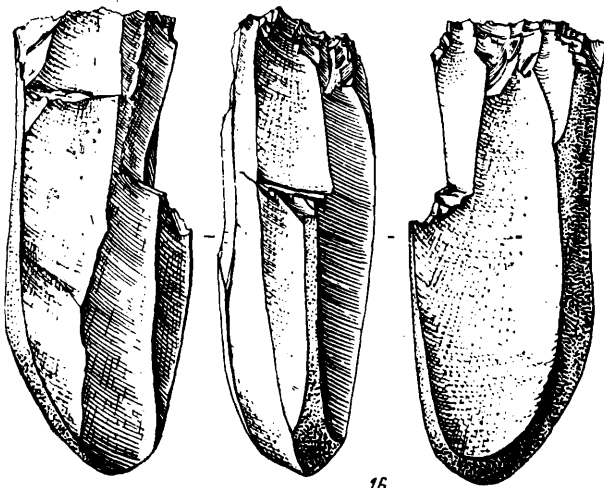
13

14

15

16

окончание рис. 10

обработанного наконечника из серого мелкозернистого кварцита (рис. 10, 5). Имеются и пластины с ретушью, по-видимому, служившие ножами: крупная асимметричная пластина коричневого кремнистого сланца с ретушью по одному, более прямому краю, причем обработка производилась уже после того, как пластина была сломана на две части (рис. 9, 6); пластинка темно-фиолетового кремнистого сланца с ретушью по одному продольному краю и следами использования по другому (рис. 10, 3).

В нижнем культурном слое из 618 предметов выделены только два орудия: остроконечник из асимметричной трехгранной пластины темно-серого мелкозернистого кварцита (рис. 10, 7) и скребок из округлого отщепа темного кварцита (рис. 10, 9). Здесь находились четыре галечных нуклеуса, из которых характерен нуклеус из узкой продолговатой гальки серого кремнистого сланца с прямой ударной площадкой и следами сколов длинных пластин (рис. 10, 16). Второй нуклеус из округлой гальки темного кремнистого сланца с подготовленной ударной площадкой близок к так называемым кубовидным нуклеусам кокоревской культуры (рис. 10, 14). Микронуклеус из темно-зеленой яшмовидной породы найден только один, по форме он переходный от клиновидных к конусовидным и представляется очень поздним по облику (рис. 10, 8). Кроме того, найдены четыре нуклевидных осколка и один обломок нуклеуса. К отбросам производства и заготовкам могут быть отнесены 2 расколотые гальки, 1 галька со следами сколов, 10 крупных осколков и 33 мелких, 13 массивных отщепов, 34 крупных, 85 отщепов средних размеров, 193 мелких и 205 чешуек, 1 крупная пластина, 6 пластинок, 8 микропластинок и 15 пластинчатых отщепов.

В 130—150 м ниже по течению от стоянки Аешка I, на склоне I надпойменной террасы, одновременно с раскопками I пункта была заложена зачистка с целью выявления культурного слоя, отмеченного Г. Мергартом и Г. П. Сосновским. Обнаружено, что под слоем дерна лежит бурая супесь с красноватой прослойкой в нижней части, непосредственно под которой расположен слой серого песка. Культурные остатки встречены и в красноватой прослойке, и в сером песке очень четко отчленяющимися друг от друга. Вдоль террасы заложен раскоп площадью 12×3 м. В раскопе под слоем дерна встречены отдельные отщепы и галечный нуклеус. Ниже, в слое бурой супеси, в южной половине раскопа, плашмя лежали крупные плитки известняка. Происхождение и назначение их неясно, в разрезе западной стенки раскопа видны какие-то прямоугольные ямы, заполненные более темной супесью. Дерн отложен позднее этих ям. Находок ни в ямах, ни рядом с известняковыми плитами нет. 1-й палеолитический культурный слой залегает в слое красной супеси, почти горизонтальном, с очень слабым падением к реке, на глубине 0,80—1,00 м у стенки и 1,10 м в среднем у выхода на склоне. В северной части раскопа красный слой выклинивается и бурая супесь лежит непосредственно на сером песке. Очевидно, здесь, как и на 2-й террасе, люди жили на бугре, прорезанном ложбинами с севера и юга.

2-й культурный слой лежит под 1-м без стерильной прослойки, в слое серого песка. Местами вышележащий красный слой интенсивно просачивается в нижележащий серый песок. Находки лежат на глубине 1,15—1,20 м у стенки и 1,25—1,30 м при выходе слоя к реке. На квадрате В-10 в заплыве красного слоя в серый найдены кости рыбы. В 2-м культурном слое встречаются кости северного оленя, в том числе челюсти, осколки других костей, немногочисленные отщепы. Слой довольно тонкий — не более 10 см.

В этих двух слоях собран небольшой материал. В верхнем слое всего 18 предметов: две гальки со следами сколов и три расколотые гальки, два осколка, массивный отщеп, три отщепов средних размеров и три мел-

ких отщепа, заготовка нуклеуса, краевой скол с нуклеуса, галечный призматический нуклеус из грубого темно-серого кремнистого сланца со скошенной при помощи одного удара площадкой и следами сколов крупных пластин (рис. 10, 15), скребок из небольшого отщепа темного кварцита с прямым сработанным рабочим краем (рис. 10, 10).

В нижнем культурном горизонте собрано 397 предметов, из которых большую часть составляют мелкие отщепы и чешуйки, хотя относительно высок процент микропластинок: 1 расколотая галька, 4 осколка, 2 массивных отщепа, 7 крупных, 9 отщепов средних размеров, 79 мелких и 249 чешуек, 3 пластинчатых отщепа, 2 пластины, 1 пластинка и 29 микропластинок, 1 микронуклеус из темного мелкозернистого кварцита. Ударная площадка прямая. На широкой торцовой части видны следы сколов правильных микропластинок (рис. 10, 11). На том же квадрате найдено скребло из отщепа темно-серого мелкозернистого кварцита с тонкой ретушью по краю. Имеется подправка и с противоположной стороны (рис. 10, 12). Заслуживает упоминания еще один предмет, который представляет нечто среднее между обломком массивной пластины и начальной ступенью клиновидного нуклеуса, — на одном конце пластины, поперек его, как на торце нуклеуса, видны следы сколов микропластинок, и ретушь по краю пластины при таком толковании напоминает подправку края ударной площадки нуклеуса. Материал — темный кремнистый сланец (рис. 10, 13).

Таким образом, у дер. Аешка впервые открыты два одновременных двухслойных палеолитических поселения. Судя по условиям залегания, стоянка Аешка II древнее стоянки Аешка I, поскольку ее культурные слои заключены в аллювиальных отложениях I надпойменной террасы, а слои стоянки Аешка I — в лессовидном покрове II террасы. Положение стоянки Аешка I свидетельствует об ее очень позднем в рамках палеолита, возможно, мезолитическом возрасте. Инвентарь стоянки Аешка I обнаруживает несомненное сходство с инвентарем более раннего, судя по условиям залегания и абсолютной дате, поселения Кокорево I, которое расположено в 10—12 км ниже по течению. Нам уже приходилось останавливаться на выделении особой кокоровской культуры на Енисее, отличной от афонтовской⁶, на основании главным образом своеобразного каменного инвентаря поселения Кокорево I. Формы нуклеусов и скребел этих двух стоянок совершенно идентичны, хотя на изделиях из Аешки I лежит налет какой-то грубости и меньшей определенности, что, возможно, объясняется грубостью исходного материала. О более позднем возрасте Аешки I может свидетельствовать наличие грубого топорovidного, по общему облику макролитического орудия. Таким образом, представляется несомненным отнесение стоянки Аешка I к кокоровской культуре, но позднее этапу ее развития. Вопрос о культурной принадлежности стоянки Аешка II решить труднее из-за малочисленности материала. В инвентаре ее присутствует такое необычное изделие, как пластина с ретушью, использованная в качестве клиновидного нуклеуса. Применение этого технического приема на пластине можно было бы рассматривать как поиски путей для получения микропластинок, зарождение техники клиновидных нуклеусов, если бы не наличие в том же слое типичного нуклеуса. Продолжение раскопок невозможно. К сожалению, стоянок у дер. Аешка больше не существует, так как в 1967 г. неожиданно сильный паводок Енисея затопил значительную часть Красноярского водохранилища и большинство палеолитических стоянок оказалось под водой.

⁶ Э. А. Абрамова. О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея. СА, 1966, № 3.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. В. ГРЕХОВА, Р. А. СОРОКИНА

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ У с. ТИМОНОВКА В 1965 г.¹

В 1965 г. Деснинская экспедиция Государственного исторического музея совместно с Палеогеографической экспедицией Института географии АН СССР проводили геоморфологические исследования и работы по отбору образцов почв на анализ для определения их абсолютного возраста. Одним из пунктов работ был намечен район Тимоновской стоянки.

Тимоновская позднепалеолитическая стоянка находится на правом берегу Десны, в с. Тимоновка, в 2,5 км от г. Брянска, на плато, и ограничена с одной стороны крутым склоном долины Десны, с другой — оврагом Прилавок. Тимоновская стоянка была открыта в 1927 г. М. В. Воеводским², исследовалась детально в 1928—1933 гг. В. А. Городцовым³ и разведочными раскопками А. Н. Рогачева и Д. А. Крайнова⁴ в 1955 г. В настоящее время стоянка целиком занята садами.

В одном месте, между улицами Ленина и Фокина, у водоразборной колонки в выбросе были найдены осколки и отщепы кремня, обломок зуба мамонта и обломок ребра мамонта. Здесь, в полутора метрах к югу от колонки, был заложен шурф 2 на 2 м. Этот шурф находится на расстоянии 240 м к юго-западу от Тимоновки I и отделен от нее правым отвержкой оврага Прилавок (рис. 11).

В геоморфологическом отношении этот участок села представляет собой самый край приводораздельного плато, в которое глубоко вдается овраг Прилавок, привязанный к пойме Десны.

Шурф, вскрывший культурный слой, расположен на месте слабого перегиба от склона плато к верховьям оврага, на мысу, между средним и правым его отвержками. В шурфе были вскрыты следующие отложения (описание дается по западной стенке шурфа) (рис. 12):

1. А₁ Гумусовый горизонт современной почвы. Глубина 0—0,30 м. Супесь пылеватая, темно-серая, плотноватая, контакт с нижележащим слоем ясный, горизонтальный, слабоволнистый.
2. А₁ (реликтовый). Глубина 0,30—0,35 м (до 0,40). Гумусовый горизонт (погребенный), супесчаный, от очень темно-серого до черного цвета, небольшими языками и отдельными пятнами проникающий в нижележащий слой.
3. А₁—А₂ Глубина 0,35—0,60 м. Суглинок темно-серый с коричневатым оттенком, с вкраплениями и пятнами гумусированного суглинка, языками проникающего в следующий горизонт.

¹ Доклад, прочитанный на заседании сектора неолита и бронзы ИА АН СССР 30 октября 1965 г.

² М. В. Воеводский. Тимоновская палеолитическая стоянка. «Русский антропологический журнал», т. 18, вып. 1—2. М., 1929, стр. 59—70.

³ В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. «Труды Ин-та антр., этногр., археол.», вып. 3, 1935.

⁴ А. Д. Крайнов. Жилища Тимоновской палеолитической стоянки. СА, XXV, 1956, стр. 13—34.

4. *A*₂ Глубина 0,40—0,60 м. Супесь пылеватая, белесая, с палево-серым оттенком, глыбисто-комковатой структуры, местами выклинивается. Контакт с нижележащим слоем заметный, слабоволнистый.
5. *B* Глубина 0,60—1,05 м. Суглинок пылеватый, буровато-серый, мелкоглыбистый, с небольшими пятнами и линзами более светлой супеси. Переход к слою 6 постепенный.
6. *C* Глубина 1,05—1,95 м. Супесь легкая, пылеватая, лессоватая, серовато-палевая с буроватым оттенком, мелкоглыбистая, переход к нижележащему слою горизонтальный, заметный. В пределах слоя отмечаются клиновидные текстурные деформации.
7. *C* Глубина 1,95—2,25 м. Супесь, близкая по составу слою 6, но с зеленовато-коричневым оттенком; в слое много мелких марганцовисто-железистых примазок и неясно выраженных ожезненных прослоек, мощность от 0,5 до 2 см. Контакт с нижележащим слоем заметный, ровный, горизонтальный.
8. *C* Глубина 2,25—2,60 м. Супесь лессовая, пористая, но по механическому составу несколько легче, с неясно выраженными ожезненными прослойками. Редко встречаются линзочки и тонкие прослойки ярко-желтого цвета более легкой супеси.

Из приведенного описания видно, что непосредственно под гумусовым горизонтом современной почвы залегает реликтовая почва. Более темный цвет ее свидетельствует и о более интенсивных дерновых процессах.

В верхней части горизонта *B* залегает культурный слой мощностью 24 см с горизонтом наибольшей концентрации находок в 10 см. Во втором шурфе (1 × 1 м) верхняя часть почвы, включая реликтовую, разрушена дорогой, но культурные остатки также залегают в верхней части слоя *B* с той же мощностью. Таким образом, оба шурфа дали культурные остатки в одних и тех же стратиграфических условиях.

Залегающая под горизонтом *B* лессовая супесь была вскрыта до глубины 2,60 м. На глубине от 1,95 до 2,25 м в ней отмечен уровень оглеения, заметно отличающийся по цвету от основной толщи лессовой супеси.

Особенно интересны в разрезе структурные деформации, отмеченные для горизонта 6, представленного лессовой супесью. Эти деформации имеют клиновидную форму, обращенную вершиной книзу. Их контуры создаются серией тонких (0,5—2,0 см) ожезненных прослоек, сближенных у их вершин. Ширина «клиньев» в верхней части составляет 1 м или несколько больше, глубина равна в среднем 0,5 м. Наиболее крупное клиновидное опускание отмечено в правой стороне стенки шурфа. Начинаясь с глубины 0,90 м от поверхности, оно доходит до глубины 1,95 м, тем самым рассекая слой 6 и самые верхи слоя 7.

В верхней части до глубины 1,40 м «клин» заполнен буровато-серым суглинком, таким же, как и низы горизонта *B* современной почвы. Над деформацией ожезненные прослойки, имеющиеся в данном слое, слегка прогнуты внутрь «клина». Нижняя часть заполнения деформации по текстуре несколько отличается как от вмещающей породы, так и от вышележащей породы. Оно представлено тоже лёссом, но с признаками механической переработки. В большем из «клиньев» (правом) имеются скопления более светлого суглинка в виде пятен вытянутой формы размером

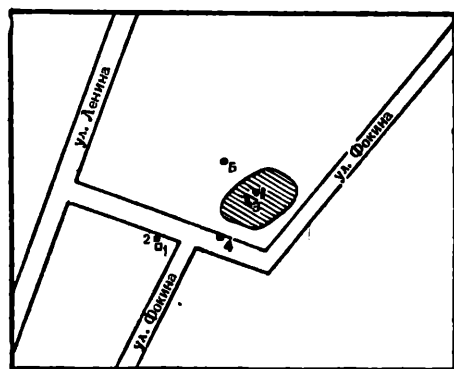

Рис. 11. Тимоновка. Схема расположения палеолитической стоянки

1 — шурф № 1, 1965; 2 — шурф № 2, 1965; 3 — раскопки В. А. Городцова; 4, 5 — шурф и вачетка, 1955 г.

от 5 до 15 см, ориентированных вертикально или наклонно (вдоль стенок «клина»).

Аналогичные деформации встречаются во многих разрезах лессовых толщ перигляциальной зоны. Их происхождение объясняется мерзлотными процессами, протекавшими в конце периода формирования верхнего лессового горизонта (лесс III) верхнеплейстоценовых отложений.

Описанные отложения в шурфе имеют много общего со строением верхних частей опорных лессовых разрезов, изученных в данном районе, например таких, как Тимоновка I и Карачиж⁵.

Имеющиеся материалы позволяют сделать некоторые выводы о стратиграфическом и геологическом положении стоянки Тимоновка II. По положению мерзлотных деформаций относительно культурного слоя можно заключить, что они возникли и заполнились до поселения человека, так как верхние горизонты породы, культурные остатки, не имеют структурных нарушений.

Положение культурного горизонта относительно слоя погребенной почвы указывает, что последняя формировалась уже некоторое время спустя после обитания здесь людей.

В культурном слое найден обработанный кремьен и отходы производства, среди которых встречены кусочки краски, местами окрашивающей слой, и мелкие обугленные косточки. У южной стенки шурфа I и нижней части слоя прослеживались зольные пятна и отдельные угольки.

Малыми размерами шурфа, возможно, определяется фрагментарность материала, количественное соотношение отдельных видов орудий.

Отсутствие крупных костей в шурфах может быть объяснено небольшими размерами вскрытой площади, так как в выбросе траншеи были найдены обломок зуба мамонта и обломки ребер мамонта. По положению найденного материала можно сказать, что слой не перетолжен, находится *in situ*, хотя возможны вертикальные смещения кремня в пределах горизонта B, о чем говорит большая мощность слоя и неравномерное размещение находок по вертикали. Весь кремьен из шурфов патинированный. Основную массу кремневого инвентаря составляют отбросы производства — мелкие чешуйки и отщепы. Размеры отщепов колеблются от 1 до 7 см в поперечнике, некоторые сохраняют участки галечной корки. Всего в разведочных шурфах найдено 1799 кремневых предметов и только один целый нуклеус, хотя в выбросе из траншеи было найдено три призматических нуклеуса.

В двух шурфах найдено 72 орудия, но набор их очень однообразен. Основным типом орудия являются резцы (42) (рис. 13, 7—11). Они сделаны на довольно правильных пластинках 3,5—6 см длины. Преобладают резцы бокового типа, на углу сломанной пластины только два, а из трех угловых два получены из боковых путем снятия резцовым сколом ретуши на конце пластины (рис. 13, 8). Этот прием подправки бокового резца появляется на Десне в памятниках конца позднего палеолита, таких, как Бугорок⁶, Чулатово II⁷, Карачиж⁸, Тимоновка I⁹. В двух рассмотренных случаях он выполнен очень грубо: скол не снял всей ретуши, пошел на брюшко и не дал нужной режущей кромки.

⁵ А. А. Вел и чко. Геологический возраст палеолита Русской равнины. М., 1961; он же. Район днепровского оледенения. «Рельеф и стратиграфия четвертичных отложений северо-запада Русской равнины». М., 1961.

⁶ М. Д. Гвоз довер. Палеолитическая стоянка Бугорок. КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 95—96.

⁷ М. В. Воеводский. Палеолитическая стоянка Рабочий Ров (Чулатово II). «Ученые записки МГУ», вып. 158, 1952, стр. 109—110.

⁸ Л. В. Грехова. Позднепалеолитическая стоянка Карачиж. «Труды ГИМ», вып. 40, 1966.

⁹ Фонды ГИМ, коллекция № 78098.

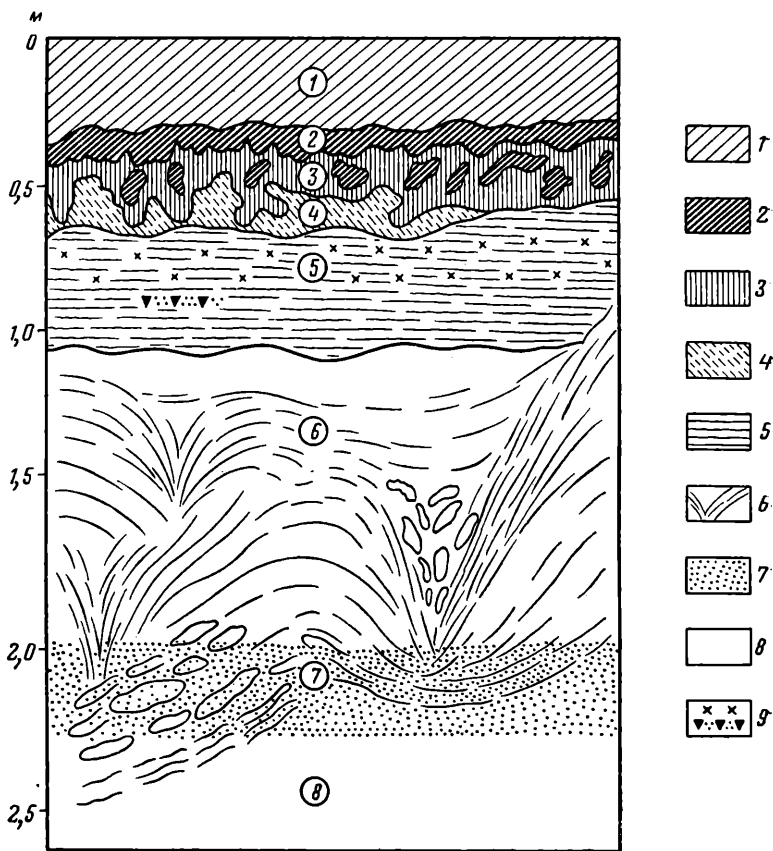

Рис. 12. Разрез западной стенки шурфа № 1

1 — гумусовый горизонт современной почвы; 2 — гумусовый (реликтовый) горизонт ископаемой почвы; 3 — переходный горизонт, 4 — горизонт выщелачивания современной почвы; 5 — горизонт вымывания современной почвы; 6 — горизонт лёсс III с прослойками ожелезнения и мерзлотными деформациями; 7 — уровень оглеения; 8 — горизонт лёсс III; 9 — культурный слой

Скребокков всего 16 (рис. 13, 5—6), из них 13 на конце укороченной, довольно массивной пластины (рис. 13, 6), и только три на отщепках. Из комбинированных орудий найден скребок-резец (рис. 13, 12) на пластине. Рабочее лезвие скребка почти прямое, края пластины обработаны ретушью, резец бокового типа с небольшим и правильным резцовым сколом. Сырьем для изготовления скребла послужила кварцитовая плитка размером 9,5×6 см. Грубыми сколами обработан один длинный край, других сколов на плитке нет, но одна из сторон немного окрашена.

Кроме этих орудий, в коллекции есть пластины с притупленным или частично притупленным краем (8) (рис. 13, 1—3), проколки (2) (рис. 13, 4) и косые острия (3) — заготовки боковых резцов без резцового скола.

Очевидно, заложенные шурфы вскрыли то место стоянки, где происходила обработка кремня, поэтому отбросы производства найдены в таком большом количестве.

То, что здесь была стоянка, не подлежит сомнению, так как слой сохраняет зольные пятна, угольки, обгоревшие косточки, краску, т. е. следы более или менее длительного пребывания человека на этом месте. О том, что этот пункт не связан со стоянкой Тимоновка I, может свидетельствовать и тот факт, что заложенный в 1955 г. геологический шурф

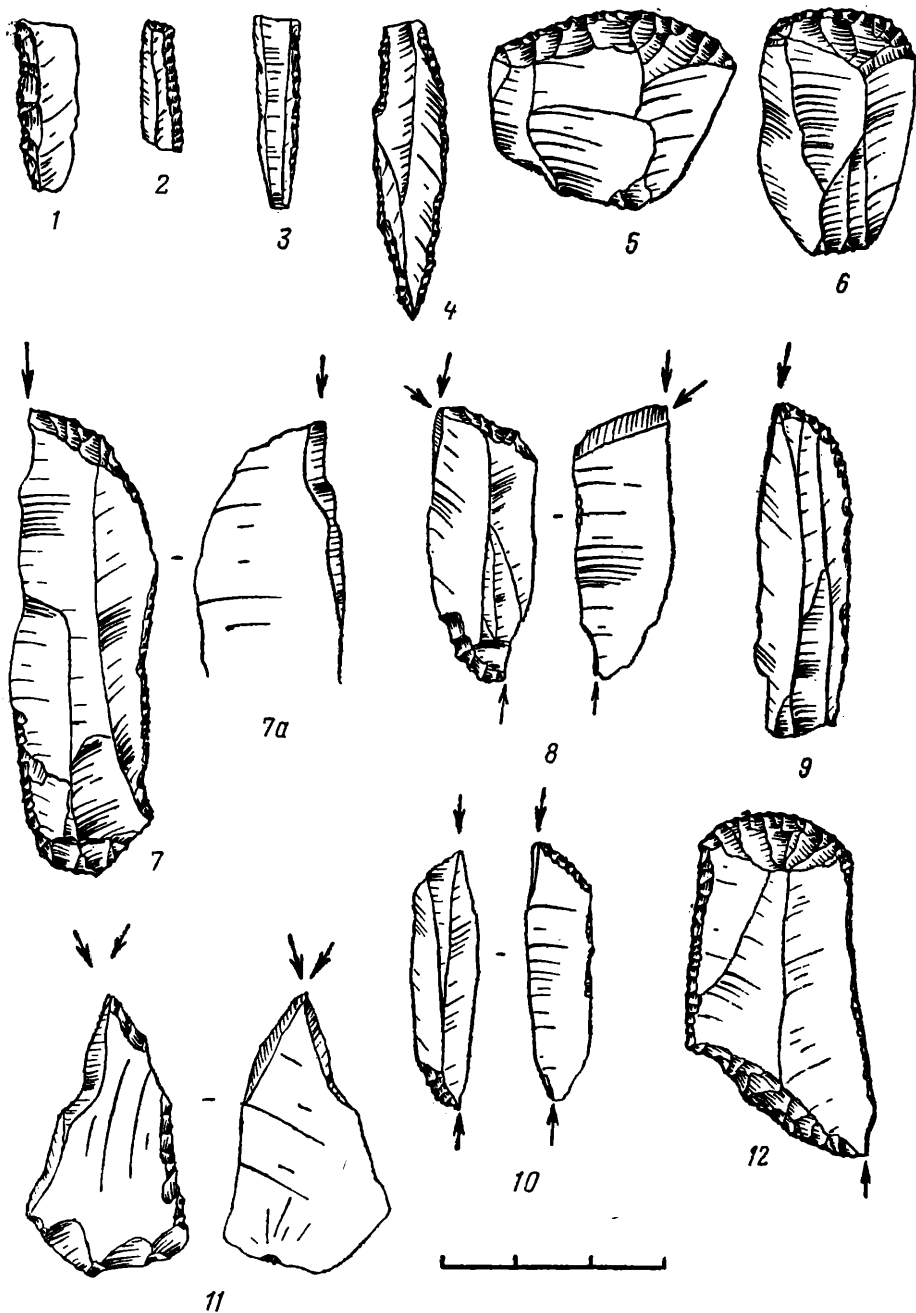

Рис. 13. Кремневый инвентарь из шурфов № 1 и 2

на ул. Фокина, в 150 м к юго-западу от Тимоновки I, т. е. между обоими пунктами, культурного слоя не выявил.

Имеющиеся типы орудий позволяют сопоставлять Тимоновку II с Тимоновкой I, стоянками Карачиж и Бугорок. Но в нашем распоряжении имеются геолого-геоморфологические датировки.

Сопоставление положения культурного горизонта относительно реликтовой почвы на соседних памятниках Тимоновка II и Карачиж дает возможность оценить их возраст относительно друг друга. По данным А. А. Величко¹⁰, культурный слой на стоянке Карачиж находится в нижней части почвенного горизонта B, на глубине 0,80 м. Культурный же горизонт на Тимоновке II располагается в верхней части горизонта B, на глубине 0,65—0,80 м. Таким образом, можно предполагать, что стоянка Тимоновка II возникла позже поселения на Карачиже.

К сожалению, недостаточная геологическая изученность стоянки Тимоновка I¹¹ затрудняет сопоставление ее стратиграфического положения со стоянкой Тимоновка II. Однако, по данным разведок М. В. Воеводского¹², линзы культурного слоя встречены им на стоянке Тимоновка I непосредственно под дерновым покровом, на глубине 0,25—0,50 м, в сильно гумусированном слое бурого суглинка, т. е., очевидно, в горизонте реликтовой почвы. А. А. Величко также указывает на концентрацию расщепленного кремня в гумусовом горизонте погребенной почвы¹³. Эти факты могут свидетельствовать о более молодом возрасте этой стоянки по сравнению с Тимоновкой II.

Таким образом, предварительные данные по стоянке Тимоновка II указывают, что положение культурного горизонта на этой стоянке является средним между двумя другими стоянками, а именно относится ко времени, непосредственно предшествующему формированию реликтовой почвы, когда уже была сформирована толща лесса III, т. е. к концу позднеледниковья.

¹⁰ А. А. Величко. Геологический возраст палеолита Русской равнины, стр. 179—184.

¹¹ В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка, стр. 3—6; А. Д. Крайнов. Жилища Тимоновской стоянки. СА, XXV, 1956, стр. 18.

¹² М. В. Воеводский. Тимоновская палеолитическая стоянка, стр. 60—61.

¹³ А. А. Величко. Указ. соч., стр. 161.

Л. Г. МАЦКЕВОЙ

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ВОСТОЧНОГО КРЫМА¹

Археологические работы в послевоенные годы позволили выявить выразительные группы мезолитических памятников на Юго-Западе СССР², а также в последнее время на Керченском полуострове³. Именно раскопки на этих территориях, считавшихся не так давно не заселенными в эпоху мезолита, дают возможность решения ряда важных вопросов о контактах населения Крыма с населением Кавказа, а также с районами Северо-Западного Причерноморья.

Исследования каменного века Восточного Крыма начаты Керченским музеем в 1962 г.⁴ В настоящее время известно 14 стоянок, на которых отмечены мезолитические комплексы. Четыре из них (Фронтное, рис. 14, 1; Алексеевка, рис. 14, 2; Тасуново, рис. 14, 3 и Луговое, рис. 14, 4) были известны и ранее, но как неолитические стоянки (по сборам подъемного материала)⁵, в результате раскопок на них были зафиксированы мезолитические комплексы. Кроме того, предыдущими исследованиями обнаружено еще 12 стоянок и местонахождений⁶, датированных эпохой неолита.

На протяжении пяти полевых сезонов Первобытной экспедицией Керченского музея произведены стационарные раскопки общей площадью вместе с шурфами в 472 кв. м, из них на стоянке Фронтное — 266, Алексеевка — 52, Ленинское — 46 (рис. 14, 12), Луговое — 46, Луговое II — 28 (рис. 14, 5), Тасуново — 24 кв. м. Кроме того, прошурфованы стоянки Горностаевка — 2 кв. м (рис. 14, 6), Горностаевка II — 2 кв. м (рис. 14, 7), Барзовка — 6 кв. м (рис. 14, 10).

Наиболее полно мезолитический комплекс исследован на стоянке Фронтное, где раскопки ведутся на протяжении 4 лет (1963—1966 гг.). Стратиграфический разрез стоянки Фронтное в квадрате «П» по линии 13—14 (западная стенка раскопа № 6 1965 г.) описан геологом В. М. Муратовым (Институт географии АН СССР). В разрезе отмечены следующие горизонты:

0—3 см — дерновый горизонт.

3—35 (45) см — горизонт А. Черно-бурая, гранулированная супесь —

¹ Доклад, прочитанный на секции палеолита сессии Института археологии АН СССР и Института этнографии АН СССР 20 апреля 1966 г. в Москве.

² П. И. Борисковский. Новые материалы по тарденуазу Юго-Запада СССР. «Тезисы докладов секции палеолита пленума Института археологии АН СССР в апреле 1966 года», стр. 8.

³ Л. Г. Мацкевой. Мезолитические стоянки и местонахождения на Керченском полуострове. СА, 1966, № 3, стр. 125—132.

⁴ В работах экспедиции активное участие принимали местные краеведы. Отметим прежде всего В. В. Веселова, А. Э. Шульгину, И. С. Моторного.

⁵ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962, стр. 127.

⁶ Там же, стр. 121.

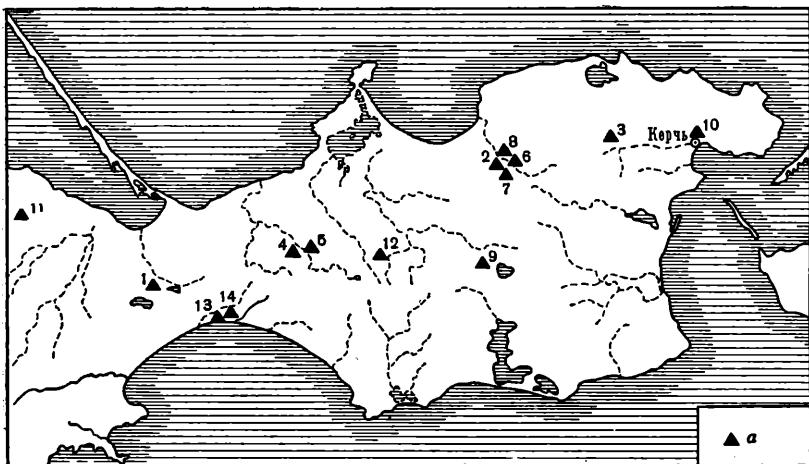

Рис. 14. Схема размещения поселений эпохи мезолита на Керченском полуострове
 1 — Фронтное, в 0,5 км на юго-запад от с. Фронтное; 2 — Алексеевка, в 0,5 км на северо-запад от с. Алексеевка; 3 — Тасуново, в 0,2 км на юг от с. Тасуново; 4 — Луговое, в 0,5 км на юго-запад от с. Луговое; 5 — Луговое II, в 0,2 км на юг от с. Луговое; 6 — Горностаевка, в 3,5 км на север от с. Горностаевка; 7 — Горностаевка II, в 3,2 км на север от с. Горностаевка; 8 — Наримановка, в 1,5 км на юго-восток от с. Наримановка; 9 — Фонтан II, в 1,5 км на юг от пос. Фонтан; 10 — Барзовка, в 0,5 км на юго-запад от с. Барзовка; 11 — Шубино, в 0,5 км на запад от с. Шубино; 12 — Ленинское, в 3 км на юго-восток от пос. Ленинское; 13 — Черная Балка II, в 8,3 км на северо-восток от пос. Приморский; 14 — Черная Балка III, в 8,5 км на северо-восток от пос. Приморский

легкий суглинок. Пронизан мелкими корнями растений. Неслоист и однороден. Контакт неровный, постепенный.

35(45)—55(58) см — горизонт А—В. Легкая супесь — пылеватый песок. Более светлый, гумусированность подтеками и пятнами. Есть налеты карбонатов. Отмечается частичная инкрустация карбонатами макропор. Неслоистый. Контакт постепенный.

55(58) — 92(97) см — горизонт В. Желтовато-палевая супесь, сцементированная карбонатами. Последние отмечаются также в виде примазок, точечных включений, инкрустаций макропор, мучнистых скоплений до 0,5 см в диаметре. Увеличивается пористость; макропор — более 10 на квадратный сантиметр.

92(97) — 100 см — горизонт В—С. Серовато-желтый пылеватый песок со скоплением мучнистых карбонатов.

Мезолитический комплекс отмечен в горизонте В на разных участках от 45(60) см от поверхности до глубины 90(100) см. Слой достаточно однороден, и в отличие от предыдущего, неолитического, комплекса кремневые изделия покрыты чаще всего светлой патиной. Кремьень стоянки уже ряд лет изучается петрографом В. Ф. Петрунем⁷. В этом направлении весьма важным является вопрос, откуда принесен кремьень на стоянку. Последние данные дают основание предварительно предполагать, что кремьень принесен на стоянку с достаточно близких территорий района г. Феодосии — мыса Чауда⁸.

Кремневые изделия стоянки являются самой многочисленной группой находок и представлены примерно 15 тыс. единиц, причем несколько менее $\frac{2}{3}$ из них относятся к мезолитическому комплексу, а остальные — к неолиту.

⁷ Л. Г. Мацкевой. Мезолитические стоянки... стр. 126.

⁸ В. Ф. Петрунь. Краткое заключение о составе камня из коллекции Л. Г. Мацкевого (стоянка Фронтное). Архив Института археологии АН УССР, 1965/35 № 4463 и архив Керченского музея, 1965, стр. 1.

Кремневые изделия мезолитического комплекса представлены достаточно типичными для Крыма формами (рис. 15, 1—21). Нуклеусы в массе своей призматические, односторонние и в основном уплощенные. От этой ведущей формы отмечены варианты в сторону клиновидных и карандашевидных. Кремневые орудия (13,1%) свидетельствуют о достаточно развитой кремневой индустрии. Форма большинства изделий, особенно геометрических микролитов, является хорошим показателем стандартизации и утилизации их употребления. Ретушь подавляющего большинства геометрических микролитов (трапеций, сегментов, треугольников) круглая, притупляющая. Небольшое количество сегментов и трапеций обработаны противоположающей ретушью с верхнего основания на брюшко и на спинку, что неоднократно отмечалось исследователями северо-восточных и юго-восточных территорий. Хорошо датируют микролиты асимметрические трапеции с зубчиками и на основаниях¹⁰. Треугольники не составляют сколько-нибудь заметной серии (0,5%). Вкладыши кукрекского типа составляют 2,8%, что несколько выше, чем в типичных мезолитических комплексах юго-западного Крыма. Наибольшую группу среди орудий составляют скребки (26%). В большинстве это правильных очертаний округлые скребки на отщепе, вторую группу составляют скребки на концах ножевидных пластинок, а также отщепы с ретушью одного края, выполнявшие, видимо, также функции скребков. Значительной серией представлены пластинки с ретушью и одно из наиболее характерных для второй половины мезолита Крыма орудие — пластинка с выемкой; они составляют более 36% всех орудий. 5% и менее орудий составляют резцы (большинство на углу сломанной пластинки), пластинки со скошенным краем, острия, наконечники стрел, а также, видимо, как пережиточное явление, пластинки с притупленным краем. Более 43% всех кремневых изделий составляют кремневые пластинки, количественно преобладая над отщепами и обломками. Это также достаточно стойкий показатель для мезолита¹¹.

Интересно, что в неолитическом комплексе Фронтowego соотношение между пластинами и отщепами и обломками резко меняется¹². Большой интерес представляют находки на стоянке двух кладов (складов) кремня, насчитывающие около 100 желваков и галек. Согласно определению В. Ф. Петруня¹³, подавляющее большинство галек «кладов» Фронтowego по микроструктурам, специфическому изменению окраски, избирательному выщелачиванию, типу вторичной заполированности их поверхностей близки кремням черноморского пляжа на участке от г. Феодосии до мыса Чауда и должны считаться материалом местного (Крымского, Керченского) происхождения¹⁴.

Есть основания полагать, что жилища представляли собой шалаши типа чумов. Одно такое жилище зафиксировано в 1963—1964 гг. Возможно, их было несколько, но это требует дополнительных исследований. Подобные жилища отмечены в Волго-Окском междуречье¹⁵, а также на других территориях¹⁶.

¹⁰ С. Н. Бибииков. Раскопки в навесе Фатьма-Коба в 1956 г. КСИА АН УССР, вып. 8, 1959, стр. 118—119.

¹¹ А. Я. Брюсов. Мезолитическая неурядица. «Историко-археологический сборник МГУ», 1962, стр. 25.

¹² Л. Г. Мацкевой. Отчет о работах Первобытной экспедиции Керченского историко-археологического музея в 1965 г. Архив Керченского музея, стр. 10—11, архив ИА АН УССР, 1965/35, № 4463.

¹³ В. Ф. Петрунь. Краткое заключение о составе камня..., стр. 2.

¹⁴ Л. Г. Мацкевой. Мезолитические стоянки..., стр. 129.

¹⁵ Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. СА, 1965, № 4, стр. 17; Д. А. Крайнов. Дюнная стоянка Золотолуцье I. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 63—69.

¹⁶ П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. СА, XXVII, 1957, стр. 50.

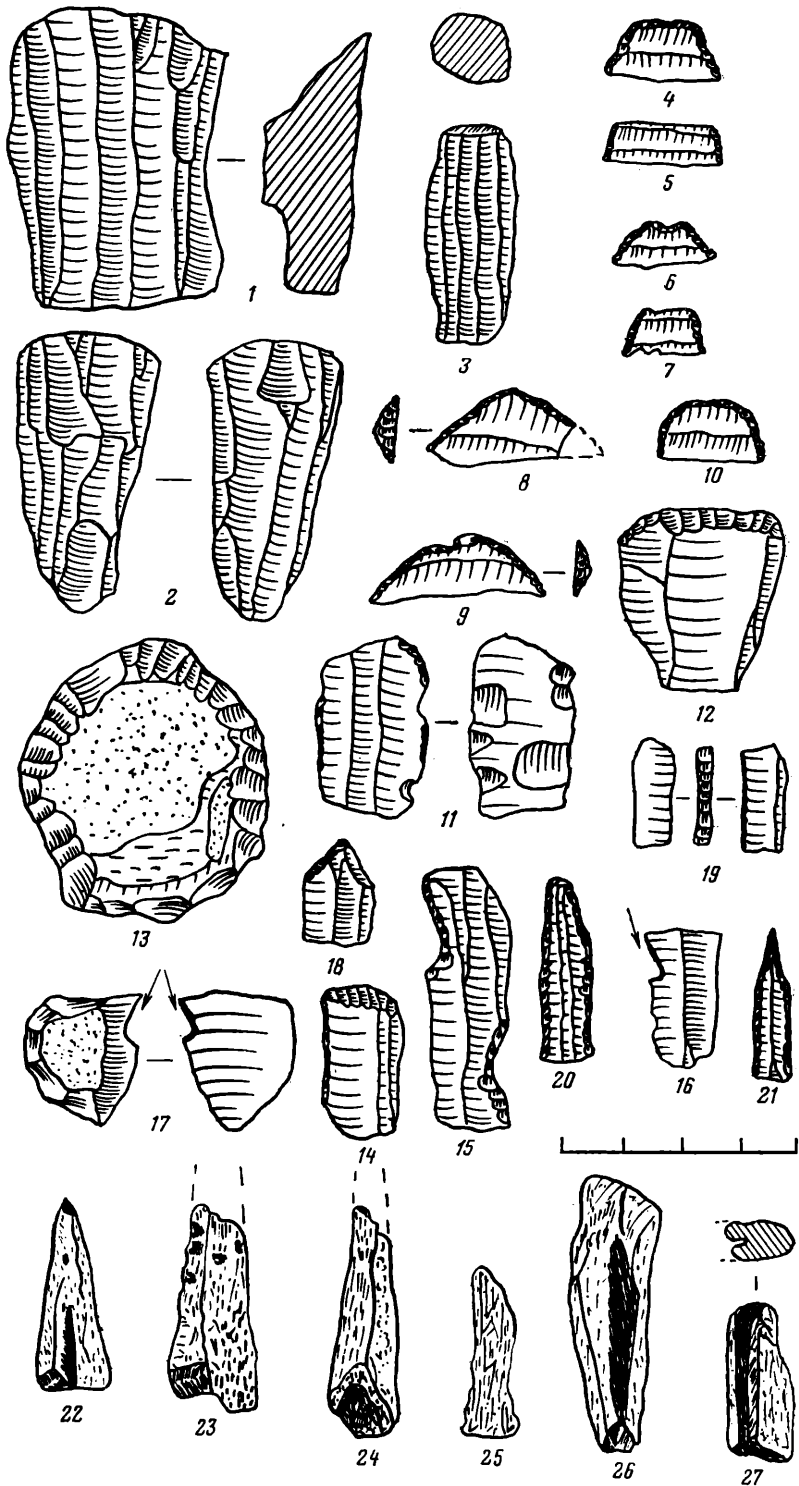

Рис. 15. Кремневый и костяной инвентарь стоянки Фронтное

1—3 — нуклеусы; 4—7 — трапеции; 8 — треугольник; 9—10 — сегменты; 11 — вкладыш кукрекского типа; 12—14 — скребки; 15 — пластинка с выемками; 16—17 — резцы; 18 — пластинка со скошенным режущим краем; 19 — пластинка с притупленным краем; 20 — острие; 21 — наконечник стрелы; 22—27 — орудия и обломки костяных изделий

Количество остеологических находок мезолитического комплекса превышает все остальные. Подавляющее большинство из них неопределимо. Связывая это явление с отсутствием очагов, можно предполагать, что стоянка была заселена лишь в летнее время и не было необходимости оттапливать жилища костями, как это прослежено на значительном количестве стоянок, где численно костей обычно меньше (часто значительно), чем кремневых и прочих изделий. Согласно предварительному определению И. Г. Пидопличко части остеологических сборов, отмечены следующие виды: лошадь, зубр, осел, джейран, сайга, олень обычный. Костяные изделия являлись, видимо, широко распространенными на стоянке, однако обнаружено (может быть, потому, что Фронтное — стоянка открытого типа)¹⁷ всего шесть костяных изделий, которые могут квалифицироваться как орудия и их обломки (рис. 15, 22—27). Это прежде всего фрагмент костяного основания для размещения микролитов (рис. 15, 27), а также обломки шильев и, возможно, костяного наконечника колющего орудия (рис. 15, 22—26). Интерес представляет также и каменный ретушер-отбойник, являющийся достаточно выразительным и типичным для мезолита Крыма¹⁸.

На стоянке Алексеевка в 1964—1965 гг. вскрыто 52 кв. м. Мезолитический комплекс в основном находится в горизонте подпочвы В, который близок горизонту В стоянки Фронтное. Всего на стоянке выявлено 137 находок, отнесенных нами к мезолиту, в том числе 15 костей. В процентном отношении это гораздо меньше, чем на стоянке Фронтное. Орудия составляют более 32% всех изделий (рис. 16, 3, 5, 9, 14 и 16). Это, а также полное отсутствие нуклеусов — в отличие от неолитического комплекса стоянки — свидетельствует о временном характере этого поселения в эпоху мезолита. Интересно, что в отличие от типичных мезолитических стоянок Крыма, в том числе и Фронтного, где, как правило, из геометрических микролитов имеются трапеции, сегменты и треугольники, в мезолитических слоях стоянки Алексеевка отмечены лишь трапеции. Подобное явление не отмечалось в комплексах Крыма, насчитывающих по крайней мере 100 изделий, но прослежено на стоянке Гиржево в Северо-Западном Причерноморье¹⁹. Этот факт требует объяснения. В значительном количестве в слое отмечена желтая охра, видимо, местного происхождения²⁰.

В 1965 г. нами произведены раскопки на стоянке Тасуново, впервые обследованной А. А. Щепинским в 1954 г. и отнесенной им к неолиту²¹. Из вскрытых 24 кв. м большая часть раскопа, за исключением северной его части, оказалась в зоне наполнения балки в античное и средневековое время. Таким образом, большинство материалов мезолитического возраста находится в переотложенном состоянии. Говоря о кремневой индустрии стоянки, следует отметить ее близость материалам Фронтного (рис. 17, 1—13). Существенным отличием от них является лишь наличие значительного процента (12% орудий) вкладышей кукрекского типа, что превышает процент трапеций и сегментов. Из раскопанных комплексов в Крыму это явление отмечено лишь на стоянке Кукрек²². На стоянке обнаружено

¹⁷ С. Н. Бибииков. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднэпалеолитических обществ Крыма. «Ученые записки ЛГУ», 1949, № 85, вып. 13, стр. 13.

¹⁸ Находки исследовались в лаборатории ЛОИА С. А. Семеновым.

¹⁹ В. Н. Станко. Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской обл. (1962—1964 гг.). СА, 1966, № 2, стр. 97.

²⁰ В. Ф. Петрунь. Краткое заключение о составе камня... стр. 2.

²¹ Ю. Г. Колосов. Дослідження пам'яток неолітичного часу на Керченському півострові. «Археологія», т. XIV. Київ, 1962, стр. 157.

²² Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 88.

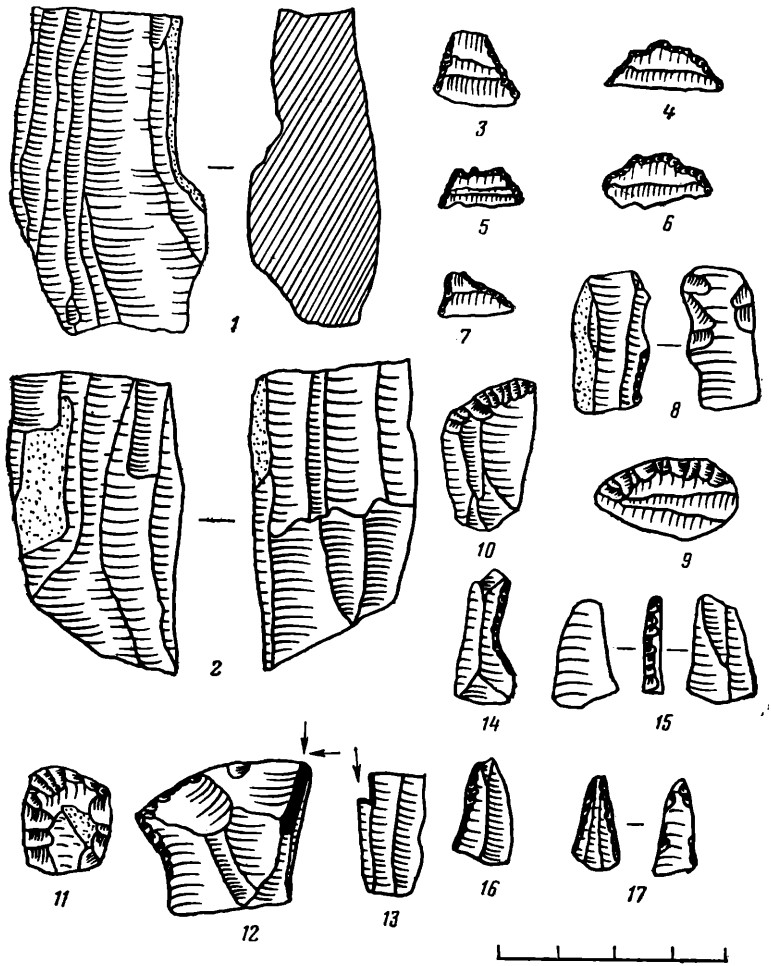

Рис. 16. Кремневые изделия со стоянок Алексеевка и Ленинское
 1, 2, 4, 6—8, 10—13, 15, 17 — Ленинское; 3, 9, 5, 14, 16 — Алексеевка
 1—2 — нуклеусы, 3—7 — трапеции; 8 — вкладыш кукрекского типа; 9—11 — скребки; 12, 13 — резцы;
 14 — пластинка с выемкой; 15 — пластинка с притупленным ретушью краем; 16 — пластинка со скошен-
 ным ретушью краем; 17 — острio

значительное количество улиток *Helix*, видимо, употребляемых жителями поселения в пищу²³.

В 1966 г. открыта и обследована стоянка у пос. Ленинское. Стоянка расположена на левом берегу р. Самарли, на мысообразном уступе, в 200 м на запад от пропила в отрогах Парпачского хребта. Высота стоянки над современным дном балки около 10 м. Судя по подъемному материалу, можно предположить, что площадь стоянки составляет более 20 тыс. кв. м. Предварительно есть основание говорить о близости материала этого комплекса комплексу Алексеевки. Здесь также из геометрических микролитов известны лишь трапеции²⁴ (рис. 16, 1—2, 4—8, 10—13, 15, 17).

²³ С. Н. Бибииков. Об использовании улиток *Helix* в позднелеолитическое время. МИА, № 2, 1941, стр. 140.

²⁴ Фонды Керченского музея. Инв. № К-11007.

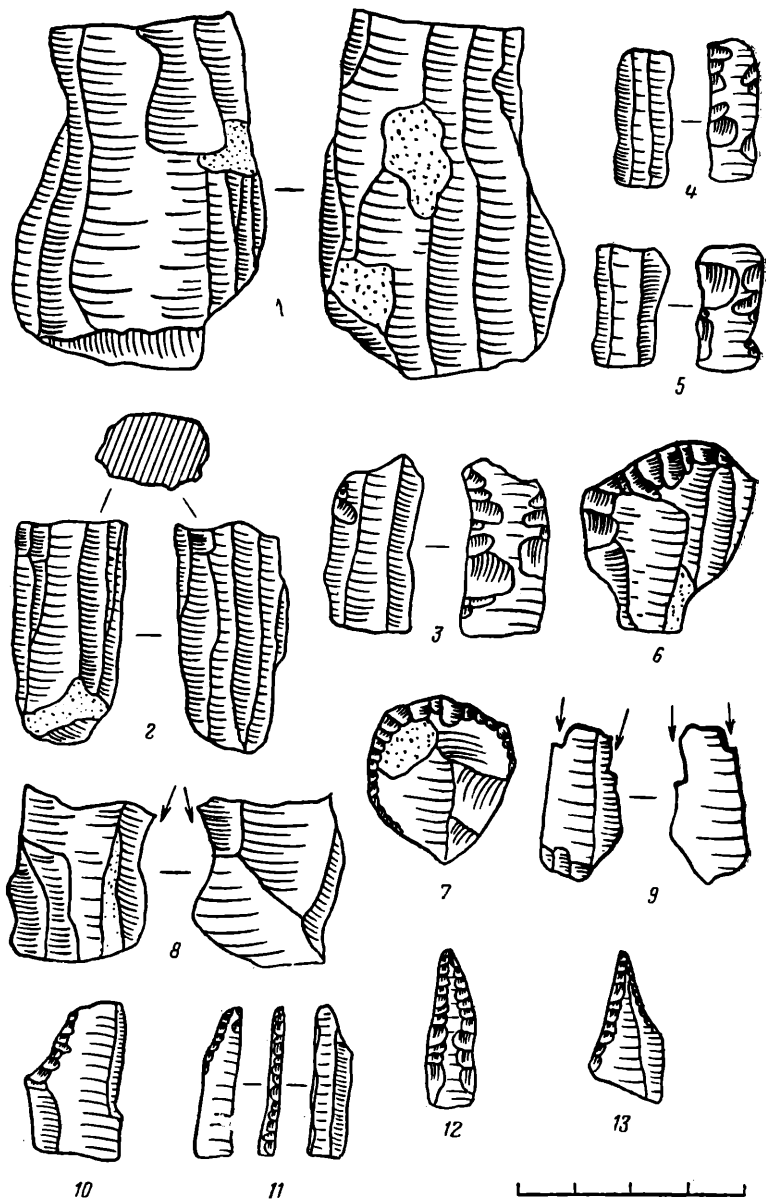

Рис. 17. Кремневые изделия стоянки Тасуново

1, 2 — нуклеусы; 3—5 — вкладыши хукрекского типа; 6, 7 — скребки; 8, 9 — резцы; 10 — пластинка со скошенным ретушью краем; 11 — пластинка с притупленным ретушью краем; 12, 13 — острия

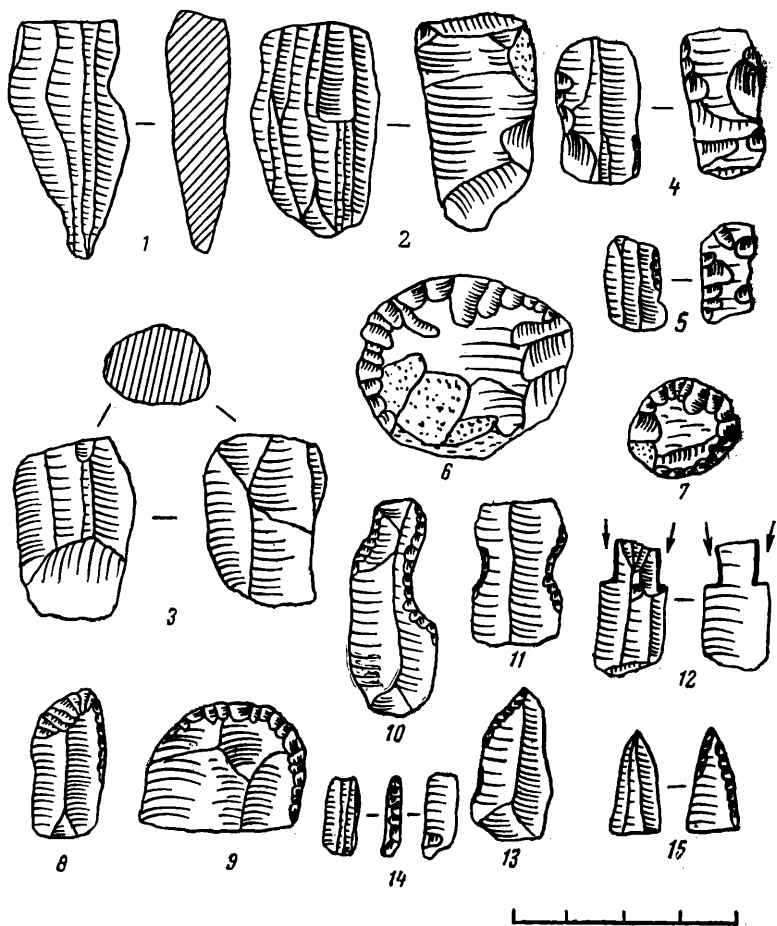

Рис. 18. Кремневые изделия со стоянок Луговое и Горностаевка
 1, 4, 5, 7-10, 13, 14, 15 — Луговое; 2, 3, 6, 11, 12 — Горностаевка; 1-3 — нуклеусы;
 4, 5 — вкладыши кукрукского типа; 6-9 — скребки; 10, 11 — пластинки с выемками;
 12 — резец; 13 — пластинка со скошенным ретушью краем; 14 — пластинка с притупленным
 ретушью краем; 15 — наконечник стрелы

На Керченском полуострове в последнее время все четче выявляется группа стоянок без геометрических микролитов и, как показывают материалы раскопок 1966 г., относящихся к мезолитическому времени. Как правило, геометрические микролиты, обнаруженные на этих стоянках, составляют весьма незначительный процент либо вовсе отсутствуют. Надо полагать, их функции выполняли необработанные пластинки и их сечения, которые составляют на стоянках до 44% всех кремневых изделий. Кроме того, пластинки с ретушью составляют до 40% всех орудий.

Наиболее полно в настоящее время подобный комплекс зафиксирован на стоянке Луговое. В 1954 г. здесь А. А. Щепинским было зафиксировано несколько пластинок, и в сводной статье Ю. Г. Колосова местонахождение предварительно датировано неолитом²⁵. Стоянка расположена на левом пологом берегу пересохшей речки, на уровне 5 м от дна реки. Залегание слоя без геометрических микролитов (рис. 18, 1, 4, 5, 7, 10, 13, 14, 15) отмечено в четких стратиграфических условиях между слабо выраженным и часто переотложенным верхним неолитическим слоем и подстилающим

²⁵ Ю. Г. Колосов. Дослідження пам'яток... стр. 157.

его слоем с типичными тарденаузскими трапециями. Комплекс без геометрических микролитов раскопан также и на пункте Луговое II. Стоянка Луговое II расположена на правом обрывистом берегу реки, на уровне 6 м от дна реки. Раскопками 1966 г. на всей толще мезолитических отложений, колеблющихся от 0,4—0,6 м до 0,7—0,9 м от поверхности, в почве выявлены находки, аналогичные II комплексу стоянки Луговое. Близкие Луговому комплексы в настоящее время представлены еще на четырех стоянках. Это стоянка Горностаевка²⁶, расположенная на уровне около 8 м от дна балки. Возможно, здесь, как и на стоянке Луговое, слой без геометрических микролитов (рис. 18, 2, 3, 6, 11, 12) подстигается слоем с геометрическими микролитами²⁷. На левом берегу этой же речки в 1966 г. выявлена еще одна стоянка, находки на которой близки предыдущему комплексу. Высота стоянки над дном речки около 10 м (Горностаевка II).

В 1966 г. в районе Черной Балки, в устье которой А. Д. Архангельским выявлена неолитическая стоянка, нами обнаружено еще две стоянки, предварительные сборы с которых позволяют отнести их также к группе комплексов без геометрических микролитов. Это стоянки Черная Балка II и Черная Балка III (рис. 14, 13, 14).

Подводя итоги последних лет работы по каменному веку на Керченском полуострове, необходимо отметить следующее. Эти работы позволяют говорить о заселении этих мест в эпоху мезолита.

Вместе с тем большое количество фактов свидетельствует о том, что это были, видимо, сезонные стоянки человека, куда коллективы мезолитических охотников-собирателей откочевывали в летние месяцы в основном со второй гряды Крымских гор, а также с других территорий²⁸. На стоянках не прослежена дневная поверхность, не выявлено в мезолитических слоях остатков очагов или постоянных кострищ. Именно эти признаки характерны для стоянок²⁹, заселявшихся многократно, но на короткий срок³⁰.

Интересные результаты дает топография мезолитических стоянок полуострова. Почти все они расположены в идентичных условиях. Это прежде всего возвышенный мыс или берег пересыхающих летом рек, согласно данным палеозоологов и геологов, в свое время полноводных³¹. Чаще всего стоянки расположены на уровне от 18 до 8 м от современного тальвега балок. Как правило, поселения расположены в непосредственной близости от пропиа речкой в невысоком Парпачском хребте или его отрогах. В этих местах речка более полноводна, видимо, в такие места животные чаще приходили на водопой. Кроме того, возвышенности закрывали стоянки от ветров. Эти условия до некоторой степени близки яйлинским³², а также тем, в которых располагалась стоянка Джебел³³. По данным геологов, на Керченском полуострове леса имели характер небольших рощ.

Наличие материалов мезолитического возраста на Керченском полуострове позволяет говорить о неоднородности комплексов различных стоянок. Так, комплекс стоянки Фронтное близок типичным тарденаузским комплексам юго-западного Крыма. Это второй горизонт III слоя Шан-Коба, Мурзак-Коба, 4—2 слои Фатьма-Коба. Близкие Фронтному отме-

²⁶ Стоянка впервые обследована студентом КГУ В. В. Веселовым в 1964 г.

²⁷ В шурфе, заложенном в 1966 г., на стоянке (1×2 м) на глубине около 80 см выявлена типичная тарденаузская трапеция.

²⁸ В. Н. Станко. Мезолитическая стоянка Гиржево. . . , стр. 97.

²⁹ П. П. Ефименко. Поздний палеолит Северного Причерноморья. СА, 1960, № 4, стр. 23.

³⁰ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 354.

³¹ Н. Н. Павлова. Физическая география Крыма. Л., 1964, стр. 73.

³² О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской яйлы. СА, I, 1936, стр. 100.

³³ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры Прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 13.

чены комплексы на стоянках Алексеевка, Ленинское, в III (нижнем) слое стоянки Луговое. Однако в сериях геометрических микролитов, выявленных в мезолитических слоях стоянок, отмечены лишь трапеции, что не характерно для крымских комплексов, но отмечено большой серией на стоянке Гиржево в Северо-Западном Причерноморье.

Третью группу стоянок составляют пункты, на которых геометрические микролиты почти вовсе отсутствуют. Эти комплексы отмечены на стоянках Луговое II, Горностаевка, Горностаевка II и во втором комплексе (среднем) стоянки Луговое. Можно предполагать, что подобные комплексы есть на стоянках Черная Балка II и Черная Балка III. Близкие им комплексы отмечены в слоях М-1 и М-2 грота Сосруко³⁴, в слое М-1 стоянки у Алебастрового завода на Кавказе³⁵, в 7—8 слоях пещеры Джебел³⁶. Уменьшение количества геометрических микролитов, относящихся ко второй половине мезолита, отмечено и на многих других стоянках³⁷. Интересно, что на некоторых памятниках эти материалы перекрыты непосредственно слоями с керамикой, где имеются геометрические микролиты.

Четвертая разновидность стоянок на Керченском полуострове представлена пока лишь стоянкой Тасуново, где вкладыши кукрекского типа преобладают над геометрическими формами. Однако отсутствие группы стоянок подобного рода, а также небольшая площадь непо потревоженных горизонтов на стоянке Тасуново позволяет делать только предварительные выводы.

Стоянки у сел Барзовка³⁸, Фонтан, Шубино и Наримановка (рис. 14, 8, 9, 10, 11) представлены небольшим количеством материала, который недостаточен для отнесения их к какой-либо группе мезолитических памятников.

³⁴ С. Н. Замятнин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1955 г. «Ученые записки КБНИИ», 1957, т. 13, стр. 438.

³⁵ С. Н. Замятнин, П. Г. Акритас. Археологические исследования 1957 г. в Боксанском ущелье. Ученые записки... стр. 472.

³⁶ А. П. Окладников. Пещера Джебел... стр. 195.

³⁷ А. А. Формозов. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе. СА, 1963, № 4, стр. 186.

³⁸ Стоянка открыта совместно с А. П. Чернышом.

Н. Д. ПРАСЛОВ, Г. Б. ПОСТНИКОВ, Е. РОТШИЛЬД

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ С МИКРОЛИТИЧЕСКИМ ИНВЕНТАРЕМ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИКАСПИИ

В последние годы благодаря находкам в полупустынных и пустынных районах юга нашей страны накопился довольно большой археологический материал, который позволил выделить и убедительно обосновать целую эпоху в истории освоения этих районов — эпоху неолита и энеолита. Тщательное изучение коллекций обработанного кремня и керамики дало возможность поставить интересные вопросы о своеобразии развития культур эпохи камня, связанного с особенностями природного окружения и со своеобразием хозяйства древнего населения¹, а также попытаться подойти к решению проблемы выделения культур и их местных вариантов² в пределах огромной зоны с микролитическим каменным инвентарем. Однако последнему сильно мешает крайняя отрывочность сведений, имеющихся в нашем распоряжении, обусловленная неравномерностью изученности этой огромной и труднодоступной территории. Поэтому, естественно, каждое сообщение о новых находках из данных областей представляет существенный интерес.

В 1962—1965 гг. во время зоологических исследований на территории северо-восточного Прикаспия Е. В. Ротшильдом и Г. Б. Постниковым собран археологический материал более чем в десяти пунктах (рис. 19). Основная часть местонахождений представлена микролитическим каменным инвентарем. Только в некоторых пунктах имеются обломки керамики. По морфологическому облику каменных изделий памятники вписываются в область развития микролитического инвентаря, датируемого эпохой неолита. До этих открытий на всей территории между реками Уралом и Эмбой было известно лишь два памятника неолитического времени, выявленных Хорезмской экспедицией в 1950 г.³

Большинство новых местонахождений приурочено к древним дельтовым элементам рельефа с увалами и многочисленными древнеозерными котловинами, образовавшимися здесь в послехвалынское время (рис. 19).

¹ А. А. Формозов. Микролитические памятники Азиатской части СССР. СА, 1959, № 2, стр. 47—59.

² Там же; А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. 25, 1949, стр. 49—58; он же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. 31, 1950, стр. 141—147; он же. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом. БКИЧП, № 15, 1950, стр. 64—75; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии (по данным функционального анализа). Автореф. канд. дисс. Л., 1966.

³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1950 г. СА, XVIII, 1953, стр. 305—306; «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960, л. 16.

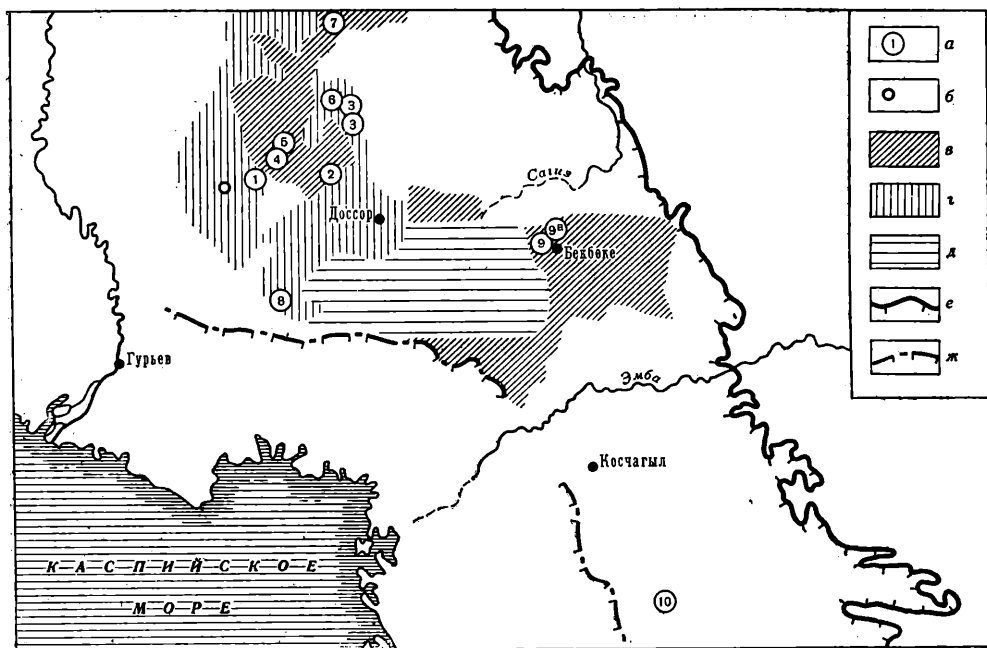

Рис. 19. Карта местонахождений с микролитическим каменным инвентарем в северо-восточном Прикаспии

а — местонахождения, где собран материал; б — местонахождения, где материал не собирався; в — территории древних дельт с увалистым рельефом и многочисленными древнеозерными котловинами; з — территории с редкими древнеозерными котловинами; д — территории с увалистым рельефом и многочисленными долинными понижениями, заливавшимися дельтовыми и морскими водами; е — граница максимума верхнехвалынской трансгрессии; ж — граница максимума новокаспийской трансгрессии

Их расположение за пределами границы максимума новокаспийской трансгрессии указывает, по-видимому, на то, что наиболее благоприятные условия для жизни человека здесь были во время новокаспийской трансгрессии, когда территория была достаточно хорошо обводнена.

Наиболее выразительными являются два местонахождения близ Бекбеке (рис. 19, 9, 9а), с которых и начнем характеристику.

Первое местонахождение, условно названное Бекбеке I (рис. 19, 9), расположено примерно в 2—3 км западнее одноименного поселка. Многочисленные находки кремня и керамики собраны здесь в обширной котловине выдувания на вершине супесчаного увала, среди отмершей дельты р. Кайнар. Длина котловины около 400 м, ширина — 20—30 м. Находки встречаются по всей котловине, но выделяются места наибольшего скопления материала. По-видимому, при выдувании песка и супеси культурные остатки не перемещались, а как бы оседали и, следовательно, даже в таком виде могут указывать на планиграфию древнего поселения.

В количественном отношении среди находок резко преобладают каменные изделия — около 400 экз. Обломков керамики значительно меньше — около 50 фрагментов. Кремь и керамика во всех скоплениях залежали вместе.

Основным сырьем для изготовления каменных орудий служил серый кремь. Но встречаются также орудия из светло-коричневого и черного кремья, а иногда и из серой опоконидной кремнистой породы. Вообще по петрографическому составу каменный инвентарь дает довольно пеструю картину.

Но, несмотря на такую пестроту петрографического состава сырья, техника расщепления единая — призматическая. Среди заготовок орудий и отбросов производства основным типом являются тонкие правильные удлиненные пластины, снятые с призматических нуклеусов. Наибольшая ширина пластин, за редким исключением, не превышает 1,5 см. В основном она колеблется в пределах 1—1,3 см при самой различной длине. Отщепов грубой, неправильной формы мало, так же как мало и пластинчатых отщепов. Последняя категория заготовок полностью шла на изготовление скребков (рис. 20, 3—11). Остальные типы орудий изготовлены только из пластин.

Для скребков из Бекбеке I характерным элементом является следующеё. Их лезвия оформлены крутой ретушью по дуге, срезающей наиболее широкий конец пластинчатого отщепа и заходящей по обоим продольным краям почти до ударного бугорка. У некоторых скребков ретушь отмечается вдоль продольных краев и со стороны брюшка (рис. 20, 9). На многих скребках даже невооруженным глазом хорошо видны следы изношенности, но не на основном лезвии, а на продольных краях (рис. 20, 5, 6, 8).

Следующую наиболее выразительную группу орудий в Бекбеке I составляют многочисленные острия и их обломки (рис. 20, 12—22). Все они изготовлены из правильных удлиненных пластин путем обработки обоим продольным краем ретушью. Самое острие в зависимости от формы заготовки располагается то у ударного бугорка: (рис. 20, 13, 22), то на противоположном конце (рис. 20, 16—20). По нашему мнению, большинство этих орудий применялось в качестве наконечников стрел. Наиболее толстые из них иногда использовались как сверла.

Значительную серию орудий составляют всевозможные микропластинки с ретушью и их сечения, употреблявшиеся в качестве вкладышей составных орудий (рис. 20, 24—25). Для них характерна тонкая подправка со стороны брюшка и часто противолежащая ретушь.

Другие типы орудий в Бекбеке I не составляют серий. Единичны выемчатые скобели (рис. 20, 23) и долотовидные изделия типа *pièce écaillée* (рис. 20, 28). Имеются острия со скошенным концом (рис. 20, 12).

Собранная здесь керамика не дает такого единого комплекса, как каменный инвентарь. Она распадается на две группы, которые, возможно, имеют разные хронологические рамки.

Первая группа представлена фрагментами венчиков и стенок сосудов, изготовленных из тонкоотмученной глины с примесью хорошо растертых раковин и растительности. Толстые стенки сосудов полностью покрыты врезным и крупнозубчатым орнаментом (рис. 21, 1—10). Перед нанесением орнамента поверхность сосудов хорошо заглаживалась.

Особенно интересна серия фрагментов сосудов одного типа с высоким, плохо профилированным венчиком и со слегка расширяющимся туловом (рис. 21, 2, 3). Начиная от горла вся поверхность этих сосудов покрыта близко расположенными линиями зигзагообразного врезного орнамента, нанесенного по сырой глине узкой лопаточкой, шагающей с легким поворотом без отрыва. Линейные композиции украшали, по-видимому, только венчики сосудов (рис. 21, 2—3). На тулове их композиция усложнялась: появляются заполненные врезными линиями треугольники или сами линии ложатся под углом друг к другу, образуя смещение и все те же треугольники (рис. 21, 1, 4, 9).

Имеющихся материалов недостаточно для того, чтобы уверенно судить о форме этих сосудов. Однако нам представляется, что они имели вертикально удлиненные пропорции со слегка отогнутым наружу венчиком и несколько раздутым туловом. Дно у них было, вероятно, плоским, на что указывает единственный фрагмент поддона точно из такого же теста и с такой же заглаженной поверхностью (рис. 21, 6).

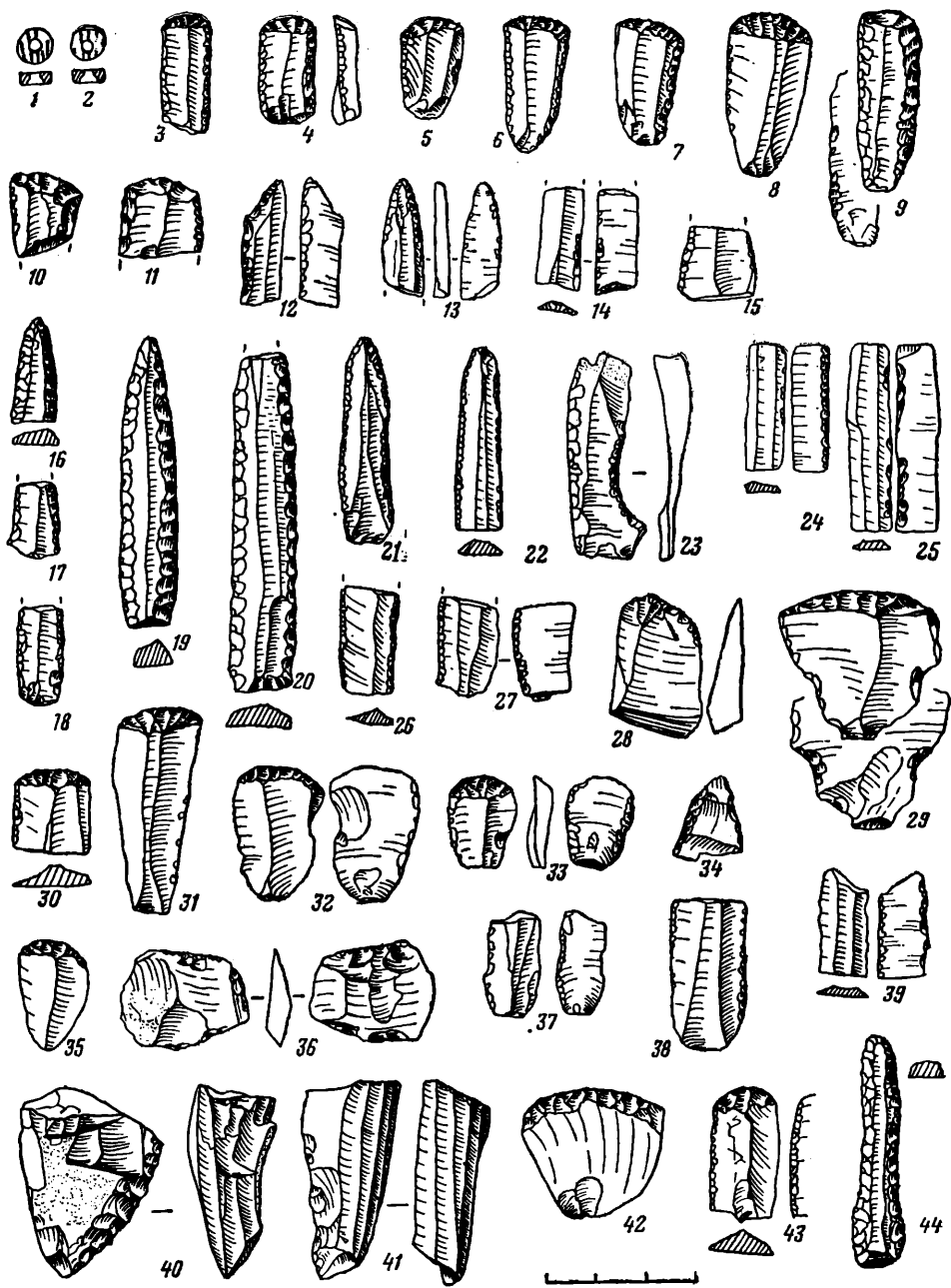

Рис. 20. Каменный инвентарь из местонахождений северо-восточного Прикаспия

1-28 — Бекбеке I; 29, 34 — Бесмоль; 30-33, 35-37, 44 — Искине;
38-43 — Куттубай

Эта группа керамики скорее всего связана с кремневым инвентарем и должна быть отнесена к неолитическому времени.

Другая группа керамики представлена фрагментами хорошо профилированных венчиков и тонких стенок сосудов, сплошь покрытых мелкозубчатым орнаментом (рис. 21, 11—12). Тесто их отличается от теста керамики первой группы большей примесью грубого, крупнозернистого песка. Эта группа относится, по-видимому, к посленеолитическому времени.

Огромный интерес на Бекбеке I представляют находки двух бусинок округлой формы, изготовленных из стенок створки раковины *Didaspa* путем одностороннего сверления (рис. 20, 1—2). Диаметр их 7 мм, ширина отверстия — 2 мм. Совершенно аналогичные бусы из таких же раковин известны в неолитических памятниках Восточного Прикаспия (на Мангышлаке, в пещере Джебел) и на многих кельтеминарских стоянках⁴.

Находки бус из раковин в Бекбеке I определенным образом указывают на связь этого памятника с более южными областями Средней Азии, и если детально проанализировать каменный инвентарь местонахождений, откуда известны находки таких бус, то мы увидим, что все эти памятники роднят общие черты и в технике обработки орудий. Повсюду это микролитическая техника расщепления камня и близкие формы изделий. Конечно, было бы неправильно объединять все эти памятники в единую культуру, допустим кельтеминарскую. Следует учитывать, что колоссальные расстояния между ними безусловно наложили свой отпечаток в некоторых специфических чертах каменного инвентаря. Г. Ф. Коробкова совершенно правильно выделяет прикарабугазскую культуру⁵. Однако нужно подчеркнуть, что эта культура близкородственна кельтеминарской. Новое местонахождение у Бекбеке в северо-восточном Прикаспии тоже вписывается в самостоятельную североприкаспийскую неолитическую культуру, однако, как нам представляется, эта культура близкородственна прикарабугазской и кельтеминарской. Тип орнаментации керамики в Бекбеке I хотя и не имеет прямых аналогий нигде, но в общих своих чертах он ближе всего стоит к кельтеминару.

Связь североприкаспийских неолитических памятников и в первую очередь Бекбеке I не ограничивается только южным направлением. Близкие аналогии в технике расщепления каменного инвентаря и в типах орудий наблюдаются и в неолитических памятниках Южного Урала⁶. На то, что неолитические памятники Южного Урала связаны с кельтеминарскими, обращали внимание давно. Однако убедительно обосновать эту связь сильно мешало отсутствие памятников на промежуточных территориях. Открытие североприкаспийских памятников облегчает теперь эту задачу.

Неолитическое местонахождение Бекбеке II, расположенное в 3 км севернее одноименного поселка, также приурочено к песчаному выдуву, но площадь его значительно меньше. Здесь меньше и археологического материала. По кремню и керамике это местонахождение аналогично Бекбеке I.

Из других пунктов находок с микролитическим каменным инвентарем в северо-восточном Прикаспии следует выделить местонахождения Искина (рис. 19, 8) и Куттубай (рис. 19, 3).

Местонахождение Искина расположено в 10 км северо-западнее одноименного промысла. Здесь имеются развалины какой-то саманной пост-

⁴ А. В. Виноградов. Неолитические украшения из створок раковин *Didaspa*. КСИИМК, вып. 59, 1955; он же. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, № 1, 1957, стр. 42; А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. 7. Ашхабад, 1956.

⁵ Г. Ф. Коробкова. Указ. соч., стр. 11—17.

⁶ Л. Я. Крижевская. Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и раннего металла. «Вопросы археологии Урала», вып. 2, 1962, стр. 27—32; Г. Н. Матюшин. Новые неолитические памятники Башкирии. КСИИМК, вып. 92, 1962.

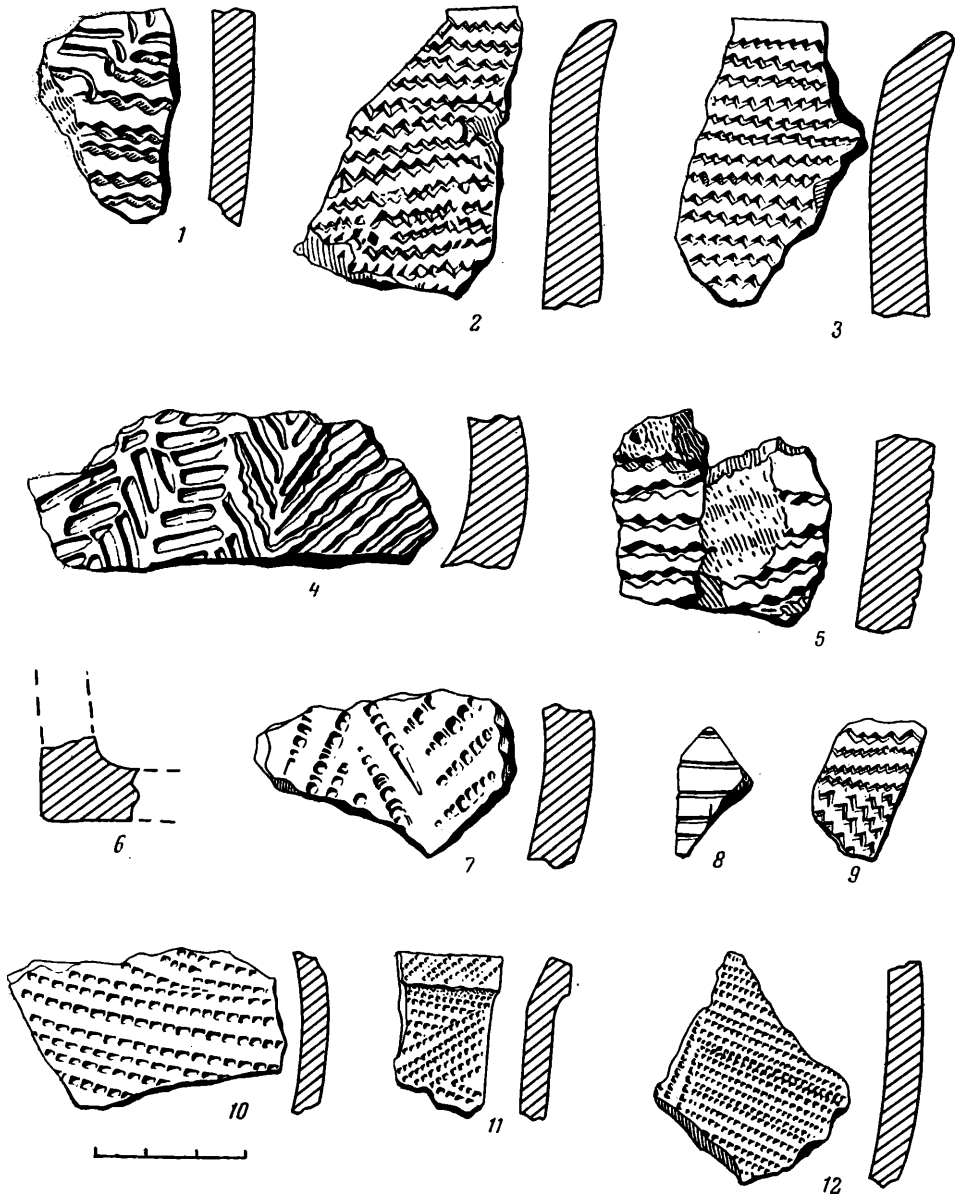

Рис. 21. Обломки керамики из местонахождения Бекбеке I

ройки и зольники. Все кремни (около 50 экз.) были собраны около развалин и, по-видимому, происходят из слоя, они совершенно не окатаны и покрыты патиной. Среди орудий из данного местонахождения выделяется серия концевых скребков (рис. 20, 30—33, 35), аналогичных таковым из Бекбеке I, одно рёсе écaillée (рис. 20, 36), несколько пластин с ретушью (рис. 20, 37) и одно сверло (рис. 20, 44).

Местонахождение Куттубай расположено в 7—9 км юго-юго-западнее колодца Куттубай. Каменные орудия и отбросы производства собраны здесь на развееваемых берегах двух довольно крупных соров древнеозерного происхождения. В древности эти озера соединялись с протоками дельты Уила. Керамики здесь нет. Среди орудий есть несколько концевых скребков (рис. 20, 42, 43) и пластин с ретушью (рис. 20, 38, 39). Микролитический облик пластин хорошо согласуется с имеющимися в коллекции призматическими нуклеусами клиновидного типа (рис. 20, 40—41).

Остальные местонахождения в окрестностях Жамансора, в районе отмершей дельты Уила (рис. 19, 1, 2, 4, 5, 6, 7), самостоятельного значения не имеют, поскольку дали небольшое количество находок. Однако иногда они дополняют местонахождения с большим количеством орудий новыми дополнительными типами. Так, в частности, в районе Бесмолы, в 5 км северо-западнее Бекбулюка (рис. 19, 4), в небольшой котловине близ берега сора найдено несколько орудий, в том числе одна высокая асимметричная трапеция (рис. 20, 34). Неподалеку от этого местонахождения, в русле высохшего протока Уила, имеется остров площадью около 2—3 га (рис. 19, 5). На поверхности его отмечено много кремневых изделий, но в коллекцию взяты только выборочно.

Небольшие серии кремневых изделий собраны в 10 км севернее могильника Тагаш (рис. 19, 1), на берегу сора, заливаемого из протоков древней дельты Урала, на берегу большого сора в 17 км северо-западнее Доссора, а также в 15 км юго-восточнее могильника Кулматай (рис. 19, 6) и в 15 км южнее урочища Сорколь (рис. 19, 7).

Особняком стоит местонахождение южнее Косчагыла в прикаспийских Каракумах в урочище Карачунгыл (рис. 19, 10). Имеющихся материалов недостаточно для того, чтобы судить о его времени и культурной принадлежности, тем более что оно тяготеет к другому географическому району. Здесь необходимы дополнительные полевые исследования, как, впрочем, они необходимы и на местонахождениях северо-восточного Прикаспия.

Учитывая то обстоятельство, что большинство памятников открыто здесь случайно и не археологами, а зоологами, можно надеяться, что дальнейшие работы позволят собрать значительно более выразительные материалы, которые наряду с уже имеющимися заполнят существенную лауну между Южным Уралом и Восточным Прикаспием, позволяя более уверенно судить о взаимоотношениях древнего населения на этих территориях.

Л. В. КОЛЬЦОВ

РАСКОПКИ БУТОВСКОЙ СТОЯНКИ В 1966 г.

Стоянка Бутово находится в 400 м к северу от дер. Бутово Старицкого р-на Калининской обл. и располагается на первой надпойменной террасе левого берега Волги (в 400 м к западу от нее). Здесь параллельно берегу Волги и краю первой надпоймы тянутся три неширокие, но длинные дюны (до 300 м длиной), на которых и располагается стоянка.

Памятник был открыт в 1966 г.¹ В 1966 г. Бутовская стоянка впервые подверглась раскопкам. Было заложено четыре раскопа на ближайшей к Волге дюне, которую мы называем в дальнейшем первой дюной. Эта дюна сохранилась лучше двух остальных. Дюна, наиболее удаленная от Волги, в настоящее время развеяна полностью, на средней дюне сохранились неразвеянные участки. Поверхность первой дюны почти полностью задернована. Развеянные участки встречались только в южной части этой дюны.

Подъемный материал встречался на поверхности полностью развеянной дюны, на второй дюне (местами) и на первой дюне несколькими скоплениями. Всего в 1966 г. было вскрыто 364 кв. м.

Раскоп I площадью в 100 кв. м (10×10 м) был заложен в северной части первой дюны. Его стратиграфия:

1. Песок темно-серый 0,16—0,22 м
2. Песок светло-серый 0,26—0,62 м
3. Песок желтый, прокопан до глубины 1 м

Четкого культурного слоя в раскопе I, как и во всех остальных раскопах, не было. Находки залегали на глубине 0,20—0,35 м от поверхности в нижней части темно-серого песка и в верхней части светло-серого песка.

Стратиграфия в северной и центральной частях дюны отличалась от стратиграфии в южной части дюны². Там над темно-серым песком (древней почвой, которая в северной и центральной части дюны слилась, очевидно, с современной) был еще светлый песок³, перекрывавшийся современной почвой. Это различие обязано своим происхождением какому-то передвижению песчаных масс с северной и центральной частей дюны в ее южную часть.

В центральной части раскопа I (кв. I) был обнаружен на глубине 0,17 м очаг неправильно овальной формы размером 195×120×0,10 м.

¹ Л. В. Кольцов. Бутовская мезолитическая стоянка. КСИА, вып. 101, 1964, стр. 81—85. Работы проводились разведочным отрядом Верхневолжской экспедиции.

² См.: Л. В. Кольцов. Указ. соч., стр. 81.

³ Скорее всего, это перемещение песка произошло в результате эоловых или эрозийных процессов в самое последнее время, потому что еще во время Великой Отечественной войны все эти дюны были покрыты лесом (по рассказам местных жителей).

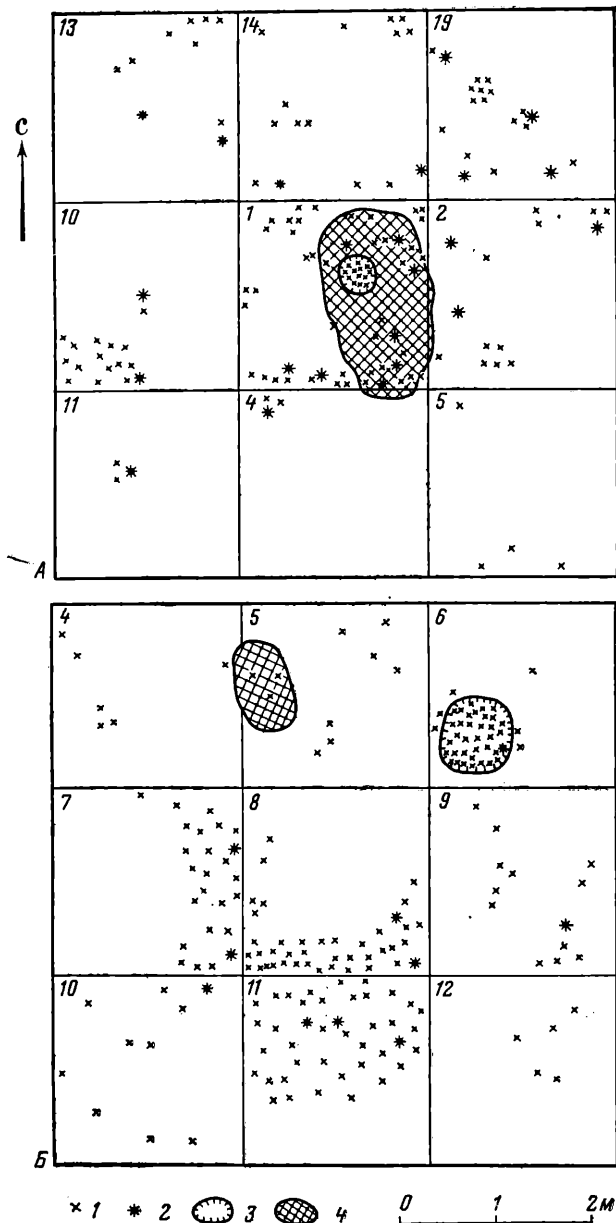

Рис. 22. Бутовская стоянка. Планы очагов и хозяйственных ям

А — очаг и яма в раскопе I; Б — очаг и яма в раскопе II.
1 — кремьень; 2 — каменное орудие; 3 — яма; 4 — очаг

В разрезе очаг имел линзовидное, плосковыпуклое книзу сечение (рис. 22, А). Заполнение его — зола, мелкие древесные угольки (рассыпавшиеся при прикосновении), кремневые отщепы и орудия.

Под очагом находилась яма неправильно округлой (в плане) формы диаметром 0,32 м. Она имела котлообразное дно. Глубина 0,67 м от поверхности. Яма была заполнена золой и уголками, на дне найдены концевой скребок и 22 кремневых отщепа.

Находки по площади раскопа распределялись неравномерно. Вокруг очага их было больше. Второе скопление было в северо-западной части

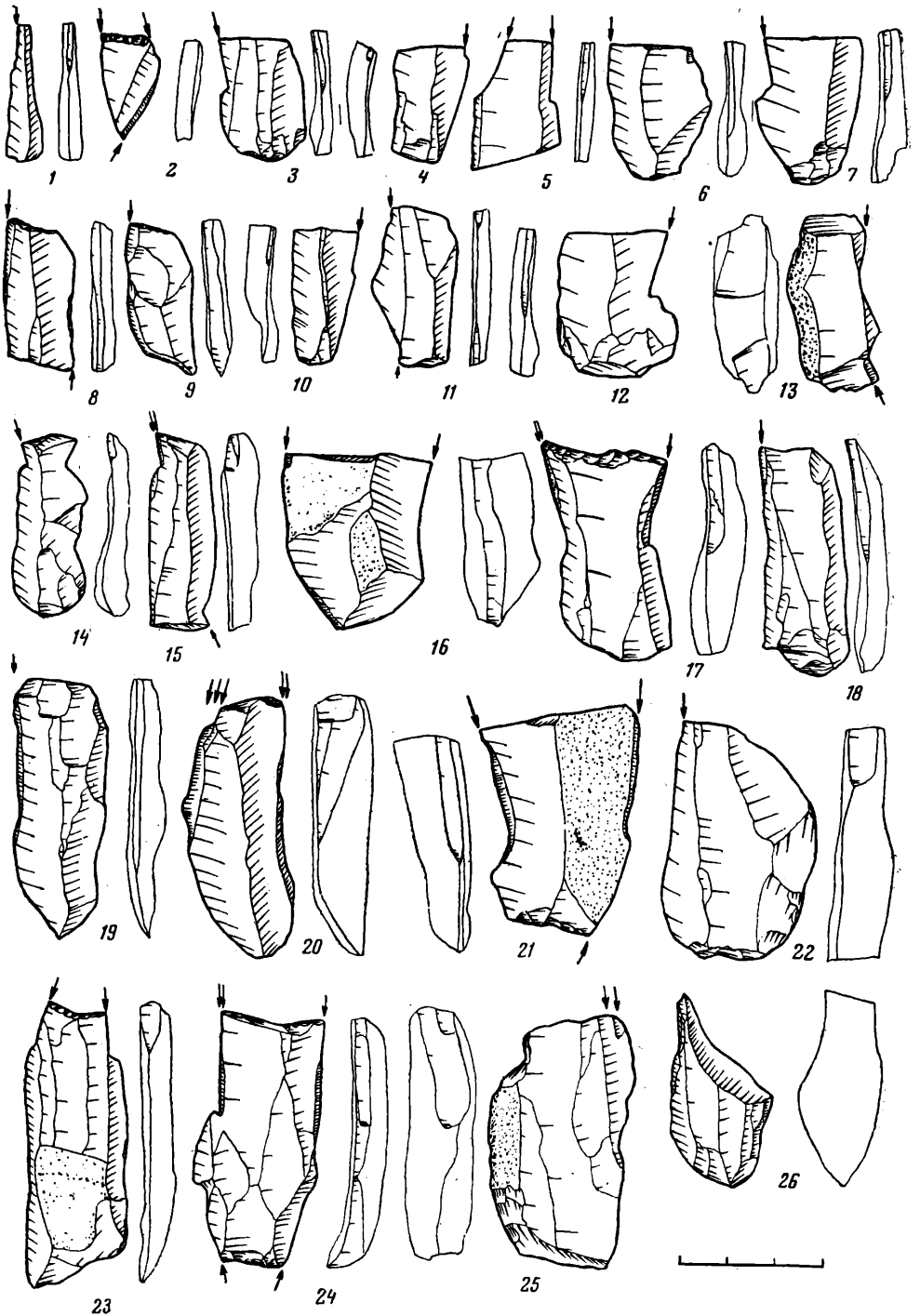

Рис. 23. Бутовская стоянка. Каменные орудия
 1—25 — резы; 26 — расколотый нуклеус

раскопа (кв. 13—15, 23—25). На остальных квадратах находок было меньше. Всего в раскопе найдено 385 предметов, среди них 33 орудия (рис. 23, 2, 4, 10, 14, 16, 19—21, 26; рис. 24, 5, 7—8, 10, 13, 16—17, 22, 24—26, 29—30).

Раскоп II в центральной части первой дюны имел площадь 68 кв. м (8×8 м с прирезкой в юго-западном углу 4 кв. м). В центральной части раскопа на глубине 0,22 м был обнаружен очаг неправильно овальной формы размером 0,85×0,55×0,13 м. Очаг был заполнен золой, мелкими угольками и имел интенсивно темно-серую окраску. Ориентирован очаг, как и очаг в раскопе I, с севера на юг (рис. 22, 2).

На кв. 6, 8, в юго-западной части раскопа, находилась яма неправильно округлых (в плане) очертаний диаметром 0,89 м. Она имела глубину 0,70 м от поверхности. Заполнение ее по цвету почти не отличалось от окружающего песка, оно было только несколько сильнее ожелезнено. На дне ямы были найдены 34 кремневых отщепа и концевой скребок на пластине.

Находки по площади раскопа распространялись неравномерно. Основное скопление находок было к югу от очага на кв. 7—11. Вокруг очага и ямы находок почти не было, мало было находок и к западу от очага. Северная часть раскопа находок не дала. В раскопе всего 418 находок, из них 10 предметов со вторичной обработкой (рис. 23, 12—13; рис. 24, 21, 28).

Стратиграфия раскопа II аналогична стратиграфии раскопа I.

Раскоп III был заложен в 120 м к северу от раскопа II поперек дюны для получения поперечного разреза. Его площадь 108 кв. м (18×6). Находок крайне мало. Они распределялись равномерно по его площади. Стратиграфия аналогична стратиграфии предыдущих раскопов. В раскопе III 49 находок, из них 3 орудия (рис. 24, 3, 15, 18).

Раскоп IV, расположенный между раскопами I и III, имел площадь 64 кв. м. Находки распределялись равномерно по площади раскопа. Стратиграфия раскопа полностью соответствует стратиграфии всех остальных раскопов. Из 128 предметов 22 со вторичной обработкой (рис. 23, 1, 3, 6—9, 11, 15, 17, 22—25; рис. 24, 4, 9, 11—12, 14, 20, 27).

Разведочные раскопы, траншеи и зачистки, поставленные на площади всех дюн, за исключением двух, лежащих на первой дюне в 30 м к юго-западу от раскопа II и в 10 м к востоку от раскопа IV, материала не дали. Культурный слой на третьей дюне, давшей больше всего материала при первом обследовании стоянки, ныне полностью разрушен. Кроме раскопочных работ на памятнике производился сбор подъемного материала.

Совокупность всех этих работ позволила установить границы сохранившейся части стоянки, которая локализуется на площади 200×15 м (с перерывами) на первой дюне. Однако прежде стоянка была больше: в настоящее время на третьей и второй дюнах культурный слой полностью разрушен, хотя подъемный материал там продолжает встречаться.

Для изготовления орудий население Бутовской стоянки использовало меловой кремь из месторождений у г. Старицы высокого качества черного, красного и главным образом лиловато-розового цветов в 35 км от стоянки. Кроме того, в меньшем количестве использовался валунный кремь из прибрежных россыпей. Всего (вместе с найденными на поверхности) обнаружено 1097 предметов, из них 87 орудий (7% всех находок).

Нуклеусов найдено 7 экз. Это свидетельствует о том, что первичная обработка кремня производилась не на стоянке. Нуклеусы трех типов: а) подконические; б) плоские; в) призматические, одноплощадочные, со скошенными площадками, с узкими следами от сколотых ножевидных пластин (скалывание производилось вокруг всего нуклеуса). Площадки почти всегда несут предварительную подправку. Здесь же найдено восемь сколов с площадок нуклеусов и 20 боковых сколов (ребристых пластин).

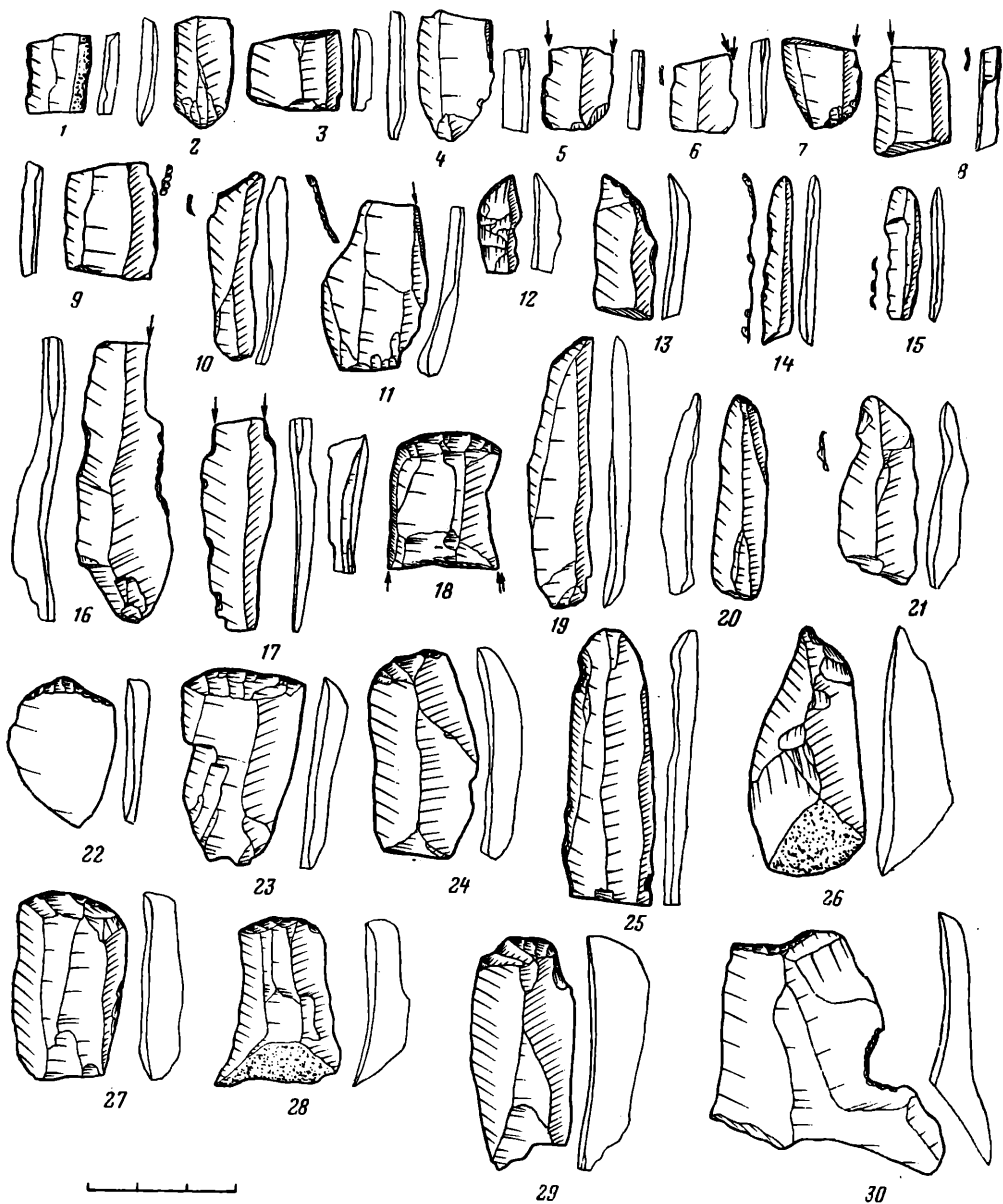

Рис. 24. Бутовская стоянка. Каменные орудия

1-4 — вкладыши; 5-11, 16-18 — комбинированные орудия; 12, 13, 19, 20 — пластинки со скошенным ретушью концом; 14, 15, 21, 25, 30 — скребки; 26 — проколка; 22-24, 27-29 — скребки

Интересен прием раскалывания нуклеусов вдоль, характерный для ряда мезолитических памятников (рис. 23, 13, 25, 26)⁴.

В качестве заготовок чаще употребляется ножевидная пластинка, чем отщеп: 69% орудий изготовлено на ножевидных пластинках. При этом нужно отметить, что 35,3% найденных ножевидных пластин было использовано для изготовления орудий, в то же время только 2,6% найденных отщепов использовано для изготовления орудий.

Самую большую группу орудий составляют резцы (30 экз., или 34,5% всех орудий). Больше $\frac{2}{3}$ этих изделий изготовлено на ножевидных пластинках. В этой категории орудий доминируют резцы (рис. 23, 3—7, 10—12, 15—16, 18—19, 21) на углу сломанной пластинки (18 экз., или 60% всех резцов). Они изготавливались на разных пластинках: есть заготовки очень правильные, узкие (рис. 23, 10), есть пластины массивные и широкие (рис. 23, 16). У большинства таких орудий резцовые сколы превышают половину длины орудия, резцовые сколы относительно узкие. Среди них есть три двойных: у двух из них резцовые сколы на противоположных концах пластины (рис. 23, 11, 15), причем у одного из них сколы расположены по диагонали, а у третьего оба скола — на одном конце пластины (рис. 23, 5). Только у одного резца режущее лезвие образовано двумя короткими сколами (рис. 23, 15).

К этому же типу резцов примыкают небольшой резец, изготовленный на краевом отщепе резца (рис. 23, 1); и три резца на нуклеусах (рис. 23, 13, 22, 25), у одного из которых режущее лезвие образовано двумя сколами: длинным — до середины орудия — и вторичным коротким (рис. 23, 25). Два из них на плоских нуклеусах, один (рис. 23, 13) — на призматическом. У этого последнего два режущих лезвия с двух концов орудия.

Один резец относится к типу многофасеточных. Он изготовлен на плоском нуклеусе (рис. 23, 20) и имеет два режущих лезвия. Одно из них сформовано тремя сколами (два довольно длинных и один короткий и очень широкий), другое — двумя сколами.

У семи резцов (23,3% резцов) конец, прилегающий к резцовому сколу, несет притупляющую ретушь (рис. 23, 2, 8—9, 14, 23, 24). Все они изготовлены на пластинках или их обломках. Большинство их имеет очень длинные резцовые сколы, что свидетельствует об архаичности этого типа орудий. Ретушь у рабочего края всегда довольно мелкая. У 4 экз. эта ретушь образует выемку, у двух — прямой конец (при этом у одного слегка скошенный), у одного резца конец с ретушью выпуклый (рис. 23, 14). Среди этих орудий — часть двойные (рис. 23, 17, 23), а один резец имеет сколы на четырех углах (рис. 23, 24). Нужно отметить сочетание этого типа резцов с резцами на углу сломанной пластинки (рис. 23, 2, 21).

Скребки представлены 6 экз. (6,9% орудий). Все они относятся к типу концевых. Три из них изготовлены на массивных ножевидных пластинках, два на расколотых нуклеусах, один — на отщепе (рис. 24, 22—24, 27—29). Рабочие края у всех, кроме одного, довольно крутые, сильно сработанные. Ретушь у всех, кроме скребка, изготовленного на отщепе, довольно широкая. Один из скребков (рис. 24, 27) имеет слегка подретушированный боковой край, у другого (рис. 24, 29) скребковая ретушь заходит на боковой край.

Третью группу орудий составляют вкладыши (5 экз., или 5,7% орудий). Три из них изготовлены на пластинках (рис. 24, 2, 4), причем два имеют частично затупленный мелкой ретушью край, а третий несет крупную мелкую ретушь по двум краям. Два остальных (рис. 24, 1, 3) изготовлены на сечениях пластин и имеют один затупленный ретушью край.

⁴ См., например: П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, 1950, стр. 22, рис. 7, 1; Р. К. Яблонските-Римантене. Периодизация мезолитических стоянок Литвы. МИА, № 126, 1966, стр. 85, рис. 7, 42.

Скобелей найдено шесть (6,8% орудий). Большинство их — на ножевидных пластинках (рис. 24, 14—15, 25). Обычно пластинка имеет несколько выемок, сформованных крутой ретушью. Выемки чаще всего широкие и неглубокие. Ретушь наносится по-разному: или со спинки, или с брюшка, или с обеих сторон. Один скобель изготовлен на пластинчатом отщепе (рис. 24, 21). Он имеет единственную выемку, ретушированную с брюшка. Последний скобель изготовлен на отщепе неправильной формы (рис. 24, 30). Он имеет две довольно широкие и глубокие выемки.

Пластинок со скошенным ретушью концом найдено четыре (4,6% орудий). Все они массивны (рис. 24, 12, 13, 19, 20). Ретушь на конце мелкая и довольно крутая. Они вряд ли (из-за их массивности) могли служить наконечниками стрел. Скорее всего эти орудия выполняли функцию острей или сверл.

Три проколки (3,4% орудий) изготовлены на отщепах (рис. 24, 26). Их рабочий конец обычно обработан незначительной ретушью.

Довольно большую группу орудий составляют комбинированные орудия (рис. 24, 5—11, 16—18) — 11,5% (10 экз.). Среди них чаще всего встречается комбинация реза с каким-либо другим орудием. Единственный скребок-резец изготовлен на обломке массивной пластины (рис. 24, 18). Он имеет два резовых лезвия, одно из которых образовано двумя сколами. Скребок-лезвие — на противоположном конце орудия: оно очень крутое, образовано широкой ретушью. Семь резов типа на углу сломанной пластинки объединены с другими орудиями. Два реза (рис. 24, 5, 7), вероятно, до нанесения резового скола служили вкладышами (крутая ретушь по одному из краев пластины). Два реза (рис. 24, 16, 17) служили, очевидно, одновременно скобелями, так как несут выемки по краю (один из этих резов двойной). Три реза (рис. 24, 6, 8, 11) имеют на противоположном резовому сколу углу выемку, обработанную с брюшка крутой ретушью, имитирующей резовый скол. Пластинка с подобной выемкой (рис. 24, 9) до изготовления выемки служила вкладышем: она имеет крутую мелкую ретушь по одному краю. И, наконец, пластинка со скошенным мелкой ретушью концом (рис. 24, 10) имеет с брюшка такую же выемку.

Кроме описанного, в коллекции — отбойник (1,2% орудий), 12 ножевидных пластин со следами ретуши (13,8%), 9 отщепов со следами ретуши (10,3%) и кремневый кусок со следами ретуши (1,2%).

Основные черты кремневого комплекса Бутовской стоянки: характер нуклеусов (скошенные и специально подработанные площадки), преобладание в качестве заготовок ножевидных пластин, количественное преобладание резов над скребками, присутствие архаичных форм резов (причем часто двойные и тройные орудия), отсутствие мелких округлых скребков, наличие скребка-реза и других комбинированных орудий, большого числа пластинок со скошенным концом, пластинок с имитированной ретушью резовым сколом, употребление в большинстве случаев вкладышей с одним только ретушированным краем, отсутствие топорovidных орудий — все это свидетельствует о значительной древности памятника в пределах мезолита⁵.

В отличие от других мезолитических стоянок Верхнего Поволжья Бутово имеет значительную площадь. Это объясняется исключительно благоприятным расположением поселения. Стоянка располагается между древним берегом Волги (краем I надпоймы) с одной стороны и пойменным озером с двух других. Кроме того, в 0,5 км к северу от стоянки есть еще одно озеро. Таким образом, место, где располагается стоянка, —

⁵ Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. СА, 1965, № 4, стр. 20.

мыс между двумя водоемами — очень удобно для поселения. Люди, очевидно, посещали эти дюны неоднократно в течение мезолита. Иначе трудно объяснить такую большую площадь памятника. Аналогично располагаются известные Скнятинские стоянки⁶.

Бутовская стоянка относится к первой половине существования волгоокской мезолитической культуры и пока остается самым западным мезолитическим памятником в Верхнем Поволжье. Интересно, что самые восточные мезолитические стоянки, синхронные Бутову, лежат в Угличском Поволжье⁷. В то же время на Оке ранние мезолитические стоянки заходят значительно восточнее. Сравнение материалов стоянок Бутово, Елин Бор и раннемезолитических памятников, расположенных недалеко от Углича, с комплексами кремневых изделий деснинских верхнепалеолитических стоянок обнаруживает большое сходство, особенно в группе резцов. Этот факт позволяет сделать вывод, что ранний мезолит Верхнего Поволжья сформировался под влиянием, а может быть, и при непосредственном участии каких-то западных или, вернее, юго-западных племен. Косвенно это подтверждается резким преобладанием в инвентаре Бутовской стоянки и нижнего слоя Елина Бора резцов над другими категориями орудий.

⁶ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 17.

⁷ Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 4—6.

Р. В. КОЗЫРЕВА

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК
В РАЙОНЕ ОЗЕРА БЕЛОГО В 1965 г.

В изучении неолита Севера Европейской части СССР за последние годы сделаны большие успехи. Интересные новые стоянки, давшие важный материал для исторических построений, найдены и исследованы в Карельской АССР, Ленинградской обл., бассейнах рек Печоры и Вычегды. В Вологодской же области после прекращения работ А. Я. Брюсовым, а также эпизодических раскопок И. К. Цветковой (1956—1957 гг.) археологические исследования не проводились, хотя изучение неолита этого края совершенно необходимо для выяснения многих вопросов древней истории европейского Севера Союза. Археологические исследования в Вологодской обл. были возобновлены в 1965 г. работами Череповецкого отряда Ленинградского отделения Института археологии. Задачей первого года работ отряда были разведки, район которых определен в результате изучения материалов, хранящихся в Череповецком музее. Решено было исследовать берега оз. Лозского и низовья р. Шолы. Оба пункта исследования ныне входят в Белозерский р-н Вологодской обл.

Оз. Лозское представляет собой, собственно, северную часть Азатского озера, на берегах которого в 1956—1957 гг. проводила свои исследования И. К. Цветкова. Лозское озеро соединяется с оз. Белым речкой Куностью. На Куности имеются сооружения, искусственно регулирующие уровень вод озер Лозского и обводного канала по южному берегу Белого озера. Поэтому уровень воды в Лозском озере очень непостоянен. Помимо ежегодных колебаний в связи с постройкой Волго-Балтийского канала уровень воды в озере за последние 25—30 лет поднялся в среднем на 2 м. Это значительно изменило высоту стоянок над уровнем воды, некоторые же более низменные части стоянок оказались под водой.

В районе Лозского озера нами обнаружены и обследованы три стоянки — у с. Пальцево, у с. Никоновской и у дер. Антушево на западном берегу озера и у бывшего с. Перино на восточном берегу. Наиболее подробно исследована стоянка у с. Пальцево, известная и раньше¹, но в литературе о ней не упоминалось. Подробно исследовалась стоянка впервые.

Стоянка расположена в 500—550 м к северу от с. Пальцево, на пологом склоне береговой террасы, который в настоящее время возвышается над уровнем воды на 35—50 см. Обнаружена она в основном по находкам керамики в обрыве склона. Видимо, нижние склоны террасы затоплены — под водой сейчас можно проследить пологий склон протяжением 8—10 м на

¹ Пионеры-туристы с местным краеведом А. А. Алексеевой во главе несколько раз доставляли подъемный керамический материал с этой стоянки в Череповецкий краеведческий музей.

глубину 1,5 м, причем под водой много обломков керамики. Затем глина резко падает. Поэтому можно полагать, что большая часть стоянки затоплена. Оставшаяся часть стоянки имеет небольшие размеры — культурный слой прослеживается по обрезу террасы на расстояние 50 м. В глубь террасы он идет очень недалеко — в заложенном нами шурфе 1, расположенном в 11 м от водного обреза, культурного слоя не было обнаружено.

В шурфе 2, который лежит в 7 м от воды, найдены очень незначительные следы культурного слоя. Видимо, слой быстро выклинивается вверх. Оставшаяся часть стоянки в хорошем состоянии, находящаяся рядом полезна не затронуло стоянку, и ее можно в настоящее время копать. В раскопе и зачистке получена четкая стратиграфия стоянки. Под дерновым слоем светло-пепельного цвета, песчаным, мелкоструктурным, мощностью 5—7 см, пронизанным растительными корнями, идет песчаный слой, видимо, озерных отложений, буро-пепельного цвета, мелкоструктурный, мощностью 15—30 см. Находки содержатся иногда лишь внизу этого слоя и принадлежат, собственно, уже культурному слою, лежащему под этим стерильным. Культурный слой песчанисто-суглинистый, темного, почти черного цвета, с большим количеством щебенки и камней. Его мощность 19—40 см. Севернее раскопа, в зачистке, стратиграфия несколько иная. Стерильный слой здесь выклинивается и под мощным дерновым слоем, достигающим на этих участках 10—12 см толщины, сразу же идет культурный слой, мощность которого доходит до 50 см. Подстилал культурный слой и тут и там темно-желтый суглинок. На профилях стенок нигде не было обнаружено западений культурного слоя, характерных для древних жилищ типа землянок.

После снятия стерильного слоя сразу же стали обнаруживаться обломки сосудов и камней разного размера, в том числе со следами обработки. По всему раскопу наблюдалась закономерность распределения этих находок — большая часть их лежала в самом низу культурного слоя.

На участках И—К/1—2 обнаружена яма, с западной стороны окруженная крупными камнями. Ее размеры 140 × 110 см, очертания ее напоминают квадрат с неровно срезанным одним углом. Она идет ниже границы культурного слоя на 15—18 см. Находок в яме не было. Яма заполнена культурным слоем с несколько большим количеством щебенки и очень редкими угольками. Понять назначение ямы сейчас трудно. Если пятна темного культурного слоя, обнаруженные на участках а/1 и е/1—0, являются остатком жилища, то тут, может быть, была яма хозяйственного назначения.

Слой был довольно богат культурными остатками — обломками керамики, кремневыми отщепами с небольшим процентом готовых орудий. Керамика Пальцевской стоянки представлена обломками стенок, доньшек и венчиков сосудов, которых найдено около 450 (рис. 25).

Большую часть черепков составляют стенки сосудов, сплошь украшенные ямочным орнаментом. В основном это обломки довольно тонкостенных сосудов (толщина сосудов 5—7 мм), сделанных из глины, имеющей примеси песка и гравия, обжига разного, большей частью среднего качества, так что черепки имеют цвета от грязно-желтого до кирпично-красного.

О форме сосудов говорят венчики, многие из которых орнаментированы ямочными вдавлениями, и доньшки сосудов. Венчики большей частью ровные и прямые, не орнаментированные по срезу верхнего края. Видимо, для сосудов стоянки была обычна полуяйцевидная форма, характерная для стоянок раннего неолита всей лесной полосы Европейской части Союза. Большая часть стенок сосудов со стоянки орнаментирована сплошными ямочными вдавлениями, расположенными обычно в шахматном порядке и покрывающими все орнаментальное поле сосуда. Лишь на одном сосуде ямки расположены не в шахматном порядке, а рядами, прослеживающимися и в горизонтальном, и в вертикальном направлениях. Ямки бывают

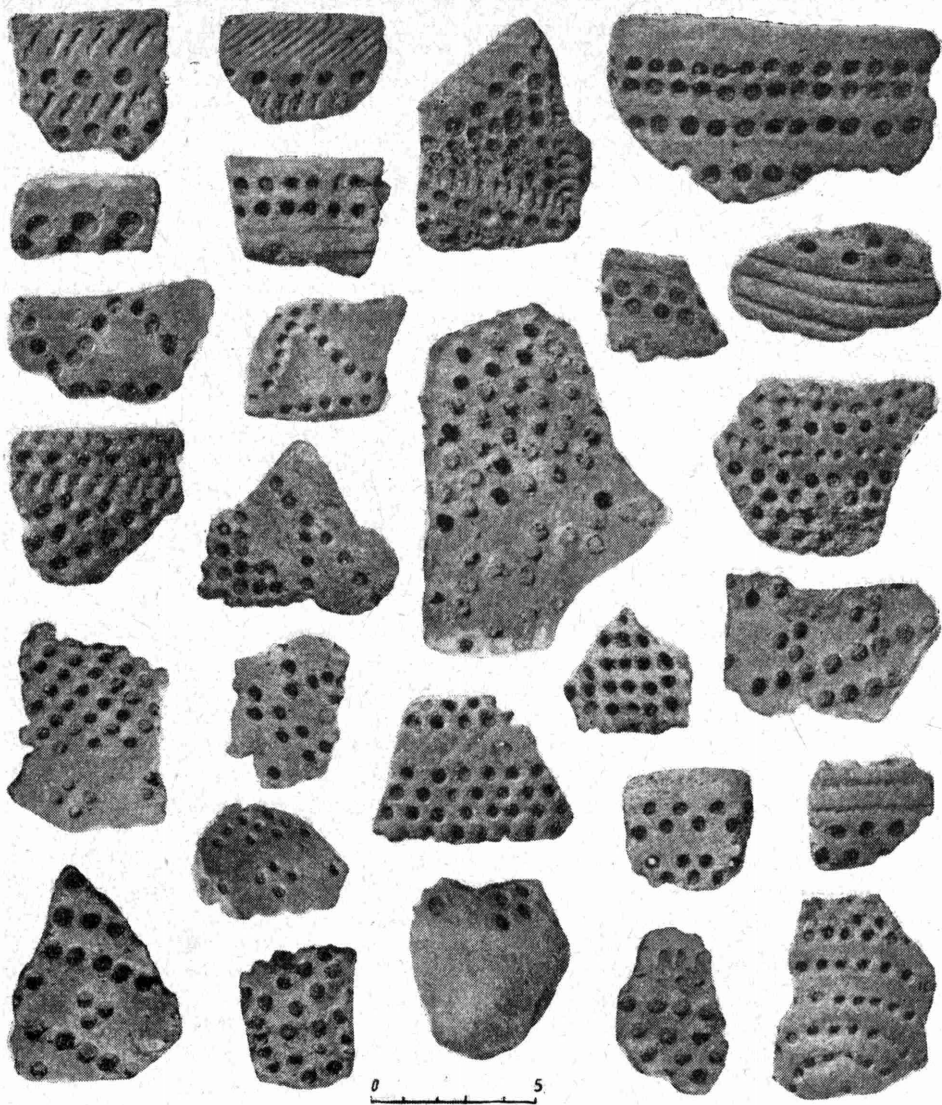

Рис. 25. Керамика Пальцевской стоянки

разных размеров — на большей части сосудов они мелкие, 4—5 мм в диаметре, довольно редки более крупные ямки 6—8 мм. Все ямки очень глубокие (до 7—8 мм), так что на внутренней стороне сосуда они образуют выпуклости. По вертикальному срезу черепков можно установить наличие двух видов ямочных вдавлений: одни, видимо, сделаны ровной палочкой — их стенки прямые, дно ровное; другие имеют конические стенки и тоже ровное дно. Горизонтальные ряды ямочных вдавлений всегда безукоризненно ровные. Из узоров, образованных ямочными вдавлениями, можно отметить отпечатки в виде розетки, встречаемые на 18 обломках, принадлежавших, видимо, не менее чем 10 сосудам. На двух сосудах розетка образовывалась из трех ямочных вдавлений, на остальных — из четырех вдавлений. Ямки все круглые, ромбических нет. На 25 обломках встречен геометрический орнамент. На всех обломках геометрические фигуры образованы ямочными вдавлениями. Это или зигзаги и треугольники, образованные одной полоской вдавлений, что бывает довольно часто, причем иногда такие полоски разграничиваются двумя горизонтальными рядами,

или треугольники, заполненные сплошь ямочными вдавлениями. На небольшой части обломков встречены комбинированные орнаменты — преобладающие всюду ямочные вдавления разделяются одной-двумя горизонтальными нарезными полосами (36 обломков) или комбинируются с простейшими зубчатыми отпечатками (8 обломков). На одном обломке есть отпечатки в виде крупной римской единицы в сочетании, конечно, с ямочными вдавлениями. О размерах сосудов мы говорить не можем, так как ни одного сосуда восстановить не удалось.

Этот вид керамики, господствующий на стоянке, имеет яркий неолитический облик. Но на стоянке найдены обломки сосудов более позднего типа, сделанных из плотной глины с примесью песка, хорошо обожженных, имеющих кирпично-красный цвет и неорнаментированных. Видимо, сосуды были плоскдонными. Таких обломков 65, т. е. приблизительно 12%. Эта примесь не меняет общего облика стоянки как неолитической и может указывать на вторичное заселение стоянки. Основанием этого предположения может служить полное различие типов керамики, которые не могли сосуществовать в одно и то же время. Разделить каменный инвентарь не представляется возможным. В общем по характеру керамики эта стоянка очень близка к стоянке Васкин Бор II, с одной стороны, и Оров-Наволок V — с другой. Это ранняя стоянка с ямочно-гребенчатой керамикой и появившимися уже чертами каргопольской культуры. Эти черты выражаются в наличии некоторых узоров из гребенчатых оттисков, в появлении ромбической ямки и т. д.

Каменный инвентарь стоянки довольно беден: нуклеус из роговика грубо конусовидной формы, грубое скребло и маленькое шлифованное сланцевое долото. В то же время на стоянке масса крупных сланцевых камней окружала пятно темного культурного слоя, кроме того, было много и более мелких камней из сланца. Некоторые из них грубо обработаны. Не исключено, что они употреблялись в виде грубых скребел. Кремня на стоянке чрезвычайно мало. Этим, возможно, и объясняется крайняя бедность каменными орудиями на стоянке, так как по характеру керамики можно было бы предполагать наличие на стоянке богатого набора разнообразных каменных орудий.

В низовьях р. Шола также было обнаружено и исследовано несколько стоянок. Две из них, Яглоба I и Яглоба II, были рекогносцировочно раскопаны. Обе они находятся в окрестностях с. Зубово, на берегах р. Яглоба, которая сейчас превратилась в широкий водоем с почти стоячей водой — как и на всех реках и озерах этого района, уровень воды на Шоле и Яглобе в связи со строительством Волго-Балтийского канала поднялся, что очень изменило характер рельефа. О стоянке на р. Яглоба мы получили сведения от директора Череповецкого музея К. К. Морозова, который был на ней в 1952 г.² Мы нашли эту стоянку не сразу. Это стоянка Яглоба II. Стоянка Яглоба I открыта впервые нами в 1963 г. Она расположена в современном устье р. Яглобы при ее впадении в р. Шола. Ранее она отделялась от устья 0,5—0,7 км пойменными лугами. Стоянка представляет собой песчанистую пойменную возвышенность 7—8 м над современным уровнем воды, поросшую сосновым бором. Вся средняя часть стоянки погибла при разработке когда-то бывшего здесь карьера. Мы заложили два раскопа — на западной стороне карьера раскоп I и на восточной стороне карьера раскоп II. Наиболее интересные результаты дал раскоп II. Площадь его 31 кв. м. В этом раскопе наблюдалась четко выраженная стратиграфия. Под песчанистым дерновым слоем толщиной 10 см, пронизанным корнями растений, залегает слой стерильного желтого песка, лишенного каких-либо находок, 70—80 см толщиной. Под этим слоем лежит культурный слой, такой же песчаный, но с примесью угольков. Он темного, почти

² Открыл эту стоянку в 1949 г. журналист Гарковский.

Рис. 26. Керамика стоянки Яглоба I

черного цвета, мощностью 20—25 см. Его подстилает желтый песок, стерильный.

В культурном слое не было выявлено каких-либо следов землянок или наземных жилищ. На участках Г-д/8—10 была обнаружена яма овальных очертаний с диаметрами 1,7 м и 0,75 м, заполненная темным культурным слоем, с чуть бóльшим количеством угольков, чем обычно на стоянке. Она шла на 45 см ниже уровня культурного слоя. В яме найдены только мелкие косточки. На этих участках найдено много обломков керамики, вероятно, от одного сосуда. Вообще же слой оказался довольно слабо насыщенным культурными остатками. На некоторых метровых участках не было обнаружено ни одного предмета. В основном находки состоят из обломков керамики. Керамика стоянки Яглоба I довольно однообразна (рис. 26). Сделана она из глиняного теста с примесью гравия и растительных остатков. Обжиг обычно хороший и ровный, цвет темно-желтый. Ни одного целого сосуда собрать не удалось, поэтому о форме и размере со-

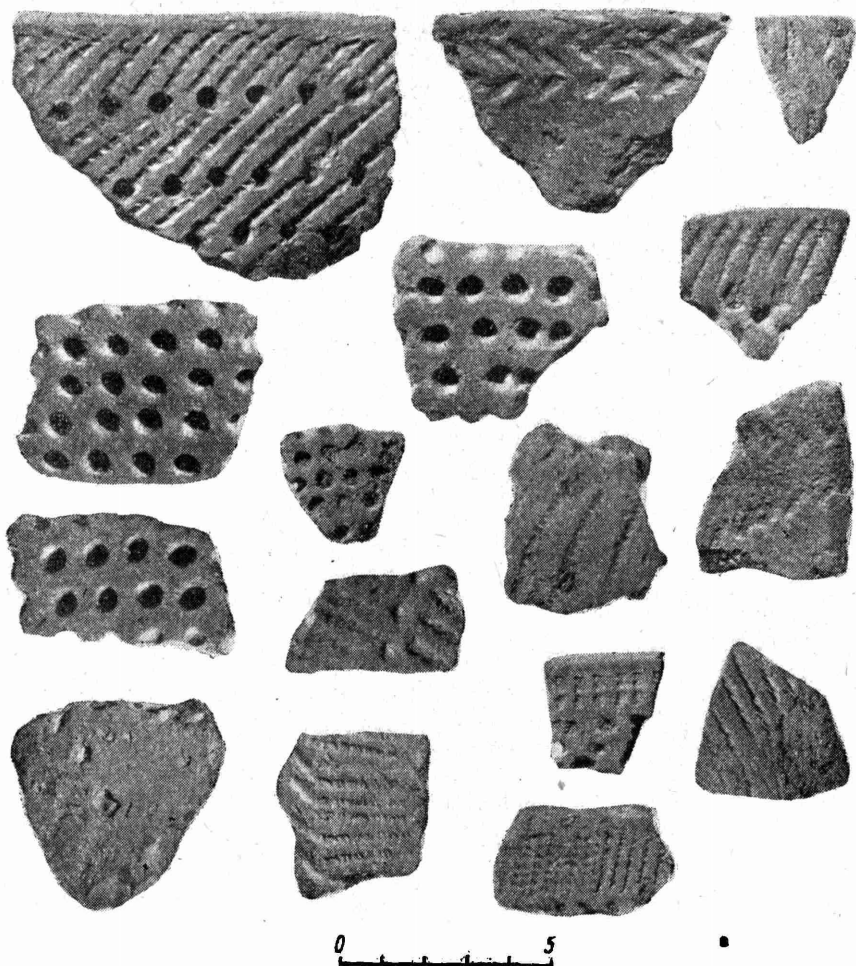

Рис. 27. Керамика стоянки Яглоба II

судов можно говорить лишь предположительно. Как кажется, большинство черепков относится к двум-трем сосудам. Это были довольно тонкостенные сосуды (6—8 мм) с ровным венчиком, но явно выраженной шейкой. По профилю они напоминают ананьинские сосуды, поэтому должны иметь круглое дно. Обломков дна нет. Внутренняя поверхность сосуда обработана каким-то твердым предметом — от заглаживания им здесь образовались так называемые расчесы, орнаментация сосудов очень небогата, она нигде не занимает всю поверхность сосудов. По шейке уже упомянутых сосудов идут несколько рядов веревочных отпечатков, остальная же поверхность сосудов покрыта так называемым ложно-сетчатым орнаментом — это ранняя фаза сетчатой керамики. Причем нам кажется, что этот орнамент расположен по сосуду не сплошь. На стоянке имеется также несколько (3 экз.) черепков с ямочными вдавлениями, на четырех-пяти обломках стенок есть вдавления зубчатого штампа, причем очень позднего вида — мелкого, редкого и очень неглубокого. Наконец, найден на стоянке обломок от маленького, видимо, круглодонного неорнаментированного сосуда. По своему внешнему виду (это обломки тонкостенных сосудов, с растительной примесью, хорошего обжига, темно-коричневого цвета) и по орнаменту (довольно частые веревочные оттиски, сочетания мелких гре-

бенчатых и веревочных, грубые треугольные, геометрические узоры из очень мелких ямочных вдавлений неправильной формы и т. д.) эта керамика относится к самому позднему этапу ямочно-гребенчатой и, в частности, каргопольской культуры, т. е. к I тысячелетию до н. э. Каменный инвентарь стоянки небогат. Это несколько ножевидных пластин, большое скребковидное орудие и несколько скребков на отщепках и на концах ножевидных пластин. Стоянка очень интересна тем, что в этом районе она является единственной стоянкой с чистым комплексом позднего каргопольского типа и четко выраженной стратиграфией. Поэтому она нуждается в дальнейших раскопках.

Стоянка Яглоба II расположена в 1 км южнее стоянки Яглоба I на невысоком (в настоящее время 2—3 м над уровнем воды) мысу при впадении в р. Яглоба ручья Костозерский. Она находится на северной окраине современного поселка РТС и представляет собой всхолмление с неровной поверхностью размером 60×70 м, разделенное ручьем на две неравные части. Южная часть, левый берег ручья, вся разрушена расположившейся здесь заправочной станцией нефтебазы. Здесь почти не сохранилось культурного слоя, лишь на поверхности мы обнаружили множество каменных изделий и отщепов и обломки керамики. На правом берегу поверхность и культурный слой сохранились тоже только частично — раньше здесь была мельница. Имеются также следы каких-то раскопок. Но здесь удалось найти участок с ненарушенным культурным слоем. На нем и расположился наш раскоп общей площадью 30 кв. м. Культурный слой и здесь лежал под дерновым и небольшим (мощностью 10—15 см), но хорошо отделявшимся стерильным песчаным слоем. Культурный слой начинался с глубины 20—25 и шел до 40—45 см, подстилаясь светло-желтым стерильным песком. И здесь не было обнаружено никаких следов землянок или наземных построек.

Как в культурном слое раскопа, так и на поверхности разрушенных частей стоянки был обнаружен разнообразный и интересный керамический и каменный инвентарь (рис. 27). Правда, керамического материала было немного, но по его характеру можно сказать о приблизительном возрасте стоянки. Она более ранняя, чем стоянка Яглоба I, что хорошо видно по ямочно-гребенчатой керамике, с преобладанием правильных вдавлений в виде круглой ямки, которые могут комбинироваться с зубчатыми, реже с резными узорами, а могут заполнять и всю поверхность сосуда. Веревоочного орнамента здесь нет. Особый интерес стоянке придает связь такого рода керамики с очень разнообразным каменным инвентарем. Здесь очень много ножевидных пластин разных размеров и сделанных из различного материала — из кремня и кремнистого сланца. Многие ножевидные пластины ретушированы по сторонам, есть проколки из этих пластин, много скребков на концах ножевидных пластин, много скребков и из отщепов, часто обработанные очень пологой ретушью, но есть скребки и высокой формы. Найдены обломки нескольких шлифованных долот и топоров, одно долото удлиненных размеров с поперечным сечением, близких к линзовидному, найдено в раскопе.

Стоянка Яглоба II — очень интересная и своеобразная, относящаяся, видимо, к среднему этапу развития ямочно-гребенчатой культуры. Ее исследование лишь начато.

И. В. ГАВРИЛОВА

КЕРАМИКА ФЕДОРОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
В СВЯЗИ С НОВЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ

Федоровская стоянка, открытая в 1923 г.¹ В. И. Смирновым и Л. Н. Казариновым, находится в Чухломском р-не Костромской обл., в 1,5 км от одноименной деревни, на левом берегу р. Вексы, у ее истока из Чухломского озера.

В археологической литературе она известна по публикациям А. Я. Брюсова, произведшего в 1925 г. частичные раскопки этого памятника², и М. Е. Фосс³, принимавшей в них участие. Оба автора весь комплекс находок считали одновременным. М. Е. Фосс датировала его концом неолита, А. Я. Брюсов — эпохой металла.

В 1962 г., после длительного перерыва, исследование поселения было возобновлено автором и продолжено в 1963—1964 гг.

Площадь, занятая древним поселением, представляет собой мыс, окруженный болотистым лугом, примыкающий к пологому коренному берегу; высота мыса над окружающим болотом около 1 м. В настоящее время Чухломское озеро отошло на 1 км к юго-востоку от древнего берега, на котором расположено поселение, а р. Векса протекает в нескольких десятках метров к северо-востоку от него. Возвышенная часть мыса оказалась распаханной, нетронутой осталась лишь наиболее низкая оконечность, возвышающаяся на 0,5—0,7 м над поймой.

В 1962—1964 гг. исследованию была подвергнута центральная часть мыса, где в основном сосредоточивались работы предшествующих лет, а также его северная сторона, материал которой несколько отличается от полученного прежде. Общая площадь раскопа 290 кв. м (рис. 28).

Последовательность напластований слоев была везде одинакова: черный культурный слой — сильно гумусированный мелкий песок, местами переходящий в супесь, — сверху покрыт почвенным слоем коричневого цвета 0,18—0,25 м мощности. В возвышенной части мыса его подстилает желтый суглинок, в пониженной — светлый песок. По направлению к реке и озеру соответственно крутому склону древнего берега наблюдается падение культурного слоя и вместе с тем увеличивается его мощность.

На всей площади стоянки культурный слой был интенсивно насыщен находками. Основная масса их лежала на глубине 0,40—0,70 м.

¹ Архив ЛОИА, ф. 46, д. 40.

² А. Я. Брюсов. О раскопках в Чухломском уезде Костромской губернии летом 1925 года. «Материалы к доистории Центрально-промышленной области». М., 1927, стр. 56—58; он же. Федоровская стоянка. «Труды секции археологии РАНИОН», т. II, М., 1928, стр. 26—32.

³ М. Е. Фосс. Керамика Федоровской стоянки. «Труды секции археологии РАНИОН», т. IV, 1928, стр. 505—518.

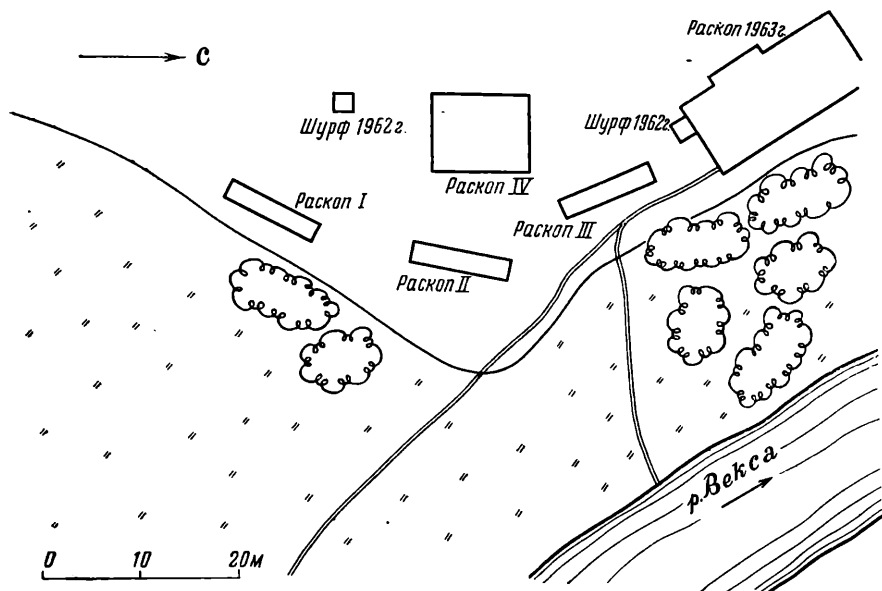

Рис. 28. План-схема Федоровского поселения

Около $\frac{2}{3}$ всего найденного материала составляет керамика, рассмотрению которой и посвящена данная работа.

Исходя из того, что предшествующими исследованиями была установлена неоднородность керамики, с целью ее возможного стратиграфического расчленения мы применили методику строгой поглубинной фиксации. Культурный слой был разделен на четыре последовательных горизонта: I—0—0,40 м; II—0,40—0,60 м; III—0,60—0,80 м; IV—0,80—1,10 м (последний прослеживался не везде). Обломки сосудов рассматривались и подсчитывались с учетом указанных горизонтов. Такой метод позволил проследить известную закономерность в распределении различных типов керамики по глубинам⁴ (табл. 1). Как выяснилось, на Федоровском поселении имеется пять типов керамики (не учитывая более поздних сосудов): 1) ямочно-гребенчатая; 2) гребенчатая; 3) волосовская; 4) единичные фрагменты фатьяновидной; 5) сетчатая.

Ямочно-гребенчатая керамика составляет подавляющее большинство во всех горизонтах на всей площади стоянки (рис. 29, 8—13).

Сосуды лепились из отмученной глины с примесью дресвы, иногда довольно крупной. Форма их полуяйцевидная или митрообразная с прямым краем, с округлым или приостренным дном. Венчик, как правило, скошен внутрь, слегка нависает над внутренней стенкой или совсем прямой, реже приострен с обеих сторон. Диаметр сосудов колеблется от 30 до 45—50 см, но помимо крупных экземпляров есть обломки миниатюрных тонкостенных сосудиков диаметром 10—15 см. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность посуды, а зачастую и край с внутренней стороны. Как можно видеть, перечисленные признаки являются общими для всей ямочно-гребенчатой керамики. Некоторое своеобразие федоровских сосудов заключается в том, что немногие из них имеют очень толстые стенки — до 1,7 см, а также рисунок на внутренней стороне, спускающийся нередко низко, до самого дна.

⁴ Подсчеты керамики по глубинам проводились и в указанной работе М. Е. Фосс, но автором выделялось лишь два вида керамики: орнаментированная и без орнамента.

Соотношение различных типов керамики на Федоровском поселении

Керамика	Северный раскоп				Центральный раскоп*			
	глубина залегания, м				глубина залегания, м			
	0—0,40	0,40—0,60	0,60—0,80	0,80—1,10	0—0,40	0,40—0,60	0,60—0,80	0,80—1,10
Ямочно-гребенчатая	437 (70,7%)	1704 (59,7%)	1239 (64,1%)	75 (42,8%)	2792 (93,6%)	2457 (92,5%)	329 (93,4%)	
Гребенчатая	100 (16,1%)	764 (26,4%)	600 (31%)	100 (57,2%)	16 (0,5%)	15 (0,5%)	1 (0,2%)	
Волосовская	65 (10,5%)	208 (7,3%)	79 (4%)	—	21 (0,7%)	8 (0,3%)	—	
Сетчатая	17 (2,7%)	170 (5,9%)	14 (0,7%)	—	152 (5,6%)	176 (6,7%)	22 (6,4%)	
В с е г о	619	2846	1932	175	2981	2656	352	

* Следует учесть, что в центральном раскопе третий горизонт (0,60—0,80) взят частично, а четвертый не взят вовсе из-за затопления водой.

Орнамент федоровской керамики был ранее подробно описан М. Е. Фосс⁵, и, поскольку вновь добытая ямочно-гребенчатая керамика не отличается от ранее известной, мы позволим себе не останавливаться здесь на ней подробно. Напомним лишь, что основными элементами украшений служат круглые ямки, отиски гребенчатого штампа, отпечатки аммонитов, шнура, намотанного на стержень, веревочки, лунчатые вдавления и реже — кольцеобразные, а также вдавления неопределенных форм. Композиция узора проста: обычно поле круглых ямок разделено поясками косо поставленных или горизонтальных оттисков гребенки или ее заменителей, иногда — лунчатыми вдавлениями. Из более сложных узоров распространены фигуры ромбов, сетка и зигзаг из гребенки. Часто наблюдается узор из длинных гребенчатых отпечатков, нанесенных под углом к краю сосуда между круглыми ямками; горизонтальная елочка, а также гребенка, оттиснутая поверх ямочного орнамента, в результате чего края ямок сминались. В целом орнамент довольно густо покрывает всю поверхность сосудов, подразделяясь на горизонтальные зоны, и лишь в редких случаях наблюдается разреженный, с большими незаполненными участками.

Несомненно, большой редкостью являются две площадки, сделанные из придонных частей больших сосудов, найденные в раскопе II на глубине 0,50—0,60 м. Диаметр одной из них 13 м, другой — 10 см. Обе площадки оббиты по краю, на внешней стороне они украшены круглыми ямками, чередующимися с поясками косых отпечатков тонкой гребенки. Одна из них (рис. 29, 13) слегка заглажена по краю и, возможно, после оббивки края внутри обмазана тонким слоем глины, поскольку орнамент заходит на линию слома. Внутренняя сторона площадки покрыта косыми оттисками тонкой гребенки, образующей горизонтальную елочку. У второй площадки треть края несколько возвышается, что делает ее похожей на площадку с широкой ручкой. На этом выступе проделаны три сквозных отверстия через ямку орнамента, на противоположной стороне площадки еще два таких же отверстия.

Особый интерес представляет керамика второй группы, украшенная почти одной гребенкой (рис. 30, 1—12). По тесту, размерам и форме со-

⁵ М. Е. Ф о с с. Указ. соч.

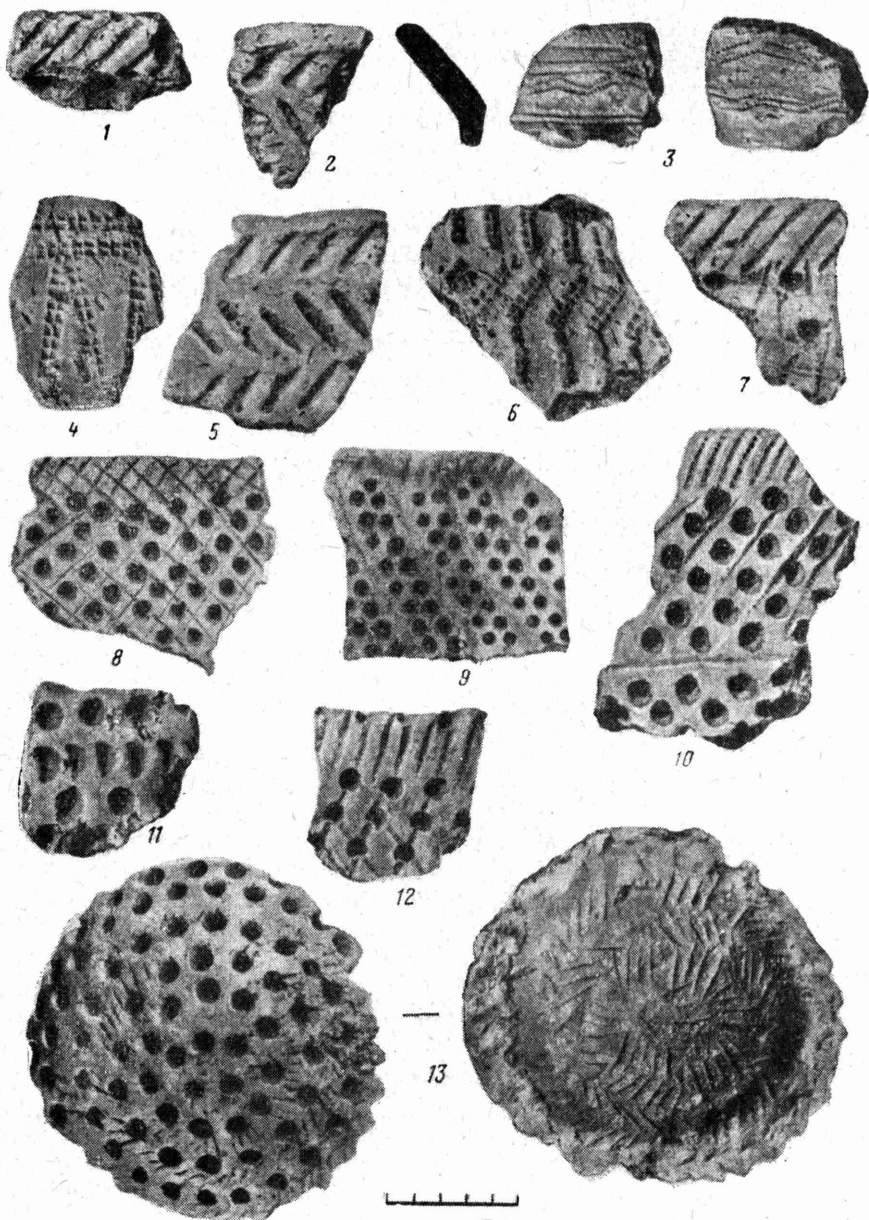

Рис. 29. Керамика Федоровского поселения

1, 2, 4-7 — обломки сосудов волосовского типа; 3 — фрагмент венчика волосовско-фатьяновского сосуда; 8-13 — обломки ямочно-гребенчатой керамики

суды этой группы не отличаются от рассмотренных выше. Однако стенки их значительно тоньше, на внутренней стороне видны четкие штрихи от заглаживания, направленные в одну сторону или образующие зоны, расположенные под углом друг к другу, создавая как бы видимость узоров, значительно реже они размещаются беспорядочно. Орнамент на внутренней стороне иногда спускается низко и представляет собой в отдельных случаях схематические изображения. На некоторых сосудах слабые следы сглаживания можно видеть и на внешней поверхности.

Основным и почти единственным элементом украшений является гребенка. Отпечатки ее, как правило, средней величины, очень четкие, глубокие. Они покрывают весь сосуд непрерывными горизонтальными и вертикальными зигзагами или образуют сплошное поле из косо поставленных линий, иногда разделенное каким-нибудь дополнительным элементом. На одном сосуде пояски косой гребенки могут сочетаться с зигзагами, опоясывающими сосуд. В качестве дополнения к гребенке чаще других использованы неправильные ямочные вдавления, нанесенные под углом к плоскости сосуда. В ряде случаев их заменяют более короткие, редко поставленные косые гребенчатые отпечатки, реже — круглые ямки. Иногда из гребенки созданы и очень нарядные, сложные узоры — ромбы, заполненные гребенкой, вертикально спускающиеся ленты и целые зоны, расположенные под углом друг к другу.

Заслуживают внимания обломки двух тонкостенных сосудов средней величины, богато украшенных оттисками гребенки. На одном из них у самого края нанесен зигзаг, ниже которого помещены три пояса под углом друг к другу из косо поставленной гребенки, по верхнему из них наколот небрежный ряд круглых ямок. Под этими поясками спускаются ленты из горизонтальных отпечатков гребенки, разделенные короткими гребенчатыми же вдавлениями.

Второй сосуд интересен тем, что на внутренней стороне его сохранилась часть схематического изображения какой-то водоплавающей птицы, выполненного гребенкой. Уместно упомянуть также и о фрагменте сосуда, украшенного схематическим изображением утиных лапок из трех коротких гребенчатых полос.

На площади стоянки гребенчатая керамика размещается неравномерно. Основная масса ее найдена в северной части мыса, где она составляет 27,3% всей керамики, тогда как в центральной и южной стороне его встречены лишь единичные фрагменты (всего 0,53% от общего количества обломков посуды).

Та же планиграфия наблюдается в размещении третьей группы керамики — волосовской. В северном раскопе она составляет 6,3%; в центральной — 0,5%. В общем количество фрагментов керамики этого типа невелико, и, как можно видеть из таблицы, основные находки ее сосредоточены в верхних горизонтах культурного слоя. Если учесть, что верхний горизонт в прошлом перепахивался, а, следовательно, часть керамики там уничтожена, то наибольшее число обломков волосовской посуды было обнаружено во II горизонте (208), тогда как в III количество ее резко падает (79); в IV же совсем отсутствует.

Сосуды этой группы сделаны из глины с органической примесью (рис. 29, 1—2; 4—7). Они легки, толстостенны (до 10 мм), венчики массивны, сильно нависают над внутренней стенкой сосуда, внешняя поверхность имеет выщербины от сгоревшей примеси, орнамент разреженный. Самым распространенным элементом его являются отпечатки крупнозубчатой гребенки, неглубокие вдавления и рамчатый штамп. О композиции орнамента судить трудно, так как фрагменты малы. Чаще всего встречается зигзаг из отпечатков крупнозубчатой гребенки, пояски неглубоких вдавлений, горизонтальная елочка из гребенки и рамчатых отпечатков.

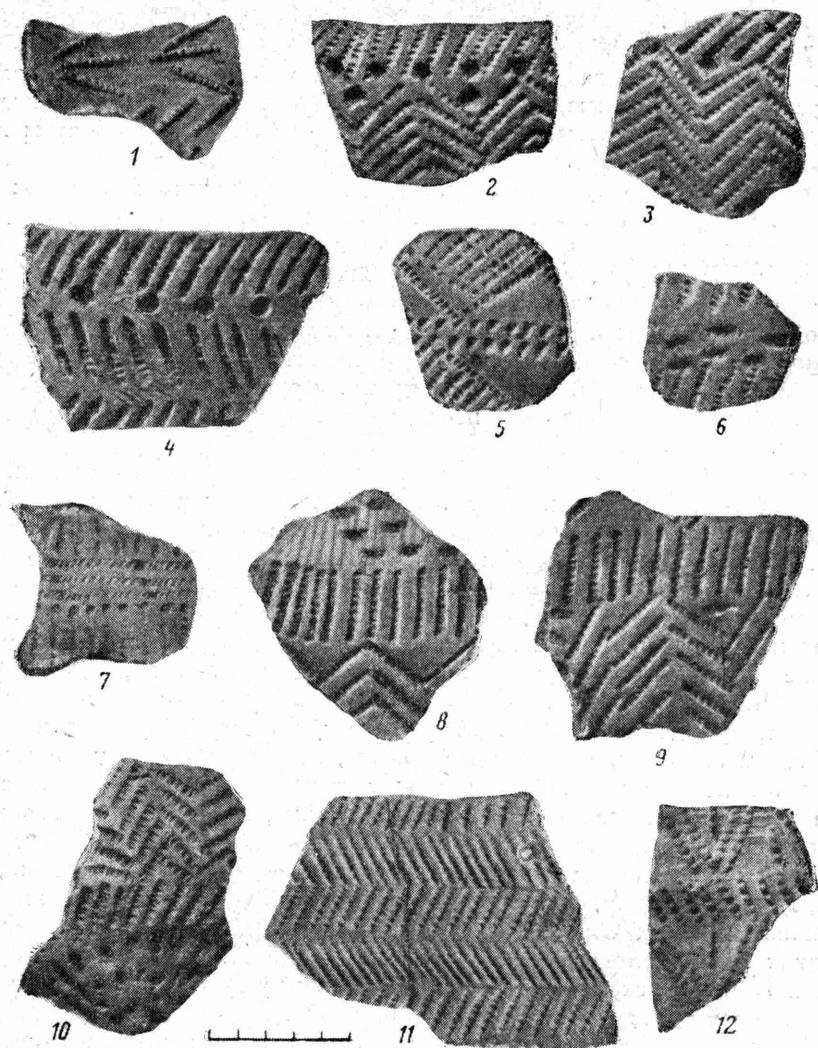

Рис. 30. Керамика Федоровского поселения
1—12— обломки гребенчатой керамики

Иногда наблюдаются отиски «шагающей» гребенки. Бóльшая же часть черепков мала по размеру и не содержит орнамента.

Фатьяновидная керамика представлена единичными обломками, большей частью венчиками, найденными в верхнем горизонте культурного слоя как в северной, так и в центральной части поселения (рис. 29, 3). Они принадлежат сосудам из глины с органической примесью, крупным, сравнительно толстостенным, с зауженным горлом и высоким, отогнутым наружу краем. Орнамент из поясков горизонтально и косо поставленных отпечатков гребенки и горизонтальных зигзагов, выполненных той же гребенкой, покрывает внутреннюю и внешнюю поверхность венчика, а на внешней стороне сосуда спускается ниже. Нетрудно заметить, что эти фрагменты сочетают в себе признаки волосовской керамики (органическую примесь к глиняному тесту) и фатьяновские черты, проявляющиеся в форме и орнаменте. Подобная керамика часто встречается на памятниках костром-

ского Поволжья и выделена в особую группу так называемой фатьяновидной керамики⁶.

Сетчатая керамика Федоровской стоянки обычна для костромского Поволжья. Поэтому мы не будем здесь останавливаться на ней подробно. Заметим лишь, что такая керамика встречалась главным образом в центральной и южной частях стоянки. Большинство ее лежало в первом и втором горизонтах культурного слоя, в третьем — количество сетчатых обломков резко падало, в четвертом — их не было вовсе.

Таким образом, на Федоровском поселении четко прослеживаются различные типы посуды, среди которых ямочно-ребенчатая керамика занимает целиком всю площадь мыса, ребенчатая и волосовская локализуются в его северной части, сетчатая в центральной и южной. Уже одно это различие в планиграфии позволяет заключить, что Федоровская стоянка заселялась человеком в различное время. Другим подтверждением высказанного положения служит неодинаковое стратиграфическое залегание различных типов посуды.

Самая ранняя эпоха на Федоровском поселении представлена комплексом ямочно-ребенчатой керамики. Такие признаки, как состав теста, формы и размеры сосудов, сближают ее с широким кругом стоянок лесного неолита. Поэтому для выяснения наиболее близких аналогий к ней следует обратить особое внимание на украшение сосудов. Орнамент из круглых конических ямок с наклонными и горизонтальными поясами из отпечатков ребенки, веревочки, аммонитов и лунчатых вдавлений характеризует прежде всего неолитическую керамику стоянки Борань, расположенной в 100—120 км южнее Федоровской. Помимо простых сочетаний этих элементов на сосудах Борани имеются такие характерные узоры, как сетка и зигзаги из ребенки, ребенчатые полосы, деформирующие края ямок, густое заполнение ребенкой поля между ямками⁷. Такое совпадение керамики этих двух поселений объясняется прежде всего их территориальной близостью. Аналогии рассмотренной ямочно-ребенчатой керамики имеются и в материалах стоянок Сокольское I⁸, Половчинская⁹, Серково I¹⁰ и, наконец, среди сосудов памятников Балахнинской низины¹¹. В нижнем течении Оки близкая керамика выделена И. К. Цветковой на стоянках Малоокуловской, Гавриловке II, в нижних горизонтах Садового Бора и Панфиловской стоянки¹² и датирована первым и вторым этапами балахнинской культуры.

Сходство федоровской посуды с керамикой первых пяти из перечисленных памятников, а также наличие митрообразных форм сосудов, сравнительно сложного, иногда разреженного орнамента свидетельствует о развитии этапе балахнинской культуры. Вместе с тем на Федоровском поселении ямочно-ребенчатая керамика является наиболее ранней. Как видно

⁶ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в костромском Поволжье. МИА, № 110, 1963, стр. 85—203.

⁷ Н. Н. Гурина. Неолитическое поселение Борань. МИА, № 79, 1960, стр. 207, рис. 14; стр. 211—213, рис. 17—19; стр. 215—217, рис. 20—22.

⁸ Л. Я. Крижевская. Неолитическая стоянка Сокольское I на Волге. МИА, № 110, 1963, стр. 30—48.

⁹ Н. Н. Гурина. Половчинская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 57. 1959, стр. 70—75.

¹⁰ И. В. Гаврилова. Неолитическая стоянка у с. Серково. МИА, № 110, 1963, стр. 49—53.

¹¹ О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. «Изд. ГАИМК», вып. 106, 1935, стр. 298—346; В. И. Каменский, А. А. Спицын. Раскопки близ г. Балахны. «Зап. отд. русск. и славянск. археологии. Русск. археол. об-ва», т. V, вып. 1—2. СПб., 1903—1904, стр. 94—103; А. А. Спицын. Стоянка каменного века близ г. Балахны. СПб., 1905.

¹² И. К. Цветкова. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки. МИА, № 110, 1963, стр. 59, рис. 2; стр. 60, рис. 3; стр. 72, рис. 9; стр. 81, рис. 15.

из приведенной таблицы, керамика этого типа явно превалирует в нижних горизонтах культурного слоя, тогда как волосовская и сетчатая тяготеют к двум верхним горизонтам¹³. Здесь уместно упомянуть, что в более возвышенной части мыса, где отсутствует четвертый горизонт, на контакте третьего с подстилающим был обнаружен целый горшок, украшенный круглыми ямками.

Однако и гребенчатая керамика, как показали подсчеты, также залегает ниже волосовской и сетчатой. Ее сравнительно поздний возраст в данном случае устанавливается и типологически. В орнаментах гребенчатой керамики Федоровского поселения дополнительным элементом изредка служит круглая ямка, а композиции узоров достаточно близки рисункам на сосудах ямочно-гребенчатого типа. Ближайшие аналогии этой керамике в коллекциях стоянок Умиленье и Туровское, расположенных на 55—60 км южнее, на северном берегу Галичского озера¹⁴. В этих памятниках есть группа керамики, орнаментированной гребенкой, образующей зоны, дополненные ямчатыми вдавлениями. Композиция узоров почти тождественна гребенчатой керамике Федоровского поселения. Существенно, что на Умиленье найдены и фрагменты со схематическим изображением утиных лапок, нанесенных гребенчатым штампом, аналогичные изображениям на сосудах Федоровской стоянки. В то же время на керамике Умиленья и особенно Туровского господствует очень сложный, сильно разреженный орнамент; сосуды с подобными украшениями лишь в небольшом количестве имеются среди гребенчатой керамики Федоровского поселения.

Сочетание характерных признаков ямочно-гребенчатой керамики, с одной стороны, и сложных узоров, типичных для посуды Туровского и Умиленья — с другой, позволяет, как нам кажется, считать керамику, украшенную гребенкой, на Федоровском поселении более поздней, чем ямочно-гребенчатую.

Подробное рассмотрение гребенчатой керамики выходит за рамки данной статьи. Следует заметить лишь, что ощутимая связь ее с ямочно-гребенчатой позволяет рассматривать гребенчатую керамику как результат дальнейшего развития ямочно-гребенчатой керамики и допускать тесную связь ее носителей с племенами, входящими в круг большой этнической общности, у которых основным элементом украшения посуды являлась гребенка.

Итак, наиболее ранний керамический материал данного поселения представлен обломками сосудов, украшенных ямочно-гребенчатым орнаментом, сходство которого с керамикой памятников балахнинской культуры позволяет расширить границы последней значительно севернее. Федоровская стоянка была, по-видимому, одним из пунктов, где остановились балахнинские племена, расселяясь на север. Это продвижение было одноактным явлением, так как более поздняя федоровская керамика уже своеобразна и представлена сосудами с преобладанием гребенчатого орнамента.

Позже, в эпоху раннего металла, сюда проникли носители волосовской культуры, которые имели какой-то контакт с фатьяновскими племенами, нашедший отражение в своеобразной фатьяновидной, или волосовско-фатьяновской, керамике.

Последний этап обитания представлен сетчатой керамикой. Происхождение и развитие ее, а также связи с предшествующими культурами требуют дальнейших исследований.

¹³ Фатьяновидная керамика не учтена из-за малочисленности.

¹⁴ В. А. Городцов. Галичские клад и стоянка. «Труды секции археологии. РАНИОН», вып. III. М., 1928, стр. 13—54; М. Е. Фосс. Новые памятники в районе галичской культуры. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 63—69; она же. Результаты Галичской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 58—66; она же. Итоги Галичской экспедиции. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 34—39.

В. П. ЛЕВЕНКО

НОВЫЕ РАСКОПКИ СТОЯНКИ ПОДЗОРОВО¹

В связи с поступившими сведениями о разрушении известной неолитической стоянки Подзорovo, расположенной близ с. Старое Тарбеево Мичуринского р-на Тамбовской обл.², в 1965 г. Верхне-Донской археологической экспедицией срочно было предпринято ее обследование.

Как оказалось, площадь стоянки сильно вытаптывалась скотом, а ее северный край размывался течением р. Воронеж. При обследовании более широкой территории было установлено наличие выходов культурного слоя в двух пунктах: а) в основании обрыва северо-восточного края, возвышающегося над поймой останца первой надпойменной террасы левого берега речной долины, и б) у слияния старицы с р. Воронеж, в основании поймы нормального уровня. Первый пункт в дальнейшем мы будем именовать Подзорovo I (рис. 31, I, 1), второй — Подзорovo II (рис. 31, I, II, рис. 32, 1). Культурный слой в обоих случаях залегал в обрывах берега под толщей наслоений поймы на уровне межженного уреза воды в реке.

Подзорovo I. На обрыве, подрезающем останец Подзорovo³ с северной стороны, в местах выхода культурного слоя было произведено шесть зачисток по 4 м длиной и 5 м по вертикали каждая. Зачистки располагались вдоль берега с интервалами в 2—5 м. Общая площадь зачисток равнялась 120 кв. м, а вся зачищенная и раскопанная в 1965 г. площадь превышала 200 кв. м. Зачистками была вскрыта полная колонка геологических наслоений пятиметровой толщи останца, что позволило уточнить положение и содержание в них культурного слоя. Во всех шести зачистках стратиграфия оказалась примерно одинаковой (рис. 31, 2): А — 0,00—1,00 м — современная почва; Б — 1,00—1,50 м — плотная зернистая ископаемая почва; В — 1,50—2,00 м — горизонт ортзандов; Г — 2,00—2,75 м — чистый светло-желтый песок; Д — 2,75—3,00 м — глеевые прослойки; Е — 3,00—3,80 м — серый слоистый песок; Ж — в основании всей этой толщи лежал мощный горизонт (3,80—5,00 м) крупного хрящеватого, изобилующего ракушником речного аллювия. На уровне ординара слой был сильно насыщен зернами ортштейнов, ракушником и кусками древесины (рис. 31, 2).

Культурные остатки располагались в следующем порядке. В нижней половине ископаемой почвы и в слое ортзандов найдены фрагменты кера-

¹ Доклад, прочитанный на заседании сектора палеолита ЛОИА АН СССР 10 ноября 1966 г.

² Об этом было сообщено автору художником В. А. Федосеевым. Исследование памятника было произведено М. Е. Фосс в 1953 г. (см.: М. Е. Фосс. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 г. КСИИМК, вып. 75).

³ В местном произношении «Подзорье»

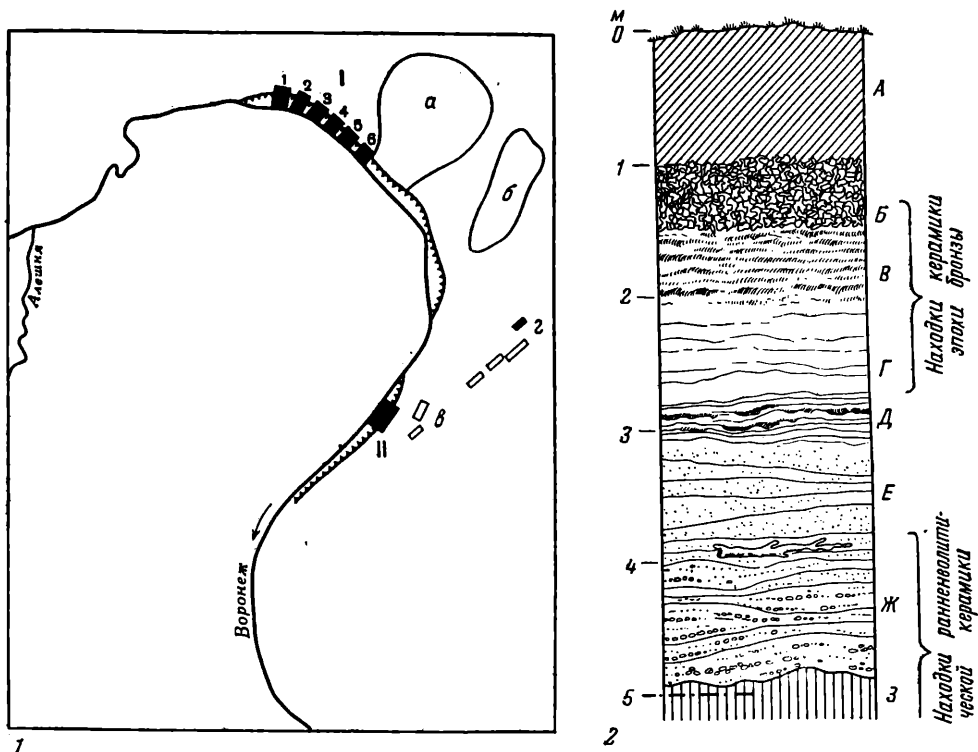

Рис. 31. Стоянка Подзорово

1 — общий план местности; I — Подзорово I (стойло); I-б — зачистки; II — Подзорово II (раскоп с заколом); а, б — следы размывших раскопов в — следы раскопов М. Е. Фосс 1953 г.; з — шурф 1965 г.; д — культурные остатки на отмели; 2 — колонка слоев в зачистках пункта Подзорово I: А — современная почва; Б — погребенная почва; В — орзванды; Г — желтый песок; Д — прослойки геля; Е — песок слоистый серый; Ж — песок крупный хрящеватый с ракушками; З — горизонт оглеения и меженный уровень реки

мики эпохи бронзы (срубная, «многоваликовая» и др.). На глубине 2,00—3,00 м лежит слой почти без находок. Основная масса культурных остатков эпохи неолита оказалась приуроченной к нижнему надординаровому горизонту хрящеватых песков (4,00—5,00 м).

Керамику из этого горизонта можно разделить на две группы. К первой относятся фрагменты сосудов, украшенных накольчатым орнаментом (рис. 33, 8, 10, 12) или же способом «отступающего» штампа (рис. 33, 13). Некоторые образцы керамики этой группы не имеют орнамента, но их поверхность обработана пересекающимися полосами гребенчатых расчесов, а под обрезом венчика сосуда располагаются глубокие наколы, дающие на обратной стороне стенки сосуда бугорки — «жемчужины» (рис. 33, 5). Ближайшие аналогии такая керамика имеет на Украине, среди посуды стоянок днепро-донецкой культуры. По-видимому, ее следует датировать IV тысячелетием до н. э.

Вторая группа представлена обычной ямочно-гребенчатой керамикой волго-окского типа (рис. 33, 7, 11).

Из неолитического слоя, кроме керамики, были добыты обломки кремневых орудий, куски древесины, кости млекопитающих, птиц и рыб и части панциря черепахи. Подъемный материал, собранный у подножия обрыва и на дне реки, происходит, очевидно, из разрушающегося культурного слоя. Здесь найдено много неолитической керамики, а также гарпун с обломаным жалом (рис. 33, 1), кинжал, изготовленный из трубчатой кости круп-

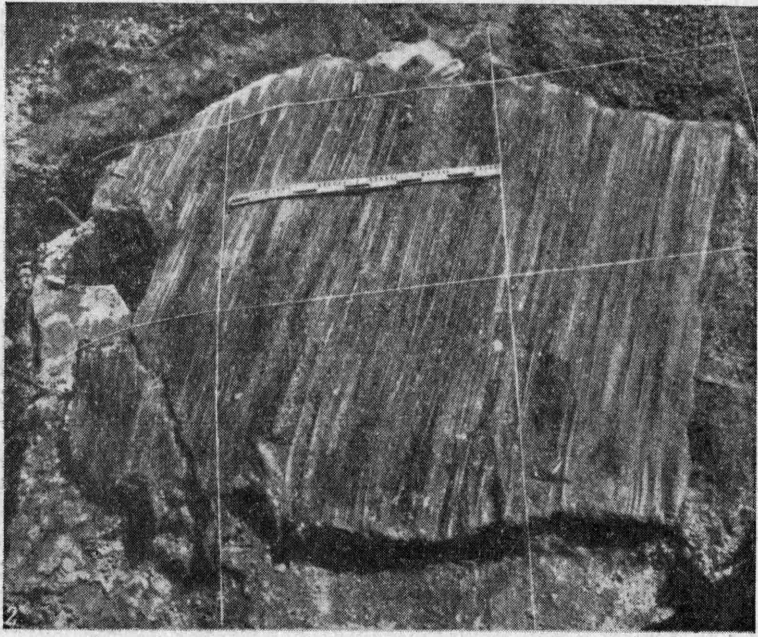
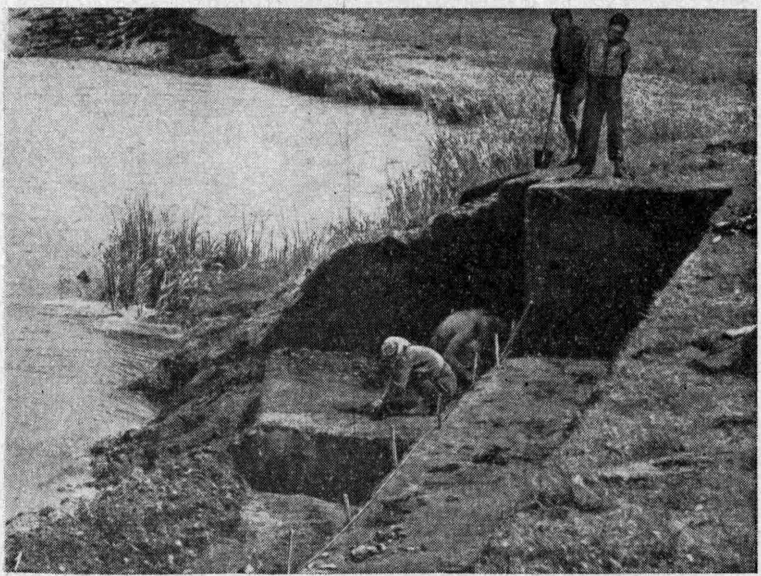
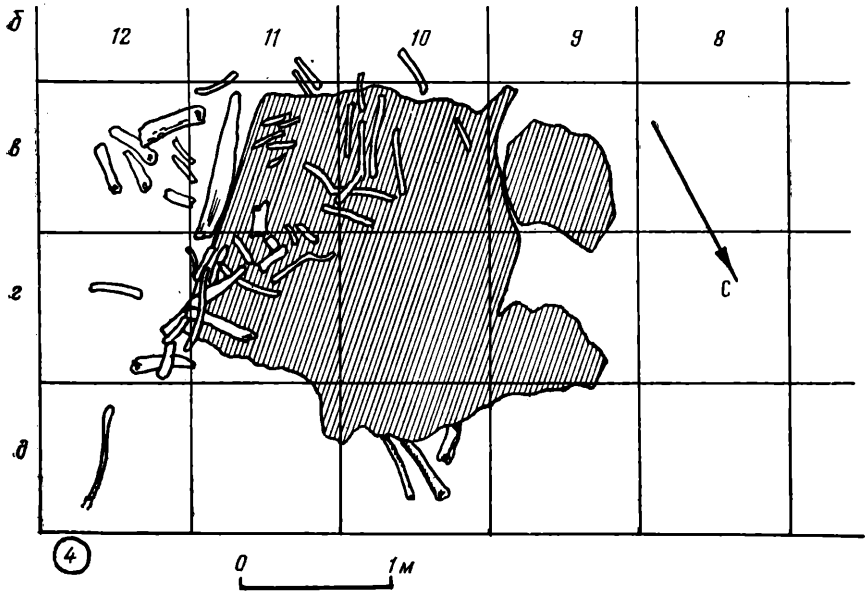
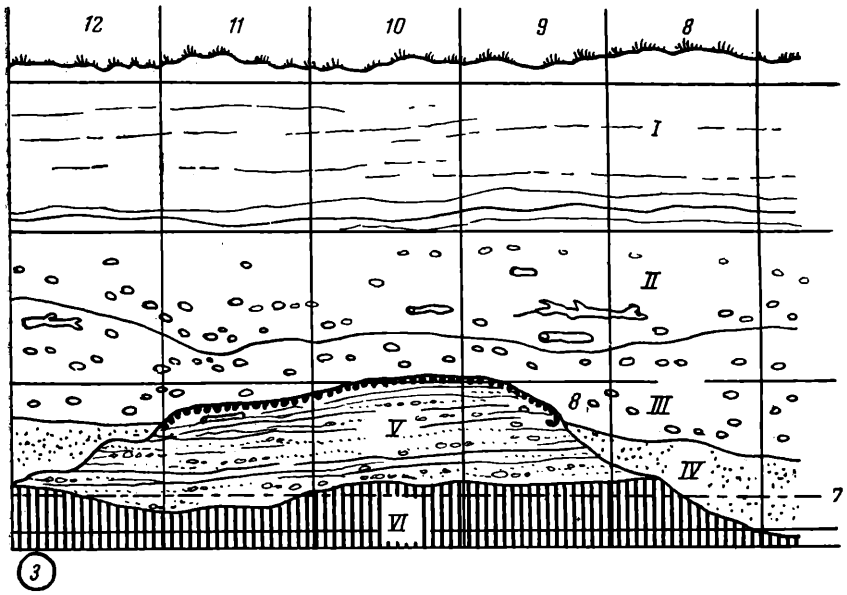

Рис. 32. Подзорово II

1 — рыболовный закол в процессе раскопок; 2 — сохранившаяся часть крыла рыболовного закола; 3 — разрез культурного слоя по линии квадратов „г“ в месте закола; I — верхний слой поймы; II — слой авторфовавшегося болота; III — слой черного жирного сапропеля; IV — слой стерильного песка; V — „подушка“ хрящеватого песка с ортштейнами под заколом; VI — глеевый горизонт; линия ординара; разрез закола; 4 — план закола

окончание рис. 32

ного млекопитающего (рис. 33, 2), первая фаланга лося с пробитым отверстием (рис. 33, 4) и др. Вторая фаланга лося со сколотым мышцелком сустава была извлечена из неолитического слоя в зачистке № 4 (рис. 33, 3).

Под зорво II. Вторым пунктом раскопок экспедиции 1965 г. явился крутой обрыв поймы слияния старицы с р. Воронеж, где в зачистках на уровне воды и выше также была найдена в слое неолитическая керамика. Заложенный здесь раскоп равнялся по площади 90 кв. м. В нем наблюдалась следующая стратиграфия: а) 0,00—1,00 м — светло-коричневый, пылеватый современный аллювий с примазками охры (рис. 32, 3, I); б) 1,00—1,80 м — слой древнего болота с древесиной в его нижнем ярусе (рис. 32, 3, II); в) 1,80—2,50 м — черный жирный сапропель с редкими включениями створок моллюска *Unio* (рис. 32, 3, III); г) 2,50 м и ниже лежал слой светлого, желтовато-бурого, хрящеватого песка, насыщенного зернами ортштейнов и ракушником *Apadonta* (рис. 32, 3, V). Под ординаром залегал зеленовато-серый горизонт оглеения (рис. 32, 3, VI).

Археологические находки располагались в следующем порядке. В первом слое было найдено несколько обломков керамики железного века. Керамика слоя II представлена толстыми рыхлыми черепками слабого обжига, с примесью мелкого красного шамота. Поверхность черепков сглажена и на обресе венчика украшена насечками (рис. 33, 15), короткими оттисками штампа, обмотанного ниткой (рис. 33, 16), ямками и пр. Аналогии этой керамике известны среди посуды марьяновских стоянок на р. Сейм, что позволяет отнести ее к эпохе бронзы.

Керамика третьего слоя относительно тонкостенная, крепкая, с четким ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 33, 18). Здесь же найдены фрагменты толстостенных, иногда с примесью в тесте толченой ракушки сосудов, украшенных оттисками короткой прямой гребенки (рис. 33, 17) или поверхностными отпечатками штампа овальной формы, так называемая ямчатая керамика. К этой же группе относятся фрагменты с оттисками штампа (рис. 33, 19). Ряд типологических признаков и стратиграфическое положение этой группы керамики (залегание ее между слоями с керамикой культуры бронзы и ранне-неолитической) позволяет относить ее к позднему неолиту.

Ниже третьего слоя, на глубине 2,20 м, была обнаружена часть древнего сооружения размером 2,50×3,00 м, изготовленного из параллельно уложенных и, по-видимому, в древности скреплявшихся между собой лучинок хвойного дерева. Ширина каждой лучинки 1 см, толщина 0,5 см, длина около 2 м. Расстояния между лучинками 0,5—1,0 см. Это сооружение по всей конструкции ближе всего напоминает часть бокового крыла или забора современного рыболовного закола, которыми рыболовы центральных областей и Белоруссии и в наше время перегораживают заливы, протоки и другие, лишенные быстрого течения участки рек (рис. 32, 2, 3, 4).

Керамика, найденная в третьем слое над «заколом», датируется поздним неолитом. Керамика слоев V и VI, залегающих под этим сооружением, оказалась более многочисленной и в этом раскопе наиболее древней. Часть фрагментов покрыта овальными ямками (рис. 33, 23), другая — наколами (рис. 33, 20). В шестом, глеевом, горизонте преобладала накольчатая керамика. В светлом хрящеватом песке пятого слоя найдена керамика ямочно-гребенчатого типа (рис. 33, 21, 22).

На основании новых дат для неолита Юга СССР и Европы возраст древнейшей накольчатой керамики определяется IV и ямочно-гребенчатой — началом III тысячелетия до н. э. Таким образом, учитывая возраст керамики, залегающей в горизонтах, подстилающих и перекрывающих закол, это сооружение можно относить приблизительно к середине III тысячелетия до н. э.

В связи с вопросом о раскопанном нами в 1965 г. на стоянке Подзорово рыболовном заколе следует упомянуть о другом точно таком же

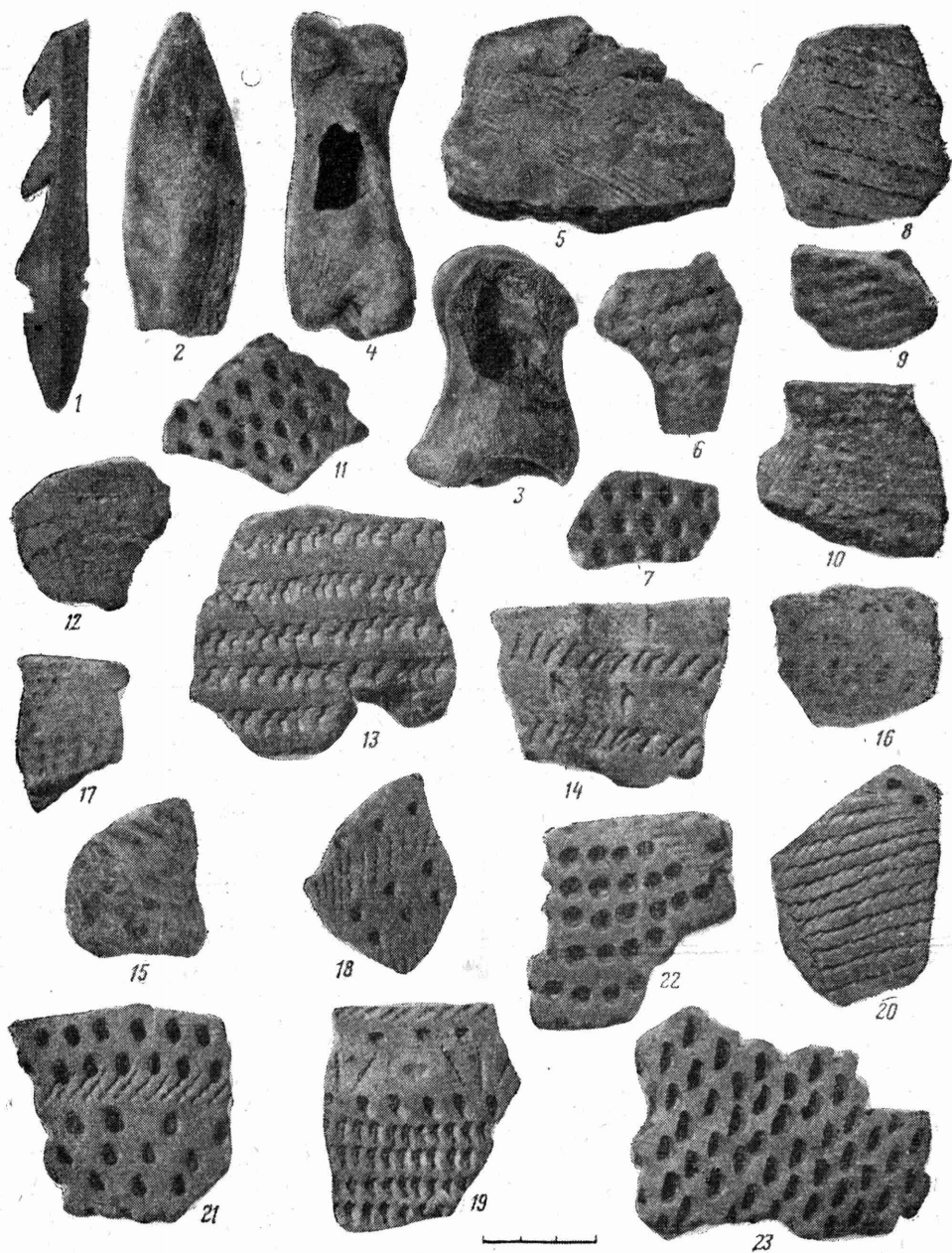

Рис. 33. Стоянка Подзорово. Керамика и изделия из кости

1 — гарпун; 2 — кинжал; 3, 4 — фаланги лося. Фрагменты керамики: 11 — из зачистки № 1, 12 — из зачистки № 3; 7, 13 — из зачистки № 4; 5, 6, 8, 9, 10, 14 — из зачистки № 5. Пункт I (1—14)

Керамика: 15, 16 — эпохи бронзы, из слоя III; 19 — неолитическая, найденная на валу; 20—23 — раннеолитическая из слоя V. Пункт II (15—23)

сооружении⁴, найденном в 1966 г. Г. М. Буровым на р. Юг Велико-Устюгского р-на Вологодской обл.

В целях проверки стратиграфии низкой поймы на южном берегу старицы, опоясывающей Подзорово, у раскопов М. Е. Фосс (1953 г.) нами был заложен шурф (рис. 31, 1, 2), в котором на глубине 1,90—2,00 м найдены измельченные фрагменты поздненеолитической ямочно-гребенчатой керамики, 78 обломков панциря черепахи, кости лося. В 300 м от Подзорова I, ниже по течению реки, на отмели левого берега, было собрано много керамики и костей. Выходов культурного слоя здесь не обнаружено. Материалы, по-видимому, были принесены сюда внешними водами с вышележащих пунктов (рис. 31, 1, д).

Фауна в раскопах Подзорова I и II (1965 г.) представлена как дикими видами — лосем (*Alces alces*), кабаном (*Sus scrofa ferus*), бобром (*Castor fiber*), лисицей (*Vulpes vulpes*), утками (*Anas sp.*), рыбами (сом — *Silurus glanis*, щука — *Esox lucius*), черепахой (*Emys orbicularis*), моллюсками (*Anadonta* и *Unio*), — так и домашними — коровой (*Bos taurus*), лошадью (*Equus caballus*) и мелким рогатым скотом (*Ovis et Capra*)⁵.

В 1953 г. на стоянке Подзорово М. Е. Фосс были проведены большие по своему значению раскопки. Работы Верхне-Донской экспедиции в 1965 г. явились продолжением этих исследований. Следует отметить, что за период времени с 1953 по 1965 г. произошло падение уровня воды в р. Воронеж в районе Подзорова на 2 м⁶, что позволило нам отыскать выходы культурного слоя на ранее недоступных глубинах. Такое углубление раскопов с двухметровой глубины «в высокой части Подзорова» в 1953 г.⁷ до пятиметровой в нашем раскопе 1965 г. позволило вскрыть слой с керамикой древнейших типов: накольчатой IV тысячелетия до н. э. (рис. 33, 20) и ямочной, идентичной одному из древнейших типов керамики Долговской стоянки (рис. 33, 23), датирующейся концом IV—началом III тысячелетия до н. э.⁸, в силу чего стоянку Подзорово оказалось уже невозможным датировать эпохой бронзы и поздним неолитом, как это делалось ранее⁹.

⁴ Г. М. Буров. Археологическое изучение торфяников в Северо-Двинском бассейне. «Археологические открытия 1966 года». М., 1967, стр. 6—7.

⁵ Определение Н. М. Ермоловой.

⁶ По сообщениям местных жителей, падение уровня воды произошло в результате разрушения в эти годы плотины на р. Воронеже.

⁷ М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 18.

⁸ В. П. Левенок. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. МИА, № 131. Палеолит и неолит СССР, т. 5. М.—Л., 1965, стр. 247. Дата по С — 14 2820 ± 60 лет. до н. э. (ЛЕ — 725).

⁹ М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 18.

Г. Н. МАТЮШИН

РАСКОПКИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ УРАЛА

Неолитические памятники Урала известны с прошлого века (Шигирский, Горбуновский торфяники и др.). Однако большинство их разрушено в процессе различных земляных работ, и поэтому уникальные находки иногда почти не документированы¹; в некоторых случаях слои неолитического возраста сильно разрушены более поздними поселениями².

В результате систематического обследования территории Южного Урала в 1956—1966 гг. было выявлено около 200 памятников каменного века³. Большая их часть оказалась поселениями неолитического и энеолитического времени. Раскопки этих поселений, проведенные нами в 1961—1967 гг., показали, что они неоднородны. Некоторые из них представляют собой обычные поселения, другие — поселения с мастерскими, третьи — мастерские и т. п. Особенно интересные результаты дало изучение комплекса памятников, расположенных в районе озер Карабалыкты—Сабакты—Банное—Суртанды в 30—40 км западнее г. Магнитогорска, к ним относятся Карабалыкты I и Сабакты б.

Стоянка Карабалыкты I (Линёвое)⁴ расположена на мысу, между болатистым заливом оз. Карабалыкты и его берегом, в 2 км к северо-востоку от дер. Ташбулатово. В 1961—1962 гг. на краю мыса было заложено два раскопа и три шурфа общей площадью 93 кв. м. Их стратиграфия: сверху под дерном — темный гумус толщиной 20—65 см, под ним — буроватый гумусированный суглинок с мелким камнем мощностью в 25—35 см (нижний культурный слой). Под суглинком — слой мелкого камня с глиной — материк.

В одном из раскопов на уровне нижнего культурного слоя обнаружена углубленная в землю часть жилища, стенки которого со стороны озера были укреплены камнями. С внутренней стороны каменной кладки углубление заполнено гумусированным суглинком. С наружной стороны кладка засыпана глиной с камнем. Слой глины, лежащий за каменной кладкой, однороден по составу с материковым слоем внутри каменной кладки (дно жилища), но более рыхлый, чем внутри землянки. Глина, лежащая внутри каменной кладки, очень плотная. Заполнение жилища и вышележащий гумус менее плотны, чем дно жилищной впадины. На некоторых участках с наружной стороны каменной кладки обнаружены остатки древесного тлена. Остатки дерева прослежены в каменной кладке. Каменная кладка и

¹ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956.

² Н. П. Кипарисова. Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 54—61; Г. Н. Матюшин. Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках Южного Урала. «Памятники Евразии». М., 1964.

³ Г. Н. Матюшин. Мезолит и неолит Башкирии. Автореф. канд. дисс. М., 1964.

⁴ Г. Н. Матюшин. К изучению мезолита и неолита Башкирии. АЭБ, т. II. Уфа, 1964, рис. 1, 24; рис. 3, 5, рис. 4, 4, 7, 33, 38.

остатки дерева довольно четко обрисовывают прямоугольно-овальную форму жилища. Внутри него прослежены остатки трех очагов.

Основная масса находок сосредоточена внутри жилища. В большинстве случаев они располагаются у очагов. Почти в центре жилищной впадины обнаружен большой желвак красной яшмы $35 \times 40 \times 20$ см со скоплением отщепов, нуклеусами и ножевидными пластинами. Яшма сильно обожжена.

Культурные остатки представлены в основном находками из камня и единичными находками керамики, изделия из яшмы преобладают над изделиями из кремня. Кремневых изделий и из яшмы всего найдено 1913. Большая их часть представлена изделиями из черного, темно-синего кремня и зеленой яшмы. Следует отметить, что возвышенность, у подножия которой расположена стоянка, сложена красной яшмой. Однако изделий из нее на памятнике мало, основная их масса из темных пород кремня и яшмы.

Ножевидных пластин и изделий из них 284. Среди них два довольно нехарактерных угловых резца на сломанных пластинках (рис. 34, 3, 4). Из других двух подобных пластинок изготовлены острия (рис. 34, 1, 2), две поделенные пластинки имеют небольшие ретушированные выемки с угла (резчики), десять пластинок имеют ретушь почти по всей длине лезвий, а у части их имеются широкие ретушированные выемки (рис. 34, 5—7, 10, 15). На четырех относительно массивных пластинках изготовлены концевые скребки (рис. 34, 18). Небольшая часть ножевидных пластин имеет ретушь по одной из боковых сторон, остальные без ретуши. Ножевидные пластины и изделия из них сопровождаются сильно сработанными призматическими нуклеусами, карандашевидными и конусовидными нуклеусами с негативами от скалывания крайне узких и тонких ножевидных пластинок (рис. 34, 20, 21, 24, 25).

Часть скребков изготовлена на массивных ребристых пластинках и продольных сколах с нуклеусов. Некоторые из них имеют ретушь только на конце пластины; другие по боковым сторонам (рис. 34, 12, 14). Один скребок имеет ретушь на обоих концах пластинки (рис. 34, 17). 23 скребка сделаны на отщепах (рис. 34, 11, 16). Два боковых скребка-скобеля изготовлены на продольных сколах с нуклеуса (рис. 34, 19, 23). Из двусторонне обработанных изделий (всего 50 экз.) найдены наконечники стрел, дротиков, копий и их заготовки (рис. 34, 8, 9, 13), ножи на кремневой плитке (рис. 34, 22) и заготовки тесловидных орудий. Значительная часть инвентаря представлена отщепами и кусками кремня. Особенно характерны крупные ребристые пластины с основаниями, сколотые с нуклеусов. Отщепов всего — 1525 экз., 17% их — средние отщепы, 53,3% — мелкие и 29,7% — чешуйки.

На стоянке найдено всего 12 очень мелких фрагментов керамики. Орнамент неясен. Только на одном фрагменте заметны следы орнамента из отступающей широкой палочки и неопределенных прочерченных линий. В тесте примесь — много песка и кусочки талька.

Стоянка Сабакты (Чебачье) 6, открытая в 1961 г.⁵, находится на восточной оконечности поселка Кусимовского рудника, на берегу оз. Сабакты (Чебачье). Раскопками вскрыто 188 кв. м площади, вся сохранившаяся часть стоянки.

Преобладающая часть находок была обнаружена в слое бурого гумусированного суглинка. Культурный слой залегал в большинстве случаев на каменном основании террасы, сложенной эффузивными породами.

Большинство находок концентрировалось на отдельных участках скальных выходов и в щелях между камнями. Местами трещины между кам-

⁵ Г. Н. Матюшин. К изучению мезолита и неолита Башкирии. АЭБ, т. II, рис. 1, 40; рис. 3, 36; рис. 4, 35; рис. 5, 13. В раскопках принимали участие М. А. Фомина, В. Ф. Старков, С. С. Неретина и др.

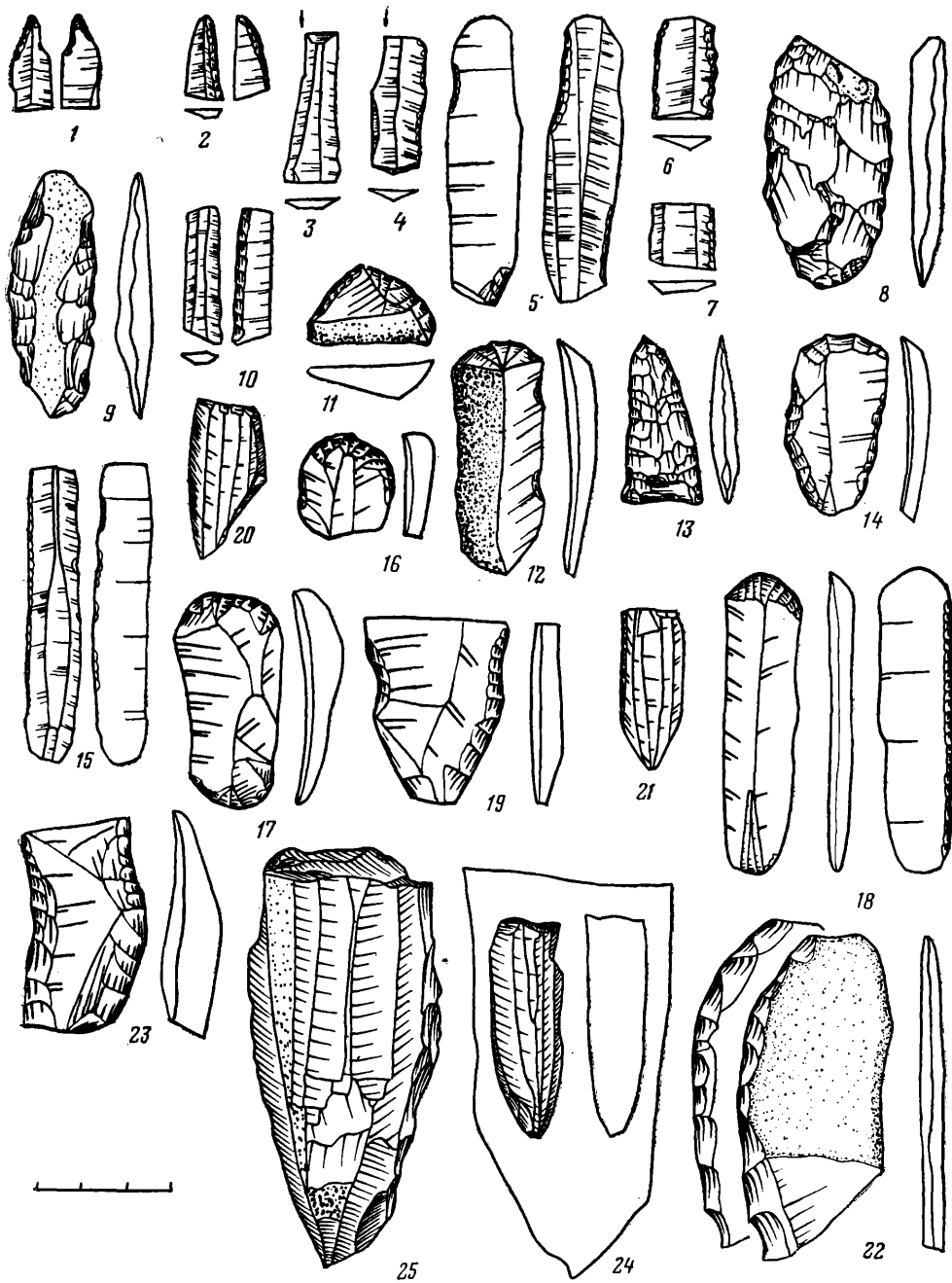

Рис. 34. Карабалыкты I

1—7, 10, 15, 18 — изделия из ножевидных пластин; 11, 12, 14, 16—19, 23 — скребки;
8, 9, 13 — наконечники; 22 — нож; 20, 21, 24, 25 — нуклеусы

ниями были плотно заполнены отщепами и кремневыми изделиями. На каждом таком участке основная масса кремневых изделий располагалась вокруг более высоко расположенного камня. Ниже его, плоской стороной вверх, находился второй камень. Можно предполагать, что более высоко расположенный камень являлся столом-наковальней, а нижний — сиденьем.

Находки в основном представлены изделиями из камня. Керамики обнаружено всего шесть фрагментов. Небольшие их размеры и плохая сохранность не позволяют восстановить форму сосудов, однако состав теста с примесью талька и характер орнамента сближает их с керамикой со стоянки Карабалыкты I, Сабакты III, Карабалыкты X и других неолитических памятников этого района.

Изделий из яшмы и кремня всего 1560 экз., в том числе ножевидных пластин и изделий из них 128, пластин с выемками — 10. Очень узких пластин нет. Только одна пластинка имеет ширину 0,8 см, остальные — 1,2—1,7 см. Ретушь в большинстве случаев заполняет все лезвие пластинки или большую его часть, образуя пологую широкую выемку (рис. 35, 7, 8), но имеются и короткие неглубокие выемки (рис. 35, 6). Восемь пластинок (шириной от 1 до 2 см) на одном или двух углах имеют оформленные крутой ретушью выемки, превращающие их в режущие орудия (резчики). Ретушь на некоторых из них мелкая, тонкая (рис. 35, 8, 9, 10, 16), на других — грубоватая, крутая (рис. 35, 5, 15). Среди изделий с режущим углом только одно оформлено резцовым сколом, остальные — ретушью. На одной пластинке крутой ретушью оформлено острие сверла (рис. 35, 1). Пластин с ретушью три. Ширина их от 1 до 2,5 см. Ретушь тонкая, некрутая, нанесена, как правило, только по одному лезвию. Из пластин без ретуши 67% имеют правильное ограничение и 27% — неправильное.

На двух пластинчатых отщепах и одном продольном сколе с нуклеуса видны следы незначительной подработки, превращающей их в острия (рис. 35, 2). Скребок на продольных сколах с нуклеусов девять. Большинство их сохранило остатки желвачной корки. Все скребки концевые. У трех из них имеется дополнительная ретушь на боковом лезвии. У одного скребка ретушь идет по всей длине одного из лезвий, образуя две глубокие выемки, у других ретушью оформляются только выемки. Ретушь в большинстве случаев крутая. Два скребка имеют высокую форму (рис. 35, 12, 21, 23). Скребок и скребел на отщепах — 29. У некоторых из них ретушь идет по краю (рис. 35, 19), у других — сбоку имеются небольшие выемки (рис. 35, 13, 14), у остальных ретуширован только рабочий конец. Ретушь уплощенная. Три скребка имеют ретушь только на боковом лезвии (боковые скребки). Все они изготовлены на пластинчатых отщепах.

Наконечников четыре. Один целый, остальные — обломки и заготовки. Один из них, судя по размерам, вероятно, является обломком наконечника копья (рис. 35, 18), остальные — дротиков и стрел. Долотовидных орудий два (рис. 35, 17, 22). Кроме того, в коллекции представлено несколько грубо обработанных рубящих орудий и их заготовок (рис. 36, 1, 7, 11). Одно из них изготовлено на крупном нуклеусе (рис. 36, 11), другое — на массивной плитке черного кремня (рис. 36, 1). Первое из них, возможно, имело подработку для закрепления нуклеуса. Третье орудие (рис. 36, 7) весьма близко напоминает так называемые скребла сибирского типа, широко распространенные в позднепалеолитических памятниках Сибири⁶. Однако, судя по характеру рабочего края и суженной тыльной части, это орудие имело назначение рубящего. Широкие выемки в тыльной части,

⁶ А. П. Окладников. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в Азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия). МИА, № 126, 1966, стр. 215—216, рис. 2, 10.

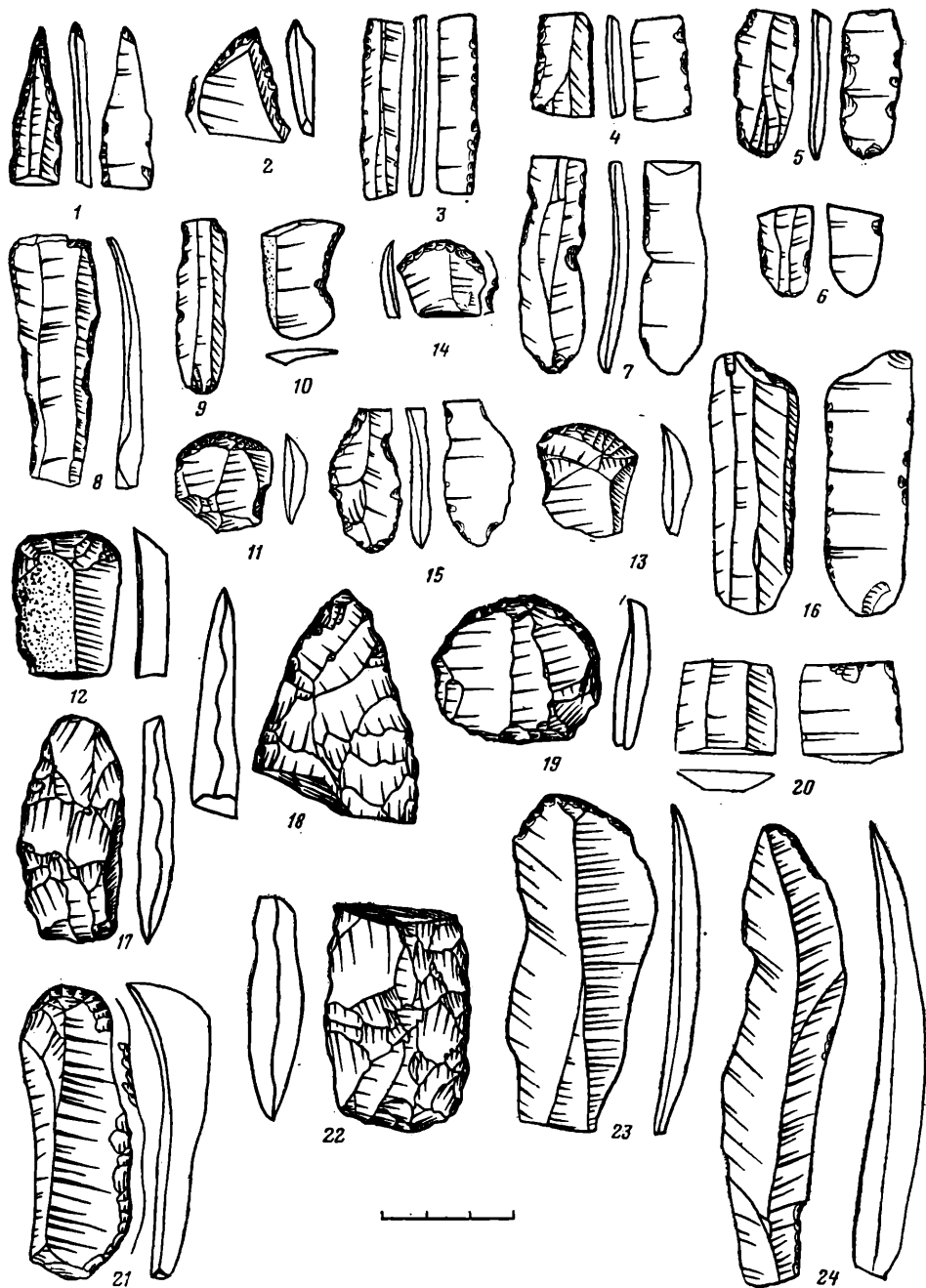

Рис. 35. Сабакты 6

1, 3—16, 18, 20 — изделия из ножевидных пластин; 2, 12, 21, 23, 24 — из продольных сколов с нуклеусов; 18 — наконечник; 17, 22 — долотовидные орудия

образованные крупными сколами, вероятно, служили для закрепления орудия в рукоятке.

Нуклеусов вместе с обломками и заготовками 92. Из них 35 — первичные заготовки и нуклеовидные куски, а 29 имеют всего по несколько негативов от скалывания ножевидных пластин (нуклеусы с первичными сколами). Полностью законченных в обработке нуклеусов, в том числе сильно сработанных, 21. Подавляющая их часть призматические (рис. 36, 2), но имеются и конусовидные (рис. 36, 6, 10). Краевых сколов — 60, ребристых пластин — 25, продольных сколов — 127, сколов с основаниями нуклеусов — 25, поперечных сколов с нуклеусов — 5. Часть продольных и краевых сколов с нуклеусов использовалась для изготовления сверл и разверток (рис. 35, 24), скребков (рис. 35, 23), скребелей и ножей.

Отходов производства — 1033. Из них крупных отщепов — 80, средних — 543, мелких — 392, чешуек — 13. Около 60% отщепов имеют остатки желвачной корки.

Создается впечатление, что памятники сходны между собой. На обоих найдено примерно одинаковое количество инвентаря, преимущественно представленного изделиями из камня; в инвентаре того и другого памятников преобладают отщепы и изделия из них и очень мало керамики; стратегически оба они залегают в одинаковом слое. Топография памятников также весьма сходна, и находятся они на сравнительно недалеком расстоянии друг от друга (6—7 км). Однако из приведенной выше краткой характеристики памятников вместе с чертами сходства можно проследить и некоторые довольно заметные различия. Первый из них — Карабалыкты I — поселение с жилищем, где находки рассеяны по значительной площади более или менее равномерно, хотя на отдельных участках они и встречаются небольшими скоплениями, но все же ни одно из них не имеет такой насыщенности, как скопления на территории Сабакты 6. Раскопками последнего вскрыто около 200 кв. м, но преобладающая часть находок здесь найдена всего в двух-трех скоплениях, занимающих сравнительно небольшую площадь (по 0,5—0,6 кв. м), но чрезвычайно плотно насыщенных отщепами и другими находками (рис. 37, а, б). На остальной же части памятника находки встречались очень редко. Следов жилищных углублений, очагов или каких-то бытовых остатков, аналогичных Карабалыкты I, нигде обнаружено не было. Следовательно, Сабакты 6 в основном мастерская. С одной стороны, учитывая концентрацию подавляющего большинства находок на небольшом участке площадью всего 8—10 кв. м и относительно небольшое количество инвентаря в сравнении с другими мастерскими этого же микрорайона (где количество кремневых изделий достигает 30—40 тыс.), можно предполагать, что данная мастерская была сезонно посещаемой. С другой стороны, скопление почти всех находок в двух-трех местах свидетельствует, что обработка камня велась на одном и том же месте и даже, судя по расположению находок, примерно на двух-трех рабочих «столах» (рис. 37, а, б). Такое постоянство в выборе рабочего места возможно только при условии, если на нем трудится один и тот же мастер или преемственно сменяемая группа мастеров. И в том и другом случае основное условие, необходимое для такой концентрации находок, — постоянство местожительства. Выходы эффузивных пород, из которых сооружалось то или иное рабочее место, занимают всю площадку мыса. И при первом взгляде они ничем не отличаются друг от друга. Однако в качестве «рабочего места» использовались два-три участка, сконцентрированных, как уже отмечалось, в одном месте. Вероятно, это объясняется тем, что мастерская находилась под каким-то одним укрытием. Судя по тому, что площадь распространения находок сравнительно невелика, можно предполагать, что жилище или укрытие было небольшим (или мастерская занимала небольшую площадь жилища). И несмотря на близость инвентаря, количественное сходство отдельных

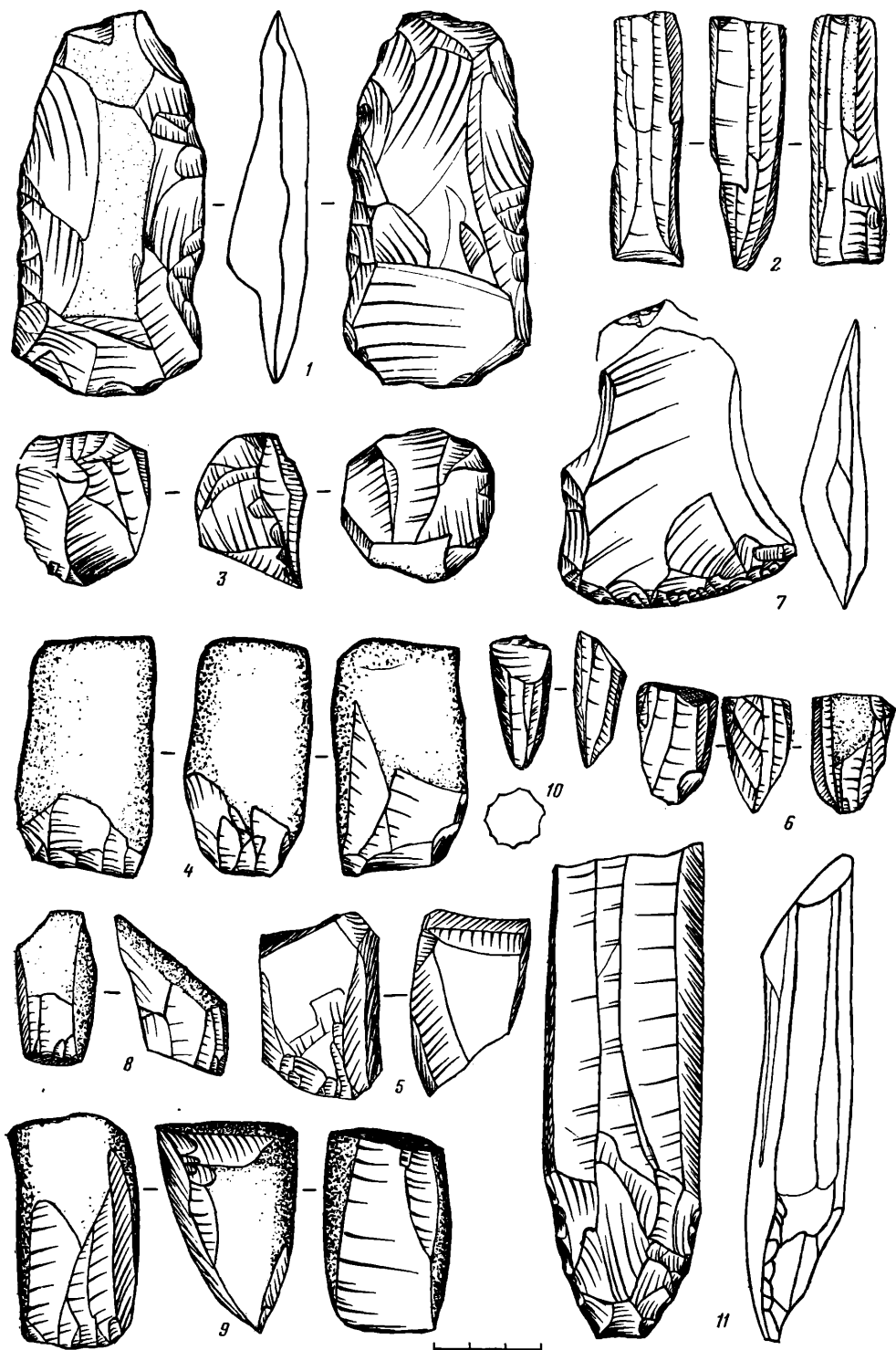

Рис. 36. Сабакты 6

1, 7, 11 — рубящие орудия; 2—6, 8—10 — нуклеусы

типов находок, преобладание отщепов, незначительную долю керамики (менее 1%), преобладание заготовок орудий и небольшое количество орудий охоты, памятники нельзя считать однотипными, так как данные раскопок достаточно ясно показали, что один из них — поселение, а второй — мастерская. Естественно, доля отходов производства в мастерской должна была быть выше, нежели в обычном поселении. Однако, обращаясь к инвентарю рассматриваемых памятников, мы видим следующее: в Карабалыкты I доля отходов производства выше, чем в Сабакты 6 (80,2% против 66%).

Трудно представить себе поселение эпохи каменного века, даже временное, где бы не производилась обработка камня. Невозможно понять особенности памятников при выборочном рассмотрении наиболее эффективных («ведущих») находок. Необходим всесторонний анализ всех материалов, включая и отходы производства.

Т а б л и ц а

Памятник	Ножевидные пластины и изделия из них, %	Продольные сколы, ребристые пластины и изделия из них, %	Нуклеусы, их обломки и заготовки, %	Отщепы, %	Изделия из отщепов, %
Карабалыкты I (100% = 1995)	14,2	1,2	0,8	81,4	2,4
Сабакты 6 (100% = 1560)	8,1	15,5	5,9	66	4,5

Из таблицы видно, что на поселении Карабалыкты I доля ножевидных пластин и изделий из них несколько выше, нежели на стоянке Сабакты 6. Различно и соотношение нуклеусов и в особенности сколов с них. На графике № 1 легко заметить (рис. 38), что в обоих памятниках почти совпадает только доля изделий из отщепов (что, как нам кажется, является существенным показателем для неолитических памятников). Различие в микролитической доле инвентаря может объясняться и несколько более ранним возрастом поселения Карабалыкты I. На графике № 1 видно и преобладание на стоянке Сабакты 6 ребристых пластин и сколов с нуклеусов в сравнении с Карабалыкты I. Здесь следует учитывать, что краевые сколы, ребристые пластины и продольные сколы связаны с первичной обработкой камня — с подготовкой нуклеуса или бифаса. Следовательно, преобладание подобных изделий — один из признаков мастерской. Следует заметить, что хотя доля ножевидных пластин в Сабакты 6 ниже, чем в Карабалыкты I, количество нуклеусов здесь несколько большее. Причем наибольшая их часть — разного рода заготовки и мало сработанные нуклеусы или грубые крупные долотовидные нуклеусы (рис. 36). Предельно сработанных, карандашевидных, как в Карабалыкты I, мы здесь почти не находим. Часть нуклеусов, на первый взгляд, носит ранний, палеолитический характер. Особенно хорошо это видно на примере заготовок нуклеусов. Для них обычно подбирались соответствующей формы куски кремня и яшмы. Большинство первичных заготовок (35 экз.) имеет специально подготовленную площадку для снятия ножевидных пластин. Чаще всего она образована одним-двумя сколами, перпендикулярными плоскости пластин. Другая часть заготовок нуклеусов (29 экз.) имеет уже по несколько первичных сколов, идущих, как правило, параллельно друг другу и представляющих собой уже более правильные, но еще массивные широкие пластины. Большинство их уже не имеет желвачной корки. Изделия такого рода (127 экз.) мы отнесли к продольным сколам с нуклеусов.

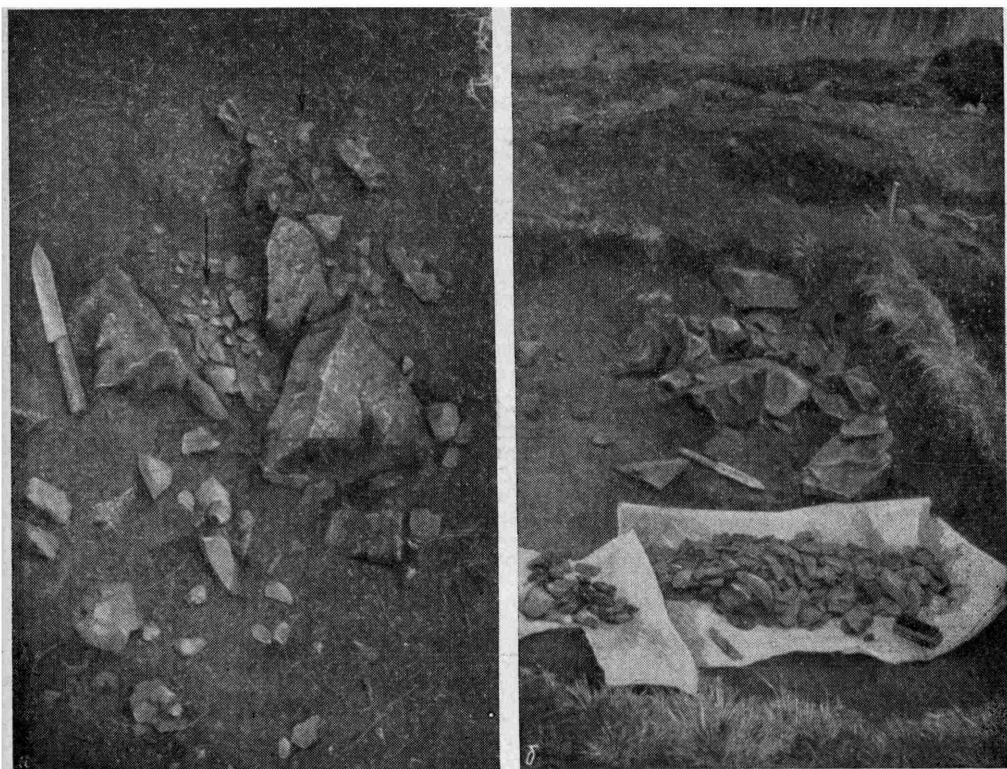

Рис. 37. Сабакты 6

а — скопление кремневых изделий на рабочем месте № 1. Стрелками указаны участки наибольшей концентрации находок; б — рабочее место № 2 и скопление кремневых изделий, извлеченных из щелей «рабочего стола»

Нуклеусы с первичными сколами имеют (рис. 36, 4, 5, 8, 9) весьма архаичный облик. Они напоминают орудия типа рабо, так называемые нуклеусы-скрепки гобийского типа, и другие орудия позднепалеолитического типа, довольно часто встречающиеся в памятниках Сибири и являющиеся, по мнению ряда исследователей, типичными для нее формами⁷. Представлены в коллекции и более архаичные на вид орудия типа диско-видных нуклеусов (рис. 36, 3). Однако, на наш взгляд, все эти изделия отражают не ранний возраст памятника и не столько говорят о «сибирском» облике данного памятника, сколько свидетельствуют о технике обработки камня и являются просто заготовками нуклеусов в различной стадии их обработки. (Безусловно, техника обработки камня на данной стоянке довольно специфична, и она говорит об определенных традициях.) Следует заметить, что, несмотря на наличие довольно архаичных форм нуклеусов, техника их обработки стояла высоко. Об этом свидетельствует небольшое число поперечных сколов с площадок нуклеусов. Их всего найдено 5 экз. С одной стороны, наличие 25 экз. продольных сколов с основаниями нуклеусов говорит о значительном проценте брака, что в свою очередь должно будто бы свидетельствовать об относительно раннем возрасте памятника и о несовершенстве техники, но, с другой стороны, может говорить и о недостаточных производственных навыках тех или иных мастеров. Таким образом, характер нуклеусов и сколов с них опре-

⁷ А. П. Окладников. Указ. соч., рис. 1, 2, 8, 9.

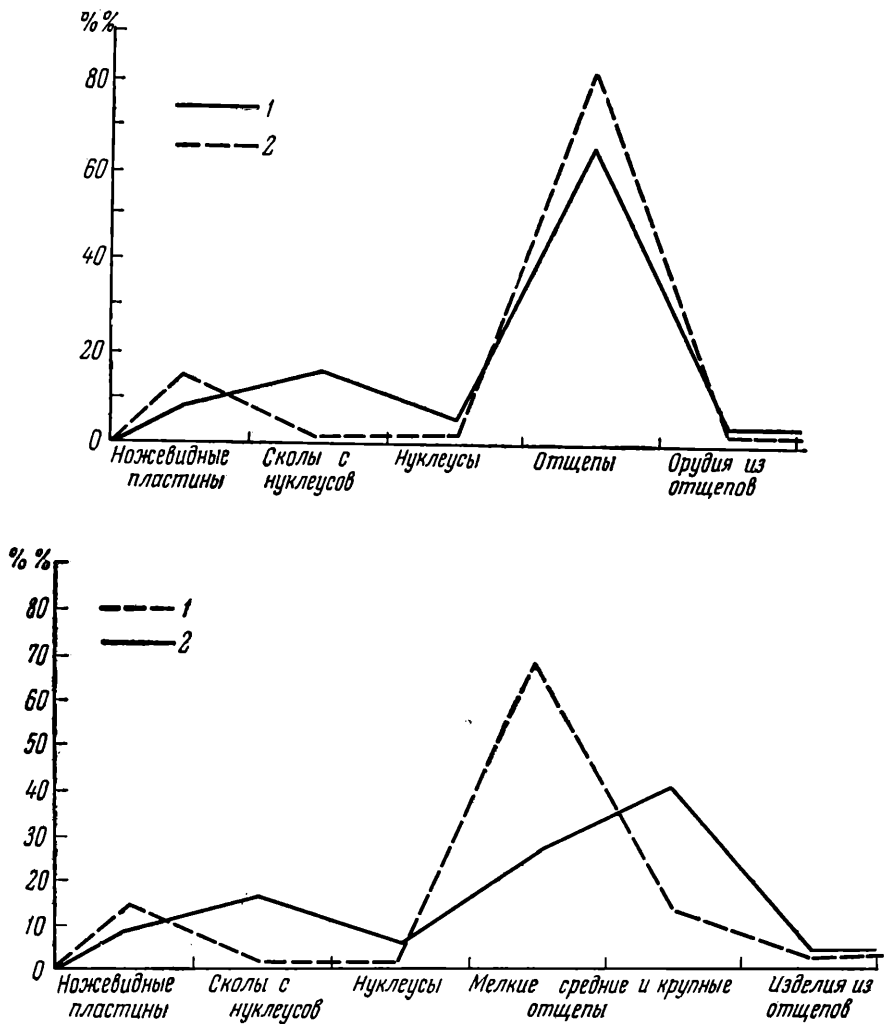

Рис. 38. Соотношение типов кремневого инвентаря

1 — без дифференцированного; 2 — при дифференцированном анализе отщепов
Условные обозначения: 1 — Карабалыкты I; 2 — Сабакты 6

деляет специфику Сабакты 6 как мастерской, где помимо двусторонне обработанных орудий производилась и заготовка нуклеусов.

И, наконец, отходы производства. Чем объясняется такое, казалось бы «нелогичное» их соотношение в поселении и в мастерской.

Мы попытались разделить отщепы на группы в соответствии с их размерами — крупные, средние, мелкие. К мелким мы отнесли отщепы в максимальном диаметре от 1 до 3 см, к средним — от 3 до 5 см и к крупным — свыше 5 см. При подсчете оказалось, что в инвентаре стоянки Карабалыкты I преобладают мелкие отщепы и чешуйки (менее 1 см в диаметре). Они составляют 66,6% отходов производства, тогда как более половины всех отщепов (61%) Сабакты 6 составляли крупные и средние отщепы. График № 2 наглядно показывает, как изменилась кривая отщепов при дифференцированном их анализе. Преобладание в мастерской отщепов, имеющих производственное значение, очевидно. Такое соотношение различных типов отходов свидетельствует о том, что в Сабакты 6

господствовала первичная обработка камня, а в Карабалыкты I — вторичная.

В заключение хочется отметить, что оба памятника выделяются на общем фоне окружающих их поселений сравнительно небольшим количеством инвентаря, но в «бедности» — их достоинство, так как небольшое количество инвентаря свидетельствует о сравнительно небольшом отрезке времени обитания этих поселений. А так как оба они содержат чистые несмешанные комплексы находок, то они могут служить в какой-то мере эталоном при исследовании смешанных комплексов неолита Урала. Только исследование таких чистых, однослойных памятников в сочетании с раскопками хорошо стратифицированных многослойных памятников позволит, как мы надеемся, в конце концов разобраться и в тех материалах, которые накоплены другими исследователями неолита Южного Урала и которые, к сожалению, в большинстве своем представлены смешанными, трудно расчленимыми коллекциями разновременных находок.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

НОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЮЖНОУРАЛЬСКОГО НЕОЛИТА

Полевыми исследованиями Южноуральской экспедиции ЛОИА АН СССР 1966—1967 гг. были открыты и раскопаны новые неолитические поселения, расположенные на оз. Большое Миассово, входящие в зону Ильменского Государственного заповедника АН СССР. Одно из них, на южной оконечности озера, Няшевка IV, было раскопано почти полностью.

Поселение занимало небольшую площадь (около 85 кв. м) и находилось в седловинке между двумя скалистыми грядями, тянувшимися с севера на юг почти до самой воды; топография его в этом отношении типичная для южноуральских стоянок. Но в отличие от многих Няшевка IV не занимала центр седловинки, а размещалась на склоне, простираясь от гребня до наиболее пониженной части, где была уже периферия поселения; кроме того, оно располагалось на некотором отдалении от воды, будучи отделено от берега невысоким скалистым массивом.

Няшевка IV — одно из немногих южноуральских поселений, содержащих чисто неолитический комплекс без примеси остатков более поздних эпох.

Культурный слой его, как обычно, маломощен (40—45 см). Он залегает под дерном в гумусированной почве и нижележащей супеси. Основное количество культурных остатков сосредоточено во втором, нижнем горизонте, т. е. в супеси, что также характерно для неолитических стоянок Южного Урала. Подстилающим слоем на Няшевке IV является частично скала, частично камни, перемешанные с плотным суглинком.

Культурные остатки в слое распределены по площади в общем равномерно, за исключением одного участка у самого гребня (кв. 1 и частично кв. 13), где оказалось значительное скопление микропластинок, мельчайших отщепов и чешуек. При среднем количестве находок на квадрат (4 кв. м) 35—40 единиц в квадрате I обнаружено 378 экз. находок, из них 255 являются миниатюрными отщепами и чешуйками и 58 — мелкими отщепами. По-видимому, здесь была «домашняя мастерская» — рабочее место мастера, завершающего отделку орудий.

Если исключить количество находок из скопления, то около $\frac{1}{3}$ вещественного материала падает на керамику, около $\frac{2}{3}$ составляют изделия из камня. Подделочный материал для орудий был достаточно разнообразен: помимо известной зауральской зелено-красной и коричневой яшмы встречены различные сорта кремня: желтого полупрозрачного, коричневого, светло-серого, белого и красноватого, разных оттенков; употреблялся также сероглинистый сланец, но в относительно небольшом количестве.

Отходы производства представлены преимущественно очень мелкими и предельно миниатюрными отщепами и чешуйками. Кроме того, значительную часть составляют отщепы средней величины, а также пластинча-

тые отщепы, краевые сколы, отсеченные части пластинок с ударным бугорком и пластинки с нечетким ограничением, которые, скорее, составляют часть отходов, чем заготовок. Первичные отщепы отсутствуют полностью, вторичные, крупные, представлены единицами, включающими экземпляры из сланца.

Все орудия из кремня и яшмы, кроме четырех наконечников стрел, найденных в обломках, одного резца и двух скребков, изготовлены из пластин. Состав орудий следующий: угловые резцы, скребки, ножи, ножи-вкладыши, скобели, проколки, пилки, скошенные острия, наконечники стрел. Присутствуют и «полуфабрикаты» в виде ножевидных пластинок, но не в большом количестве. Пластинки плоские, в поперечном сечении треугольные или в форме плоской трапеции; грани острые, тонкие, строго параллельные. Большинство имеет длину от 4 до 5 см при ширине 0,8—1,0 см или размеры, приближающиеся к этим. Более крупные пластинки единичны. Особую группу составляют микропластинки и сечения. Длина первых 1,5—2,5 см, вторых 0,7—1,2 см при ширине тех и других 0,3—0,4 см. Таким образом, пластинки и сечения преимущественно вытянутых пропорций. В небольшом количестве встречены и короткие сечения, длина которых приблизительно равна ширине. Орудия из пластин имеют те же размеры, что и сами пластинки.

Нуклеусов найдено всего 7 (рис. 39, 28, 35, 37). Наиболее выразительным является небольшой, предельно сработанный экземпляр (высота 3,5 см, диаметр площадки 0,8 см). Он имел две противоположные отбивные поверхности и сохранил негативы от скалывания небольших и миниатюрных пластин, охватывающие $\frac{3}{4}$ периметра. $\frac{1}{4}$ часть представляет собой гладкую поверхность.

Среди орудий первое по количеству место занимают резцы (16 экз.). Из них шесть — с одним резцовым сколом, девять — двойные и один — тройной резец. Они представлены одним типом — на углу сломанной пластинки (рис. 39, 20, 21, 33). Сечения и пластинки, из которых они изготовлены, очень тонкие, ровные, правильной призматической формы. Резцовый скол снят очень искусно, что особенно заметно на тончайших микросколах, которыми оформлена половина всех найденных резцов. Дополнительная обработка на резцах наблюдается дважды. В одном случае это ретушь со спинки и с брюшка на противоположных гранях. Она, однако, частично снята резцовым сколом и, по-видимому, связана с предшествующим назначением пластины. В другом случае это преднамеренное уплощение и искусственная выемка на конце, противоположном рабочей части, сделанная для удобства держания инструмента. Таким образом, несмотря на присутствие только одного типа резца, можно констатировать развитую технику резцового скола, что также весьма характерно для южноуральских неолитических стоянок.

Ножи и вкладыши составляют вторую группу орудий. Ножи (4 экз.) довольно крупные, самый большой имеет 7,5 см длины при ширине в 1,5 см (рис. 39, 25). Все ножи отретушированы со спинки, упомянутый экземпляр — по обоим граням, остальные — по одной. На одном из ножей наблюдается подработка тыльной части в виде выемки для упора пальца (рис. 39, 36). Особенностью третьего ножа является отсутствие обработки тонкого и острого лезвия; крутая притупляющая ретушь оформляет тыльную часть орудия (рис. 39, 18).

Вкладыши все небольшие, удлиненных пропорций, с ретушью по одной грани со спинки (в двух случаях — односторонняя ретушь с брюшка). К вкладышам следует также отнести микропластинки без ретуши, но с явными следами использования в виде зазубрин, блеска и выкрошенности граней (рис. 39, 1, 2, 4, 9—11).

Имеющиеся в коллекции скобели (5 экз.) типологически являются пластинками с ретушью, нанесенной со спинки по обоим граням. Рабочая

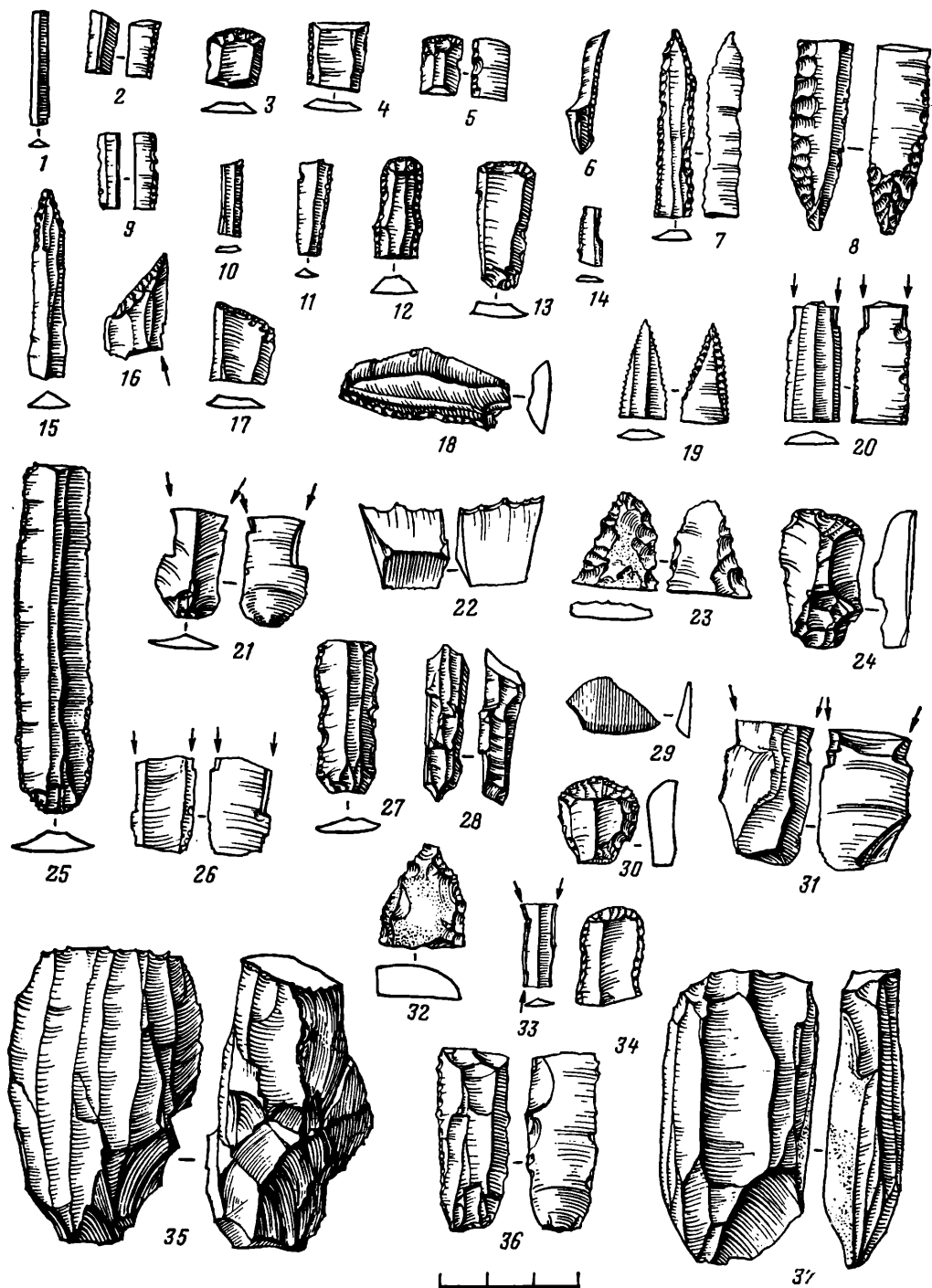

Рис. 39. Каменные орудия поселений Няшевка IV (1–11, 13–25, 27–30, 32, 33, 35–37) и Латошка (12, 26, 31, 34)

поверхность их, однако, вогнутая, со следами сильной выкрошенности. На некоторых экземплярах по одной грани расположено два-три рабочих участка (рис. 39, 27). Один скобель выделяется особо миниатюрными размерами (длина 1,3 см при ширине 0,4 см). Обработка же его и следы работы, несмотря на размеры, прослеживаются исключительно отчетливо (рис. 39, 14).

Третью группу орудий составляют скребки (11 экз.), представленные одним типом — концевыми: девять экз. сделаны из пластинок и коротких сечений, два — из отщепов. Они в общем однотипны и варьируют лишь в незначительных деталях. Так, есть экземпляры с очень тонким, с относительно массивным и высоким, а также с полуовальным и почти прямым в плане лезвием (рис. 39, 3, 5, 13, 24, 30); последний представлен экземпляром, напоминающим пластинку с поперечной ретушью (рис. 39, 13). На многих скребках хорошо прослеживается сработанность рабочих участков. На пяти орудиях имеется дополнительная обработка. В одном случае — это подтеска тыльного края для крепления инструмента (рис. 39, 24), в остальных — ретушь боковых граней. Правда, на одном скребке эта ретушь (со спинки и с брюшка на противоположащих гранях) столь мелка, что, очевидно, является следствием не обработки, а использования орудия. Один скребок, оставленный незаконченным, дает представление о последовательности приемов отделки.

В единичных экземплярах в коллекции присутствуют скошенные острия, проколки и пила. Одно из скошенных острий имеет классическую форму (рис. 39, 16), второе более аморфно — грань его скошена слабо, помимо очень мелкой ретуши на ней имеются следы подтески, связанной, по-видимому, с предшествующим употреблением пластины (рис. 39, 17). Из трех проколок две сделаны на пластинках очень тщательной краевой ретушью боковых граней; короткий острый кончик одного из орудий, расположенный по центру пластинки, слегка отделен от нее и загнут. Боковые грани его сильно затуплены и почти вертикальны. Выемка на одной из них предназначена, очевидно, для скрепления с деревянной частью орудия. У второй проколки ретушированию подвергнута только часть, прилегающая к острию (рис. 39, 7, 15). Третьей миниатюрной проколкой являлся, судя по следам на острие, удлиненный скол неопределенных очертаний. Одна грань его, обработанная крутой притупляющей ретушью, использована в качестве стороны орудия, тогда как другой его стороной является естественная, очень тонкая скошенная поперечная грань (рис. 39, 6).

Пилка, сделанная из сечения пластинки, имеет сильно изношенные зубчики по одной грани. По-видимому, она является сохранившейся частью составной пилки-вкладыша (рис. 39, 22).

Среди шести наконечников стрел четыре, изготовленные из отщепов, являются незаконченными. Два из них сохранили необработанные участки поверхности, по которым видно, что для наконечников использованы даже не отщепы, а аморфные кусочки кремня. Все четыре экз. несут следы лишь грубых сколов, составляющих предварительную оттеску (рис. 39, 23, 32). Наконечники из пластин представлены двумя экземплярами. От одного сохранилось перо, от другого — черешковая часть. Оба обработаны весьма тщательно краевой и частичной ретушью поверхности. Особенно выразителен обломок пера, обработанный только по граням тончайшей, ювелирной пильчатой ретушью. 25 крошечных зубчиков, едва различимых простым глазом и оформляющих только самый кончик острия по двум его сторонам, имеют почти механическую правильность (рис. 39, 19). На другом наконечнике, от которого сохранилась тыльная часть, очень тонкая плоская ретушь покрывает с брюшка только самый черешок, слегка суженный и приостренный. Аналогичной ретушью, заходящей высоко на спинку орудия, обработана и одна боковая грань (рис. 39, 8).

Наконец, укажем на присутствие небольшого обломка сланцевого шлифованного тесла (рис. 39, 29), нескольких осколков шлифованных орудий и обломка неопределимой поделки из кости.

Керамика, как выше отмечено, довольно многочисленна и, как обычно, очень фрагментарна. С определенной долей условности, можно выделить 12—14 сосудов. По составу глиняного теста керамика разделяется на три основные группы: 1) с сильной примесью талька; 2) с примесью талька и песка; 3) с примесью песка и толченых камешков. Вся керамика тонкостенная и принадлежит, по-видимому, небольшим сосудам. Форма их целиком не восстанавливается, можно лишь отметить ее некоторые детали. Так, край сосудов прямой или слегка отогнут в наружную сторону; срез края тонкий, ровный или же скошенный внутрь. Дно яйцевидной формы (сохранились обломки днищ от двух сосудов). Орнамент гребенчатый и волнисто-накольчатый. В небольшом количестве присутствуют и треугольные вдавления. Преобладает гребенчатый орнамент. На некоторых сосудах наблюдается разреженность узора: орнаментальные полосы перемежаются с широким пространством незаполненного поля. Имеется также значительное количество фрагментов без орнамента, однако вряд ли можно считать, что они относятся к неорнаментированной посуде, вернее к сосудам с разреженным орнаментом. Фрагменты эти очень мелки, к тому же имеются аналогичные с едва уловимыми признаками орнамента по самому их краю. Очевидно, имела место сплошная и частичная орнаментация поверхности. Так, обломки днищ в обоих случаях орнаментированы, в то же время неорнаментированные фрагменты принадлежат нижней части сосудов. Венчики и прилегающие к ним части все с орнаментом.

Комбинация гребенчатых и прочерченных элементов отсутствует. Единственным типом комбинированного орнамента является сочетание треугольных вдавлений с оттисками гребенки. Полной взаимосвязи способа орнаментации и состава глиняного теста не наблюдается, можно только отметить, что для сосудов с гребенчатым орнаментом более характерно тесто с примесью песка и толченых камешков, сосуды же с примесью талька в этой группе единичны. Для сосудов с линейно-накольчатым узором, напротив, характерно тесто с примесью талька, и только в нескольких фрагментах есть примесь песка.

В группе гребенчатой керамики преобладает узор в виде вертикального зигзага, нанесенный длинным штампом, есть также треугольники, перпендикулярно направленные друг к другу (рис. 40, 2, 8—10). Один сосуд украшен горизонтальными поясками из очень мелких наклонных оттисков короткой гребенки. Гребенчатый орнамент заходит и на внутреннюю сторону сосуда, располагаясь по срезу в виде косых коротких параллельных линий.

В группе линейно-накольчатого орнамента имеются узоры, выполненные вертикальным или слегка наклонным прочерчиванием без отрыва и с очень слабым нажимом инструмента, и такие же узоры, нанесенные горизонтально (рис. 40, 11). Имеется также прочерченный орнамент, сочетающийся с пространствами свободного поля (композиция неясна из-за фрагментарности, рис. 40, 14).

Иным типом линейно-накольчатого орнамента является накол, нанесенный тонким продолговатым инструментом с отрывом его от поверхности сосуда. Оттиски наколов чередуются с промежутками между ними. Узор состоит из параллельных и перпендикулярных линий (рис. 40, 5, 13).

Третью орнаментальную группу составляют два (или три) сосуда, украшенные комбинированным орнаментом из удлиненных треугольных вдавлений, внутри которых видны отпечатки (шнура?), и оттисков гребенки. Основным является узор из горизонтальных, близко расположенных друг к другу линий оттисков штампа. Оттиски гребенки украшают

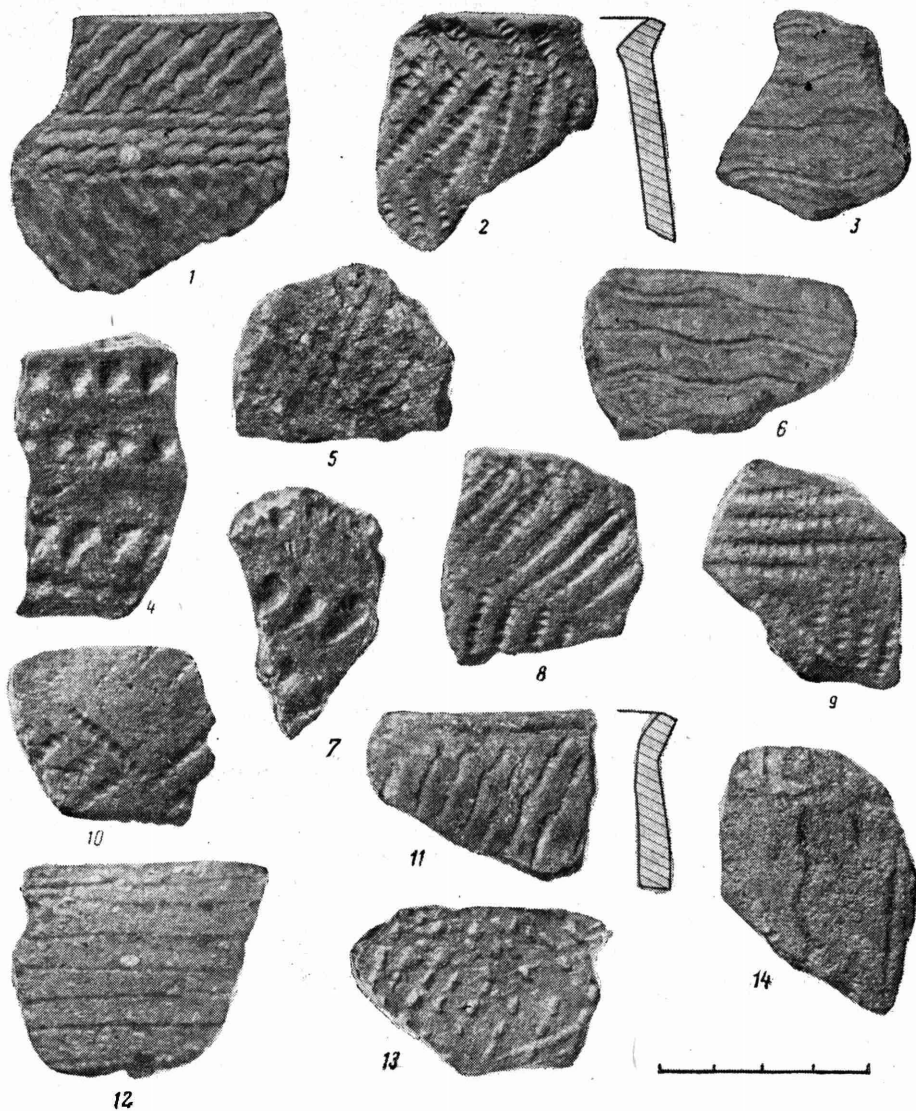

Рис. 40. Керамика поселений Кораблик I (12); Няшевка IV (1, 2, 4, 5, 7—11, 13, 14) и Латочка (3—6)

внутреннюю поверхность верхнего края и изредка заметны снаружи (рис. 40, 4, 7).

Таким образом, Няшевка IV является типичным памятником южноуральского неолита, своеобразные черты которого прослеживаются на этом поселении особенно отчетливо. Они проявляются в очень выдержанном комплексе пластинчатой индустрии, в сочетании ее с шлифованными изделиями из сланца и двусторонне обработанными орудиями из отщепов, которыми здесь так же, как и повсюду, являются в основном наконечники стрел. Они проявляются и в наличии специфической прямо- и тонкостенной керамики со своеобразным линейно-накольчатым узором, отличным от среднеуральской «отступающей лопаточки».

Не менее типичным оказалась неолитический комплекс многослойного поселения Латочка, сосредоточенный на небольшом участке в 15—20 кв. м

и выделенный таким образом планиграфически из основного слоя ранне-бронзового времени, распространенного на всей площади поселения, составляющей около 200 кв. м. Среди кремневых орудий Латочки отметим концевой скребок и нож на сечениях пластинок, угловой резец на тонкой призматической пластинке, скошенное острие, скомбинированное с двумя угловыми резцами (рис. 39, 12, 26, 31, 34). Керамика представлена обломками нескольких сосудов, среди которых наиболее выразительным является сосуд полуяйцевидной формы с прочерченным тонкой волнистой линией орнаментом, заходящим на внутреннюю сторону (рис. 40, 3, 6).

Что касается поселения Кораблик, то наибольшего внимания заслуживает его стратиграфия. Непосредственно под дерном, в слое супеси, содержится культурный слой раннебронзового времени толщиной 40—45 см, представленный характерной керамикой и некоторым количеством изделий из камня, включающим серию прекрасно обработанных наконечников копий. Ниже лежит довольно мощная прослойка песка и гравия в 20—25 см, под которой отчетливо выделяется темно-бурый неолитический слой. К последнему относятся три очага, вытянутые по одной линии с севера на юг, на расстоянии 1,5—2 м друг от друга. Заполнены они были интенсивно-черным углистым слоем с редкими находками и окружены бурым, растасканным из очага и перемешанным с песком слоем.

Один из очагов (№ 1) непосредственно примыкал к небольшой скале. Он был вырыт ниже материка на 35 см вдоль скалы и имел форму узкой корытообразной канавки длиной около 2 м. Очаг был, кроме того, обложен камнями, примыкающими к скале и лежащими на ней. Два других очага каменной обкладки не имели и являлись лишь незначительно углубленными небольшими ямами. Каменный инвентарь поселения представлен характерными для пластинчатой индустрии формами, среди которых выделяется серия крупных призматических пластин и ножей из них. Фрагменты керамики принадлежат сосудам с прямым или слегка отогнутым наружу краем и орнаментом в виде прочерченных линий и узоров, произведенных «отступающей лопаточкой». Гребенчатой орнаментации не встречено.

Кораблик — первое из исследованных нами южноуральских неолитических поселений, в котором неолитический слой лежит под стерильной прослойкой, отделяющей его от слоя ранней бронзы. Впервые также в керамике отсутствуют узоры гребенчатого штампа и представлен чистый комплекс волнисто-накольчатого орнамента. Раскопанная площадь, однако, составляет всего 28 кв. м, а общая площадь поселения, согласно данным шурфов, — свыше 250 кв. м. Это не дает возможности сделать категорические выводы о раннем возрасте поселения. Не исключена тем не менее возможность, что Кораблик представляет наиболее раннюю, до сих пор почти неизвестную ступень южноуральского неолита.

Г. И. АНДРЕЕВ

РАЗВЕДКИ НА ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКЕ В 1966 г.

Разведывательный маршрут по р. Подкаменной Тунгуске от пос. Ванавара¹ до пос. Оскобы (около 160 км) проведен был в районе среднего и нижнего течения Подкаменной Тунгуски. В этом районе, частично обследованном², с Чамбинского порога и из Оскобы собраны археологические коллекции геологами 5-й экспедиции Всесоюзного аэрогеологического треста М. А. Крауш и Л. Л. Исаевой.

В районе пос. Ванавара обнаружено пять стоянок. Одна из них, расположенная в самом поселке, на террасе, примыкающей к коренным породам, в настоящее время почти полностью разрушена. Здесь найдены наконечник стрелы и пластины.

Три других стоянки, также расположенные на правом берегу, находятся несколько выше поселка. Пункт 1 обнаружен в 1,5 км выше устья р. Ванавара, второй — в 1,5—2 км выше пункта первого, а третий — в 5 км выше устья р. Ванавара. Находки в каждом из этих пунктов разбросаны по паберегу на расстоянии 250—300 м.

Наконечник стрелы и отщепы обнаружены и на левом берегу Подкаменной Тунгуски, напротив поселка, ближе к бензоскладу (пункт 5).

Судя по собранным отщепам, остатки стоянок имеются на правом берегу Подкаменной Тунгуски, в 3,5 и в 8 км ниже пос. Ванавара.

Большое поселение осмотрено на правом берегу реки у Чамбинского порога³, в 16 км ниже пос. Ванавара. На протяжении 150—200 м паберега собрано большое число целых орудий и их обломков (рис. 41, 2, 5, 14, 16), множество заготовок орудий, пластин и отщепов. Керамики найдено немного, она мелкая и очень невыразительная. В обрыве террасы зафиксированы остатки культурного слоя. Поселение нуждается в немедленном исследовании.

В 4—5 км ниже Чамбинского порога имеется колхозный стан с постоянными постройками.

В 1 км выше этого стана обнаружена стоянка, на площади которой найден обломок бронзового кельта (рис. 41, 3); до сих пор находки бронзовых вещей на поселениях Подкаменной Тунгуски исчислялись единицами. Помимо обломка кельта собраны изделия из камня (рис. 41, 8, 10).

Огромное поселение или свита поселений обнаружены на самом

¹ Пос. Тура — центр Эвенкийского национального округа Красноярского края расположен на р. Нижней Тунгуске в 850 км выше Туруханска; пос. Ванавара является центром Тунгусо-Чунского района Эвенкии, южнее Туры.

² Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменной Тунгуски. КСИА, вып. 101, 1964, стр. 94—98; они же. Новые археологические памятники на р. Подкаменной Тунгуске. КСИА, вып. 106, 1966, стр. 106—110.

³ Видимо, оно и открыто геологами М. А. Крауш и Л. Л. Исаевой.

стане и близ него. Находки прослеживаются на протяжении 500—600 м в виде определенных скоплений каменных орудий, пластин и отщепов с промежутками между скоплениями. Таких больших, хорошо выраженных скоплений в момент нашего посещения этого памятника было три, поэтому они и обозначены как пункты 1—3. В пунктах 2 и 3, расположенных чуть ниже стана, терраса очень быстро разрушается. Во всех пунктах собраны орудия, заготовки их, пластины и отщепы. В 400—500 м ниже пункта 3 найдены заготовки орудий и отщепы. Этот пункт обозначен как стоянка между колхозным станом и устьем р. Чамбы. При последнем также располагалась стоянка. В настоящее время она разрушена и засыпана огромными камнями, скатывающимися сверху при разрушении выхода коренных пород. На площади стоянки найдено небольшое орудие типа скребла, нуклеус и немного отщепов, причем часть из них обкатана.

В 35—40 км ниже пос. Ванавара имеется значительное обнажение на правом берегу реки, которое местное население называет Белой Горой. Внизу, у подножия обнажения, и вверху, в культурном слое, собраны отщепы.

Огромное разрушающееся поселение, а возможно, и ряд поселений открыты чуть выше Паноликского порога, на правом берегу р. Подкаменной Тунгуски. Довольно широкий паберег здесь почти от воды до подножия террасы буквально завален нуклеусами, отщепами, пластинами, обломками и заготовками, а также целыми орудиями (теслами, скребками, ножами, наконечниками стрел). Особенно интересны с этого поселения оббитые тесла, суживающиеся к обушку и имеющие как бы желобчатое лезвие (рис. 42, 4). В борту разрушающейся террасы местами прослеживается культурный слой. Несмотря на сильное разрушение, сохранилась площадь для раскопок.

Другая стоянка, связанная с этим порогом, находится ниже порога, на правом берегу. Собраны заготовки орудий и отщепы.

Примерно в 1—1,5 км ниже порога находятся остатки фактории Панолик, от которой в настоящее время сохранилось лишь несколько домов. Терраса, на которой они располагаются, прилегает к южному склону обнажения коренных пород, где возможны наскальные изображения. Как и в других пунктах (стан близ Чамбы, Чамбинский и Паноликский пороги), находки прослеживаются на значительном расстоянии (600—700 м), образуя определенные скопления, между которыми имеются участки без находок. Может быть, это остатки не одного, а нескольких поселений. Как и на надпорожном поселении, поражают размеры заготовок и орудий. Среди готовых изделий наиболее распространены тесла и скребки. Последние чаще всего сделаны на массивных пластинах. В обрыве террасы на глубине 0,6—1 м от современной поверхности зафиксированы остатки культурного слоя со множеством крупных пластин. Поселение в Панолике очень быстро разрушается и поэтому нуждается в скорейших раскопках.

На правом берегу в 6 км ниже Панолика отмечено начало разрушения террасы. Здесь найдено несколько заготовок орудий и отщепов.

Интересные и обильные находки сделаны в 27 км ниже пос. Оскоба⁴. У подножия террасы и на пабереге подняты шлифованные и оббитые тесла, нож и другие орудия, отщепы, пластины. Интересно, что среди материалов других поселений шлифованные орудия очень редки, здесь же найдены два тесла (рис. 41, 6, 11).

На левом берегу р. Подкаменной Тунгуски, в 24 км выше Оскобы, в 1 км ниже устья р. Соба на мысу найдено несколько отщепов. Стоянка здесь только начинает разрушаться.

На правом берегу, в 19 км выше Оскобы, имеется обнажение типа Белой Горы. У его подножия поднято несколько отщепов.

⁴ Правый берег. Здесь и далее отметки привязываются к Оскобе.

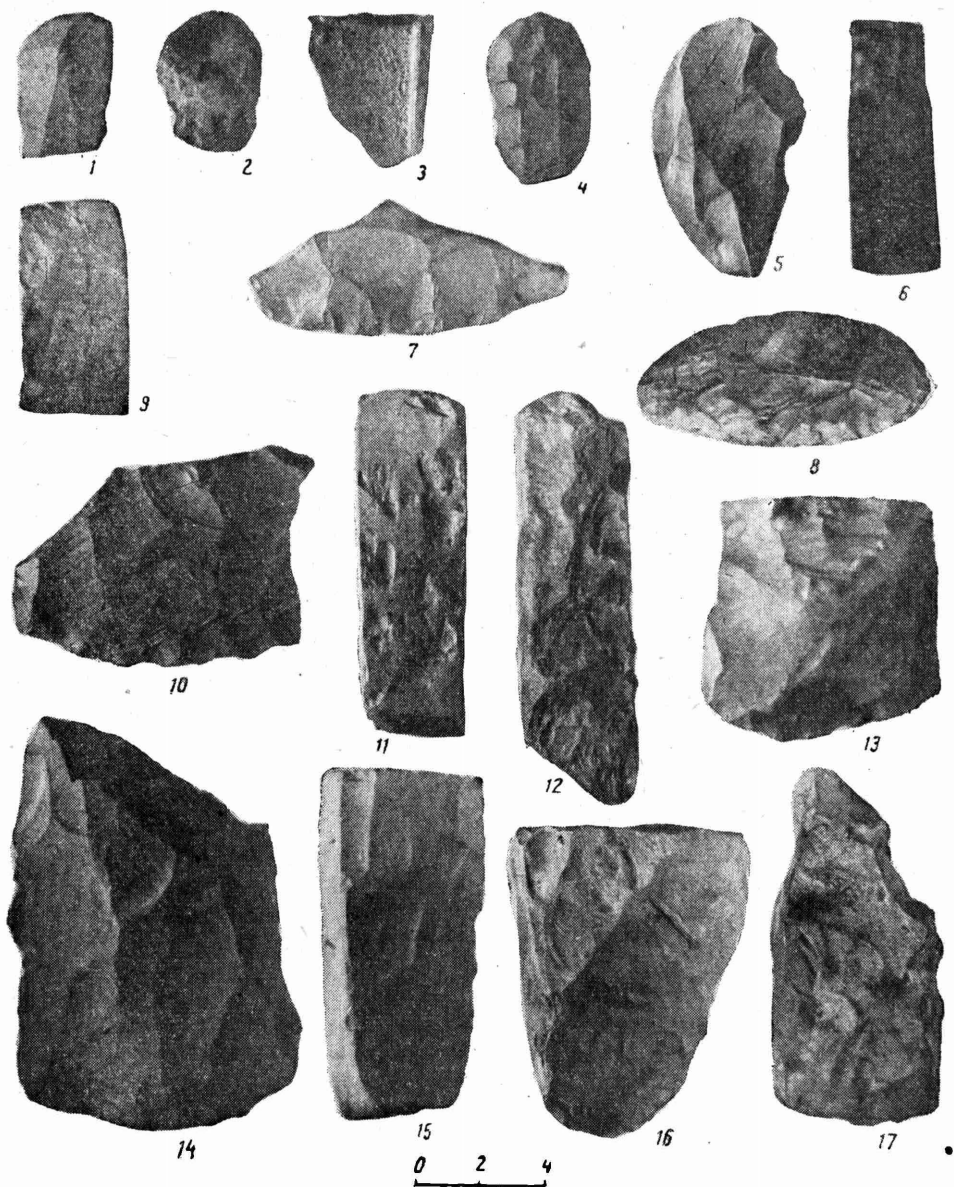

Рис. 41. Каменные и бронзовые орудия с поселений на Подкаменной Тунгуске
 1, 2, 5, 14, 16 — Чамбинский порог; 3, 8, 10 — стоянка в 1 км выше колхового стая; 17 — Паналик-
 ский порог; 6, 11 — 27 км; 7 — Оскоба 2; 4 — Оскоба 3; 13 — Оскоба 4; 9, 12 — Оскоба 5; 15 — Оскоба 6

В 1 км ниже на таком же обнажении стоит зимовье. Внизу, на пабереге, собраны отщепы.

Значительное сосредоточение стоянок открыто в районе пос. Оскоба, где только на правом берегу⁵ предварительно можно выделить четыре пункта. Пункт 1 располагается непосредственно в поселке, ниже съезда

⁵ Подкаменная Тунгуска в районе пос. Оскоба делает два крутых поворота, отчего образуются довольно крутые дуги. Вода (особенно весной) усиленно размывает участки у нижних концов дуг. Берег обваливается, образуя оползни, река размывает новые участки берега. Паберег с каждым годом становится все шире и на его поверхности остается масса каменных орудий, пластин и отщепов как свидетельство некогда су-

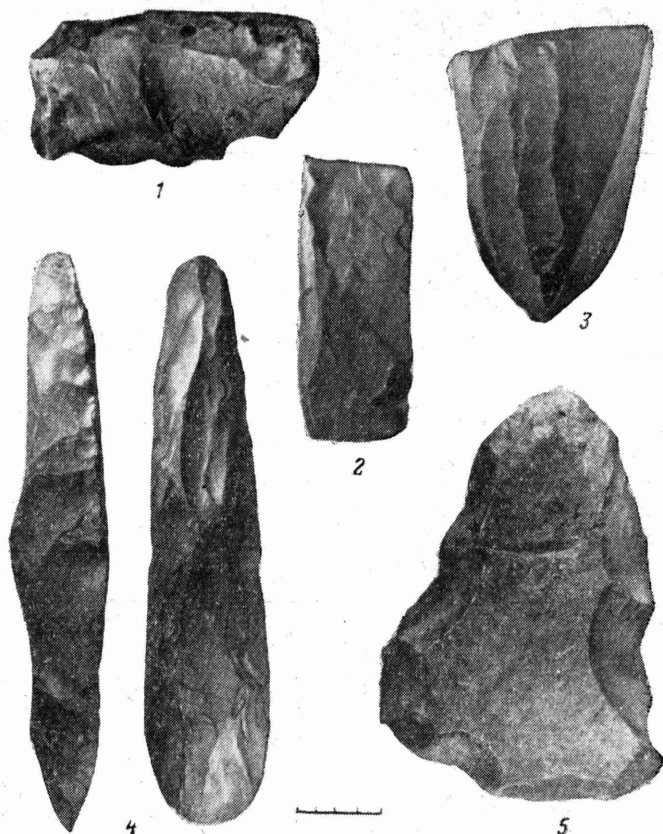

Рис. 42. Каменный инвентарь с поселений выше Паноликского порога и Панолика

1, 2, 4, 5 — Паноликский порог; 3 — Панолик

к реке. Пункт 2 — у нижнего конца поселка, где в Подкаменную Тунгуску впадает небольшой ручей. В правом (нижнем) борту и ниже его, у подножия террасы и на пабереге, разбросано довольно много пластин, отщепов, заготовок и готовых орудий (рис. 41, 7)⁶.

В 200—250 м ниже число находок вновь резко возрастает. Среди находок из третьего пункта отмечу довольно большой скребок (рис. 41, 4).

Через 300—400 м и почти до зимовья, расположенного у обнажения коренных пород, встречаются находки. Два наиболее значительных скопления их помечены как пункты 4 и 4А. Трудно пока судить о том, представляет ли каждое скопление остатки самостоятельных стоянок.

Две стоянки открыты на левом берегу р. Подкаменной Тунгуски, напротив пос. Оскоба. Их разделяет ручей, правый берег которого представляет собой как бы огромный галечниковый язык.

Верхняя стоянка (пункт 5) в момент ее открытия была очень сырой, и по ее поверхности сочились грунтовые воды. Находки, сделанные на пабе-

ществовавших здесь стоянок. Интересно, что там, где разрушение берега наиболее интенсивно, остатки стоянок лежат ближе к воде и дальше от современного подножия террас. Находок там больше и часть их обкатана.

⁶ Из разговоров с М. А. Крауш после экспедиции выяснилось, что коллекция, доставленная ею и Л. Л. Исаевой из Оскобы, происходит именно из этого пункта.

реге, ближе к подножию террасы, немногочисленны, но очень интересны тем, что сделаны они на сравнительно небольших пластинах, и, кроме того, здесь велик процент готовых изделий: наконечников стрел, скребков, тесел (рис. 41, 9, 12).

Нижняя стоянка (пункт 6) — здесь собраны лишь нуклеус (рис. 41, 15), пластины и отщепы — как и большинство стоянок, очень разрушена.

Очень важно исследование района между Оскобой и Усть-Камой, так как, судя по накапливающимся материалам, районы нижнего и верхнего течения Подкаменной Тунгуски в археологическом отношении неоднородны. И если пока не удалось ответить на вопрос о том, где проходит граница между указанными районами, то все же ряд выводов разведки позволяют сделать.

Район, обследованный нами, весьма насыщен археологическими памятниками. Сосредоточение стоянок около порогов, очень богатых рыбой, не случайно. Закономерно, видимо, и расположение стоянок на террасах в тех точках, где они прилегают к высоким сопковидным выступам, подходящим к реке. Это давало возможность в большую воду перемещаться в безопасное место близ поселения. Такая картина наблюдается в Ванаваре, на Чамбинском пороге, в устье р. Чамбы, на Паноликском пороге, в Панолике, Оскобе.

Наличие большого числа скоплений материалов на значительных участках (600—1200 м) позволяет предполагать здесь существование стоянок различного времени. Трудно предположить, что в условиях тайги существовали столь обширные поселки. О наличии разновременных и разнохарактерных стоянок и поселений свидетельствуют, видимо, и материалы стоянок, расположенных далеко друг от друга. Так, на одних мы видим крупные пластины, снятые с массивных нуклеусов (Паноликское надпорожье, Панолик)⁷, на других, напротив, пластины сравнительно узки и орудия мельче (пункт 5 у Оскобы).

Заслуживает внимание и то, что на стоянке В 1 км выше колхозного стана, где имеется обломок бронзового предмета, отсутствуют пластины. Случайно ли это? Не была ли к этому времени техника отделения ножевидных пластин уже забыта?

Присутствие на одних стоянках обломков бронзовых орудий, на других тесел с ушками (Оскоба—2), массивных нуклеусов и пластин позволяет предполагать наличие на обследованном участке стоянок и поселений от III до I тысячелетий до н. э.

Как определенную закономерность нужно отметить очень малое количество керамики при сборах. Разгадку этого положения следует искать при раскопках поселений, мастерских и других памятников на Подкаменной Тунгуске. Сейчас же можно лишь предположить, что это связано с подвижным образом жизни, который вели охотники и рыболовы, жившие в отмеченное время в тайге.

С большим сожалением приходится констатировать огромное разрушение большинства стоянок водой. Многие памятники через 2—3 года перестанут существовать, как это произошло уже с десятками других. Исследовать эти разрушающиеся памятники — одна из задач ближайших лет.

⁷ Стоянки района верхнего течения р. Подкаменной Тунгуски поражают размерами нуклеусов и снятых с них пластин, размерами заготовок и законченных орудий. В низовьях Подкаменной Тунгуски и на Нижней Тунгуске подобные памятники пока неизвестны.

И. К. СВЕШНИКОВ

КРЕМНЕВЫЕ КОПИ У с. ГОРОДОК
РОВЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Обследованием участниками Ровенской археологической экспедиции Института общественных наук Академии наук УССР периферии поселения культуры шнуровой керамики у с. Городок Ровенской обл. установлено, что в урочище Вишневая Гора (возвышенность на правом берегу р. Устье, входящая в состав водораздела рек Устье и Горынь) на глубине около 4 м от современной поверхности на стыке лессовидных суглинков плейстоценовой и голоценовой эпох с подстилающей их толщей известняков и писчего мела туронского яруса верхнемелового отдела находится слой кремневых желваков в переотложенном виде¹.

В одном месте, на южном склоне Вишневой Горы, над поймой р. Устье, где в настоящее время уровень залегания кремня находится на глубине около 1,7 м от современной поверхности, обнаружены остатки кремневых копей. Заложением в этом месте раскопом² размером 2,5 × 7 м удалось обнаружить след древней ямы неправильно круглой формы диаметром 1,8—2,04 м, дно которой находилось на глубине 1,76 м от современной поверхности. Края ямы прослеживались от глубины 1,66 м от современного горизонта. В вертикальном разрезе яма имела линзовидную форму и была заполнена светло-желтой глиной, перемешанной с мелкими кусочками известняка. Заполнение ямы по цвету и составу отличалось от окружающего ее грунта (рис. 43). Возле ямы прослежена куча выброшенной из нее в древности земли (глина с мелкими кусочками известняка), имевшая в плане форму треугольника, основание которого прилегало непосредственно к западному краю ямы, а вершина находилась на расстоянии 2,75 м к западу от него. Вертикальным разрезом выброса установлено, что у края ямы его толщина достигала 0,56 м, в западном конце — 1—2 см. Возле северо-западной части выброса найдено несколько кусочков древесного угля и небольшой обломок стенки лепного сосуда с серо-коричневой сглаженной поверхностью, который по составу глины, обжигу и характеру поверхности не отличается от керамики из поселения культуры шнуровой керамики, на периферии которого находились исследуемые копии.

Древняя яма и выброс из нее была перекрыты слоем суглинка толщиной до 1,66 м. Нижний слой выброса находился на уровне верхнего края ямы. Это наблюдение дает основание предположить, что яма была выкопана на размытом в древности до кремнесодержащего слоя участке Вишневой Горы, позднее перекрытом смытым с верхней части склона суглинком. Непосредственно у южного и юго-западного края ямы вскрыто частично размытое скопление кремневых сколов и отщепов, залегавшее

¹ Переотложение, видимо, связано с деятельностью ледника.

² Работы на Вишневой Горе в 1961—1962 гг. были проведены научным сотрудником экспедиции Ж. Д. Симферовской под руководством автора этой статьи.

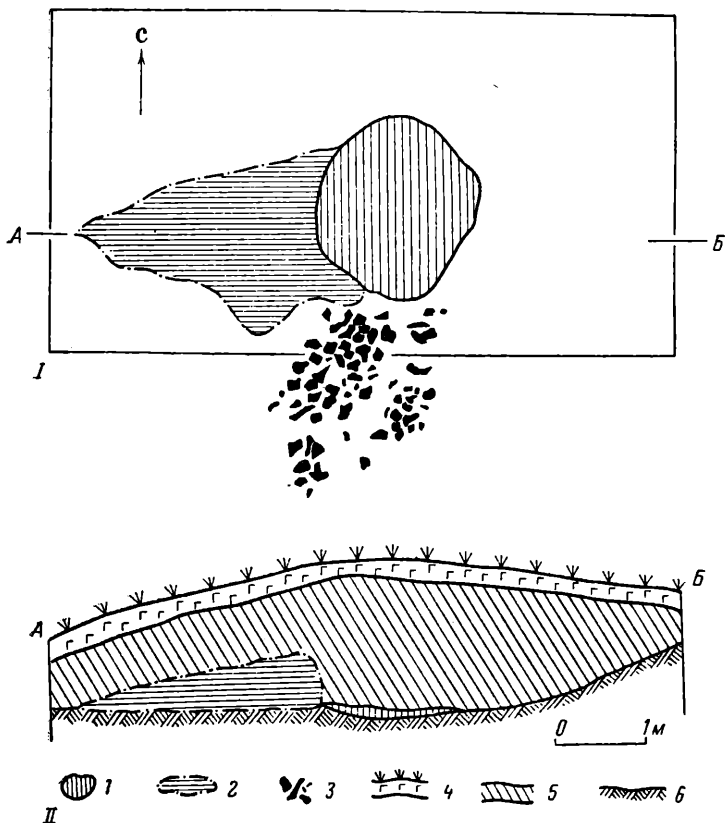

Рис. 43. Городок. План раскопа на месте древней добычи кремня
 I — план ямы и выброса; II — разрез ямы и выброса по линии А—Б. Условные обозначения: 1 — яма; 2 — выброс; 3 — скопление кремневых сколов; 4 — гумус; 5 — суглинок; 6 — материк

на 0,15—0,2 м выше пласта известняков. Расчисткой сохранившейся части скопления установлено, что она занимала площадь около 1,5—2 кв. м и состояла из отбитых от кремневых желваков сколов и отщепов (большинство из них удлиненной формы), покрытых с одной стороны известковой коркой. Кремнь черный (так называемый волянский) с сероватыми пятнами. Соответственно с понижением известнякового пласта отщепы и сколы лежали наклонно с северо-востока на юго-запад. Описанное скопление, очевидно, представляло собой кучу отбросов, возникшую в результате предварительного обтесывания кремневых желваков на месте их добычи.

Близкий по своему характеру памятник был открыт в 1937 г. польским археологом Я. Фицке у с. Половля, возле г. Владимирец Ровенской обл.³ Разведкой Ровенской археологической экспедиции, проведенной весной 1963 г., установлено, что у с. Половля добыча кремня, залегающего в перетотленном виде у основания песчаных дюн ледникового происхождения, также осуществлялась при помощи неглубоких ям. Вероятно, подобные копи существовали у с. Новомалин Гоцанского р-на Ровенской обл., где разведкой Ровенской археологической экспедиции в 1959 г. в урочище

³ «Neolityczna kopalnia w Połowli w pow. sarneńskim». ZOW, 1937, XII, № 11—12, стр. 166; J. F i t z k e. Ilustrowany Kurjer codzienny. Kraków, 1.VI.1937.

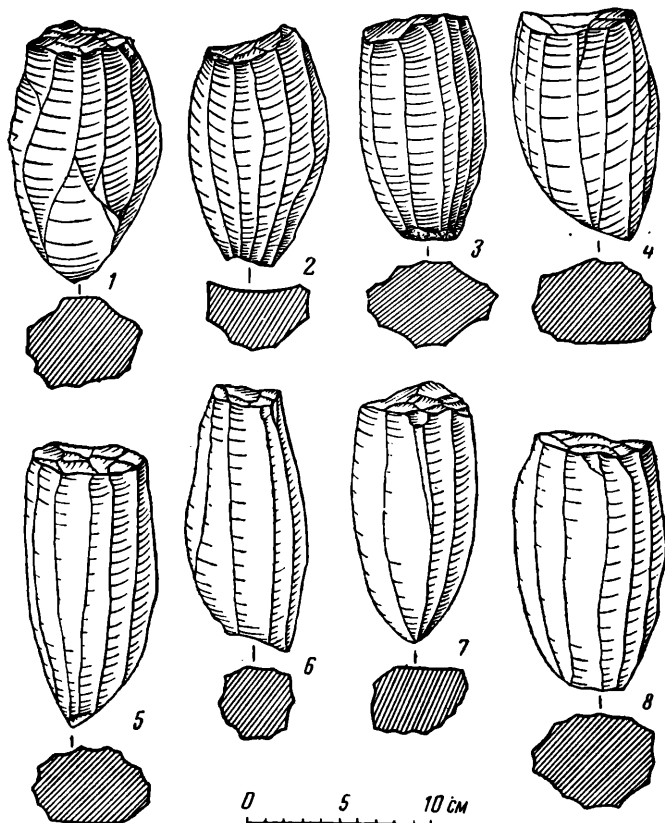

Рис. 44. Новомалин Ровенской обл. Клад кремневых нуклеусов

Майдан, на левом берегу р. Збытенки (левобережный приток Горыни), отмечено залегание кремневых желваков непосредственно на известняках туронского яруса под довольно тонким слоем лессовидных суглинков. Об использовании в древности этого местонахождения свидетельствует случайно найденный на его территории в 1959 г. клад, состоящий из восьми призматических нуклеусов, изготовленных из добытого на месте отличного по своим качествам черного волинского кремня (рис. 44).

Копи, связанные с эксплуатацией месторождений кремня, залегавшего на небольшой глубине, известны в районе г. Опатова (Келецкое воеводство) в Польше⁴ и в Западной Европе, где они получили название «дневной обработки» (Der Tagbau). Иной тип копей был, например, открыт польским археологом Э. Шмитом в районе г. Волковыска (БССР), где он обнаружил около 1000 шахт с вертикальными стволами (глубиной до 8—9 м) и системой коротких горизонтальных штолен⁵. Большие кремневые шахты со сложной системой штолен известны у Кшеменок Опатовских в Польше⁶. Т. Журовский, ссылаясь на западноевропейскую лите-

⁴ Z. Krzak. Sprawozdanie z badań na Wyżynie Opатовskiej. «Sprawozdania Archeologiczne», 1962, XIV, стр. 44.

⁵ «Przedhistoryczne kopalnie krzemienia w pow. Wołkowyskim na Litwie». ZOW, 1926, I, № 1—2, стр. 14.

⁶ T. Żurowski. Górnictwo krzemienne nad rzeką Kamienną. Światowit, 1960, XXIII, стр. 249—279; он же. Nowe badania nad historią najstarszego górnictwa w Polsce. «Kwartalnik Historii Nauki i Techniki». 1961, V, № 1, стр. 25—44; он же. Krzemionki Opатовskie—pomnik starożytnego górnictwa i narzedziarstwa. «Wiadomości Hutnicze», 1961, XVII, № 5, стр. 130—136; он же. Kopalnia sprzed czterech tysięcy lat. ZOW, 1961, XXVII, № 3, стр. 193—201; он же. Krzemionki Opатовskie. «Przegląd geologiczny», 1962, № 2, стр. 291—295.

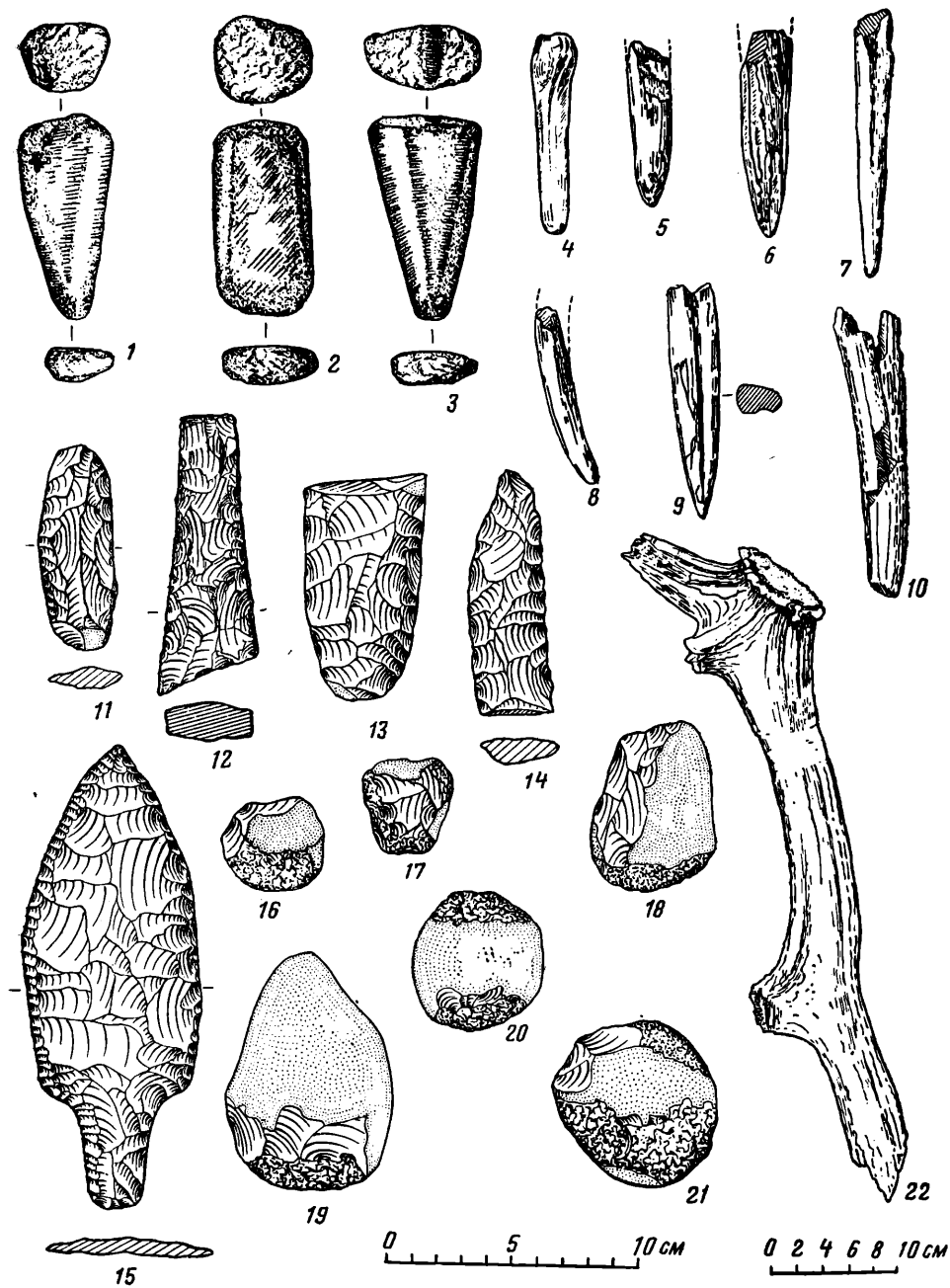

Рис. 45. Находки из поселений вокруг Вишневой Горы

1—3 — каменные наковальни; 4—10 — костяные и роговые орудия; 11—14 — кремневые заготовки; 15 — кремневый наконечник копья; 16—21 — кремневые отбойники; 22 — кирка из рога оленя; 1, 3, 9, 12 — Возов, урочище Кут; 4 — Возов, урочище Придатки; 2, 5—7, 10, 11, 13, 14, 16—19, 22 — Городок, урочище Курганы; 8 — Городок, урочище Курганы, жилище I; 15 — Великий Олексии; 20, 21 — Городок, урочище Курганы, жилище II

ратуру, упоминает о существовании в Западной Европе свыше 60 подобных шахт⁷. Существование копей разного типа было обусловлено разной глубиной залегания кремнесодержащего слоя. На Вишневой Горе у с. Городок и у с. Половля прокопка глубоких шахт в относительно мягкой породе была связана с опасностью обвала. В этом не было и необходимости ввиду залегания кремня на небольшой глубине. В Кшеменках Опатовских кремень хорошего качества встречается в глубоких слоях известняка юрского периода. Для его добычи необходимо было рыть глубокие шахты, стенки и своды которых в твердой породе не грозили обвалами.

Местонахождение копей у с. Городок, расположенных на периферии поселения культуры шнуровой керамики, а также обломок сосуда упомянутой культуры, найденный возле ямы для добычи кремня, позволяют исследованные копи отнести к памятникам культуры шнуровой керамики.

Работами Ровенской археологической экспедиции на правом и левом берегу р. Устье в радиусе от 0,5 до 5 км вокруг Вишневой Горы открыто свыше 20 поселений, относящихся к волинским вариантам культур шнуровой керамики⁸. Среди материала из этих поселений особую группу составляют костяные и роговые орудия, связанные с процессом добычи кремня. Это прямые или слегка дугообразно изогнутые стержни разной толщины с тупыми (иногда слегка обтесанными) концами (рис. 45, 4—10). Второй конец этих орудий обычно обломан; в одном случае он представляет собой ровную площадку (рис. 45, 4). На поверхности — продольные трещины и следы поперечных царапин, что можно рассматривать как доказательство использования этих орудий в качестве своеобразного долота и рычага при добыче кремневых желваков из известняка. Большое количество подобных орудий найдено в кремневых шахтах у Кшеменок Опатовских⁹. Опытами Т. Журовского установлено, что дробление твердой породы в шахтах производилось с помощью описанного орудия и каменного отбойника или каменного клина и рогового молотка¹⁰. От ударов в тыльную часть такого долота, а также от использования его в качестве рычага при добыче желвака из гнезда в костяных орудиях образовывались продольные трещины, поперечные царапины и вмятины, вследствие чего эти орудия часто ломались.

Другой тип рогового орудия, связанного с добычей кремня, представляет собой кирка из рога оленя, найденная на поселении в урочище Курганы на расстоянии около 200 м от описанных выше копей на Вишневой Горе. Ее рукоятка изготовлена из длинной ветви рога с двумя срезанными короткими отростками. В качестве рабочей части кирки использовался заостренный продольными срезами третий отросток, находящийся у основания рога. В настоящее время рабочая часть и рукоятка кирки обломаны (рис. 45, 22). На рукоятке орудия, недалеко от его рабочей части, имеется кольцевой срез поверхности рога шириной 3—4 см, на котором заметны следы заполировки, видимо, от веревки или кожаной перевязи, которой, возможно, прикреплялась к рабочей части каменное острие. (Не исключено, что необходимость привязать дополнительное острие к рабочей части возникла после ее повреждения.) У основания рабочей части в нескольких местах также заметны следы заполировки. Длина сохранившейся части орудия — 55,5 см. Описанная кирка почти полностью аналогична подобному орудью из кремневых шахт у Кшеменок Опатовских¹¹.

⁷ T. Żurowski. *Górnictwo krzemienia...*, стр. 250.

⁸ И. К. Свешников. Памятники культур шнуровой керамики в бассейне р. Устья. МДАПВ, 1962, вып. 4, карта на стр. 45 (кроме того, поселения, открытые работами 1962 г.).

⁹ T. Żurowski. *Nowe badania...*, рис. 4; он же. *Kopalnie sprzed czterech tysięcy lat.*

¹⁰ T. Żurowski. *Krzemionki Opatowskie...*, стр. 291.

¹¹ Там же, рис. 1.

К интересующей нас группе орудий относятся также найденные в большом количестве на поселениях вокруг Вишневой Горы кремневые отбойники, употреблявшиеся для вбивания костяных и роговых стержней в породу, а также при первичной обработке желваков и для изготовления кремневых орудий. Пока, однако, отсутствуют критерии, которые позволили бы выделить из общей массы отбойников те, которые имели прямое отношение к процессу добычи кремня.

На поселениях в бассейне р. Устье неоднократно отмечено наличие мастерских для изготовления кремневых орудий. Одну такую мастерскую открыл в 1898 г. у с. Городок Ф. Р. Штейнгель¹². Остатки второй мастерской у с. Городок исследованы Ровенской археологической экспедицией в 1960 г. на упомянутом поселении в урочище Курганы, где на небольшой площади (около 1,5 кв. м) открыто частично размытое скопление сколов и отщепов, залегающих сплошным слоем 0,16 м толщиной непосредственно под верхним пахотным слоем чернозема. В процессе расчистки этой сохранившейся части отбросов кремневого производства найдено большое количество (2931 шт.) крупных и средних сколов с нуклеусов, отщепов, пластин и мелких чешуек кремня, а также несколько заготовок кремневых орудий. В непосредственном окружении мастерской собраны кремневые отбойники и обломок плитки из песчаника для зашлифовки готовых изделий. Ее вогнутая поверхность зашлифована почти до блеска. Следы четырех подобных мастерских отмечены также на поселении у с. Малый Олексин Ровенского р-на¹³.

О большом масштабе изготовления кремневых изделий на поселениях возле Вишневой Горы свидетельствует огромное количество кремневых сколов, отщепов, пластин, заготовок орудий (рис. 45, 11—14) и отбойников (рис. 45, 16—21), найденных на поверхности и в культурном слое этих поселений, а также внутри отдельных жилищ (рис. 45, 20, 21). Так, на поселении в урочище Курганы у с. Городок на площади 852 кв. м найдено свыше 5200 кремневых сколов и отщепов (кроме пластин), орудий, их фрагментов и материала из упомянутой мастерской. Насыщенность этими отбросами культурного слоя в отдельных штыках доходила до 42 штук сколов и отщепов на квадрат. Во всех открытых на этом поселении жилищах обнаружены кремневые отщепы, а в некоторых из них — заготовки орудий и отбойники.

Для изготовления кремневых изделий и нанесения на них ретуши употреблялись шаровидные и грушевидные отбойники разной величины, причем, видимо, для более мелких работ использовались отбойники небольшого размера (рис. 45, 16, 17). Из орудий, связанных с обработкой кремневых изделий, следует также назвать небольшие пирамидальные каменные наковальни, употреблявшиеся, возможно, при нанесении ретуши. Для их изготовления чаще всего использовались фрагменты каменных проушных топоров, разбитых на линии проуха. Неровности излома и сверлины обычно сглажены, лезвие топора умышленно затуплено. На образовавшихся таким образом верхней и нижней площадках орудия заметны следы многочисленных ударов (рис. 45, 1—3).

Изделия из волинского (или так называемого надбужанского) кремня имеют широкий ареал распространения. Они известны не только на Волинии и в Подолии, но и далеко на западе — на левобережье Вислы¹⁴. Особенно, видимо, ценились такие совершенные изделия волинских масте-

¹² Ф. Р. Штейнгель, Н. Беяшевский. Исследование стоянки и мастерской каменного века в с. Городок Ровенского уезда Волинской губ. «Археологическая летопись Южной России». Киев, 1899, т. I, стр. 28—29.

¹³ Разведка 1960 г. В. П. Савича.

¹⁴ T. Sulimirski. Polska przedhistoryczna. London, t. II, 1957—1959, карта на стр. 315; он же. Remarks concerning the distribution of some varieties of flint in Poland. Światowit, 1960, XXIII, карта на стр. 295.

ров, как листовидные наконечники копий, характерные для волинских культур шнуровой керамики, найденные в нескольких экземплярах также в окрестностях Вишневой Горы (рис. 45, 15). О широком распространении этих изделий свидетельствуют их находки, например в Средней Польше¹⁵.

Огромное количество своеобразных кремневых изделий эпохи энеолита — начала бронзового века, распространенных на Волини, в частности в верховьях Западного Буга, давно привлекло внимание археологов и послужило основой для выделения некоторыми исследователями особой так называемой надбужанской культуры, поселения, погребения и керамика которой оставались неизвестными¹⁶. В настоящее время уже не подлежит сомнению, что отдельная надбужанская культура не существовала, а многочисленные кремневые изделия, изготовленные из волинского кремня так называемой надбужанской техникой, найденные на поселениях и в погребениях распространенных на Волини вариантов культур шнуровой керамики, относятся к памятникам только упомянутых выше культур.

С разработками естественных месторождений кремня и изготовлением на расположенных вокруг них поселениях кремневых изделий связаны вопросы специализации древних горняков и мастеров, а также межплеменного обмена. Ряд наблюдений, сделанных на неолитических поселениях в Польше, позволили А. Дзедушицкой-Махник высказать предположение о существовании в неолите специализации только в области добычи кремня и его первичной обработки. По мнению указанного автора, сырье в виде нуклеусов, пластин и заготовок распространялось древними горняками. Изготовление кремневых орудий, как дело менее сложное, будто бы производилось каждым для себя¹⁷. Наличие кремневых мастерских на волинских поселениях, расположенных у мест добычи кремня, а также широкое распространение волинских кремневых изделий (например, однотипных по форме и технике изготовления наконечников копий) позволяет предположить существование у древнего населения Волини не только специалистов по добыче кремня, но и мастеров, изготавливавших отдельные изделия для своего племени и с целью обмена.

Интересные наблюдения были сделаны в результате раскопок неолитического поселения на берегу р. Уфы в Башкирии, расположенного возле места добычи кремня. На этом поселении засвидетельствовано наличие мастерских для изготовления кремневых орудий. Там же найдено большое количество ножей и скребков, служивших (как установлено специальным исследованием этих орудий) для обработки шкур животных и кожи¹⁸. Последнее обстоятельство наравне с этнографическими параллелями послужило основой для высказанного Л. Я. Крижевской предположения о том, что на поселениях возле мест добычи кремня происходил обмен сырья и готовых изделий на шкуры животных¹⁹. Можно добавить, что на поселениях близ Вишневой Горы самое большое количество среди кремневых изделий составляют скребки (в частности, концевые) и ножи. Там же найдено большое количество костяных проколов. Однако специ-

¹⁵ «Grot krzemienny do dzidy z Wrecza, w pow. błońskim», ZOW, VII, № 1, 1932, стр. 25.

¹⁶ L. Kozłowski. Młodsza epoka kamienna w Polsce. Lwów, 1924, стр. 82 и сл.; он же. Zarys pradziejów Polski Południowo-Wschodniej. Lwów, 1939, стр. 17 и сл.

¹⁷ А. Дзедушыцка-Махникова. Z zagadnień krzemieniarstwa neolitycznego. Sprawozdania z posiedzeń Komisji Oddziału PAN w Krakowie. Styczeń-czerwiec 1961, стр. 29—31.

¹⁸ Л. Я. Крижевская. К вопросу о назначении неолитических поселений, расположенных у мест добычи кремневого сырья. СА, 1959, № 1, стр. 300—302.

¹⁹ Там же, стр. 302.

альные исследования упомянутых кремневых орудий еще не были проведены, в связи с чем они пока не могут быть безоговорочно связаны с процессом обработки кожи. Ряд относящихся к земледелию, скотоводству и охоте находок на поселениях возле Вишневой Горы (серпы, зернотерки, кремневые и костяные наконечники стрел и дротиков, кости домашних и диких животных) указывает на то, что добыча кремня, изготовление кремневых изделий и, возможно, обработка шкур не были единственными занятиями жителей этих поселений.

Н. Н. ГУРИНА

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ШАХТ
ПО ДОБЫЧЕ КРЕМНЯ В БЕЛОРУССИИ

В процессе развития археологической науки в СССР и зарубежных странах была выработана методика полевого исследования различного вида памятников — стоянок и поселений, курганов и городищ, архитектурных сооружений и др. За последние годы на территории нашей страны был открыт известный ранее только по литературе новый тип памятников — шахты по добыче кремня. Будучи весьма своеобразными, они потребовали особых методических приемов раскопок, основанных, однако, на общих положениях исследования археологических объектов. В процессе пятилетнего изучения шахт¹ накопился известный опыт, и мы считаем целесообразным остановиться на нем в этой статье.

Коснемся прежде всего специфики их поисков. Едва ли необходимо говорить о том, что целеустремленным разведкам древних шахт должно предшествовать знакомство исследователя с геологией выбранного района. В этом плане могут привлечь к себе внимание лишь те из районов, где геологами фиксировано наличие кремня в виде пластов или цепочек конкреций. При этом необходимо учитывать глубину их залегания и наличие частичного выхода на поверхность или обнажений в обресе берега, оврага. Иными словами, следует оценить реальную возможность эксплуатации кремня древними шахтерами.

Шахты по добыче кремня принадлежат в общем к числу памятников, заметных с поверхности. Судя по сохранившимся шахтам в Кшеменках Опатовских (Польша), внешне они напоминают невысокие, небольшого диаметра курганы, как бы нарушенные грабительскими раскопками. При этом насыпь — кольцо, окружающее углубление, т. е. устье шахты, состоит из кусков мела или известняка, смешанного с кремневыми сколами.

Однако такие признаки сохраняются лишь до тех пор, пока данного участка не коснулась вспашка. В результате поверхность, естественно, выравнивается, кольца, окружающие шахты, теряют округлые очертания и на их месте создается сплошное поле, насыщенное кремнем. Подобное изменение чрезвычайно рельефно выступает в упомянутых нами Кшеменках Опатовских, где наряду с абсолютным большинством сохранившихся шахт имеется участок, затронутый пашней. В этом случае на присутствие шахт указывает лишь огромное количество сколов с кремневых конкреций и их частей.

¹ Н. Н. Гурина, Г. М. Ковнурко. Шахты по добыче кремня на западе Белоруссии. СА, 1963, № 2; Н. Н. Гурина. Древние шахты по добыче кремня в Западной Белоруссии. КСИА, вып. 100, 1965; она же. Исследование древних шахт по добыче кремня в Белоруссии. КСИА, вып. 106, 1966; она же. Новое в исследовании белорусских шахт по добыче кремня. КСИА, № 111, 1967.

Таким образом, на распаханной площади поиски устьев шахт, особенно при незначительности их размеров (менее 2 м), сильно затруднены. Создается примерно такое же положение, как при исследовании грунтового могильника, где погребения не отмечены никакими внешними признаками. Поскольку в центре страны территории, не затронутой человеком, остается немного, подобные условия нахождения шахт будут весьма часты. В этом случае пока приходится применять прием, испытанный при поисках погребений в грунтовом могильнике, — зачистка значительного по площади участка от верхних слоев почвы².

Благодаря раскопкам многих десятков шахт в Красном Селе стало ясно, что устья их выделяются на поверхности округлыми темными пятнами. Более отчетливо они вырисовываются при подчистке верхней части коренного мела на контакте его с почвой, хотя и здесь в ряде случаев встречаются расплывчатые очертания. При поисках устьев шахт, выкопанных в мелу, затрудняет зачистку поверхности также то обстоятельство, что под действием дождей и весенних вод поднятый мел сначала растворяется, а затем, смешавшись с песком и отщепами кремня, под действием солнца высыхает и превращается в твердую цементированную массу, не поддающуюся лопате. Зачистка же сильно размоченного слоя невозможна, поскольку размазанный мел не позволяет уловить часто очень слабые различия в цвете пятен и окружающей их остальной поверхности слоя.

Дело может осложниться еще и тем, что практически в ряде случаев исследователю придется иметь дело с участками, разрушенными не только поверхностно, но и более глубоко, например карьерами, как это было в Красном Селе³.

При таком положении окружающие участки окажутся очень неровными — часть вскрыши будет снята и, растворившись под действием воды и солнца, образует сплошную толстую, твердую корку, а рядом будут бесформенные нагромождения сдвинутой машинами вскрыши. В этом случае зачистка участка окажется эффективной лишь бульдозером или машиной аналогичной конструкции, особенно желательно на резиновом ходу. Практикой проверено, что он должен производить зачистку только в одну сторону. Двигаясь вперед и состругивая поверхность на ширину ножа (на 20—30 см глубиной), бульдозер должен затем сделать обратный холостой ход по еще не тронутой поверхности и начать следующее движение вперед, вплотную к зачищенной полосе. При этом валы взрыхленной земли, неизбежно образующиеся между параллельными зачищенными полосами, должны быть убраны вручную, так как при попытке снять их бульдозером,двигающемся по зачищенному пространству, машина снова взрыхлит их своими гусеницами (рис. 46, а).

После удаления валов земли на окончательно расчищенной площади раскопа выступают округлые пятна, отмечающие устья шахт (рис. 46, б). Для их фиксации площадь будущего раскопа, в силу ее значительного размера (в нашем случае она равнялась нескольким тысячам квадратных метров) можно разбить на 16-метровые квадраты (4×4), произвести нивелировку и нанести на план. Учитывая, что слой мела под действием дождей легко растворяется и снова затягивает расчищенные пятна (в особенности, если подготовленная таким образом площадка не будет исследована в течение одного сезона), рационально оконтурить их колышками, пометив номер пятна.

После фотографирования площадки в целом и каждого пятна в отдельности (под соответствующим номером) можно приступать к раскопкам самих шахт (рис. 47, а, б).

² В этом случае применение шурфовки не приведет к положительным результатам, поскольку попасть на узкое устье шахты можно только случайно.

³ Следует полагать, что ряд новых шахт надо искать в меловых линзах, многие из которых уже начали эксплуатироваться.

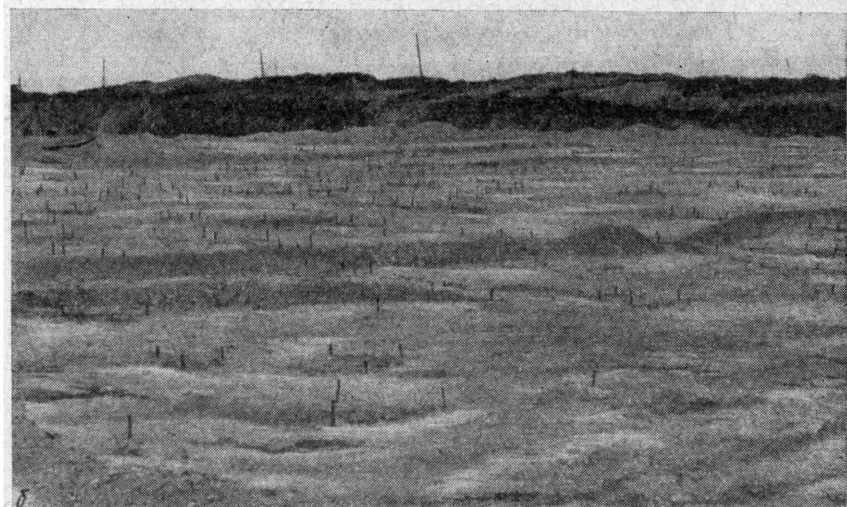
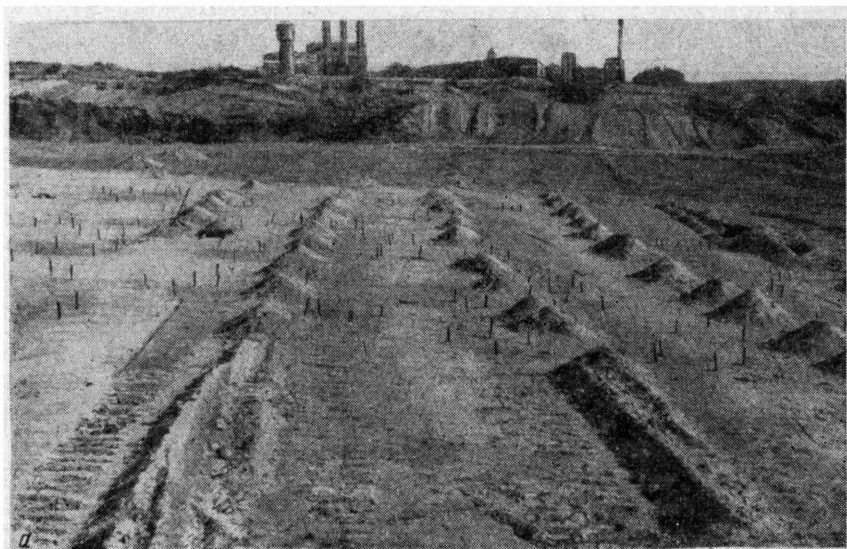

Рис. 46. Подготовка площадки с шахтами
а — после работы бульдозера; б — площадка, подготовленная для раскопок

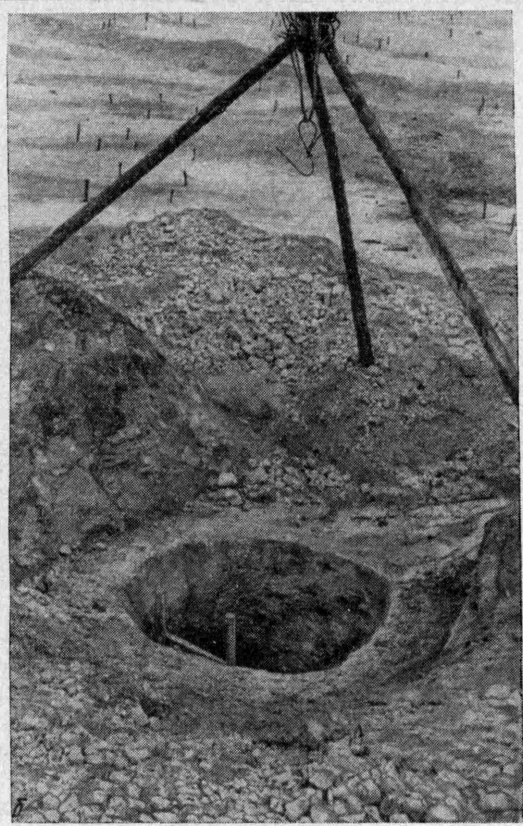
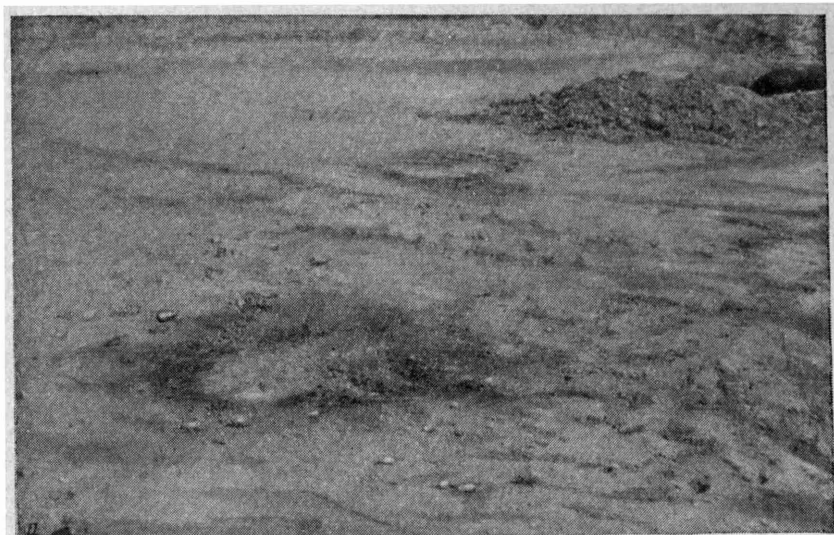

Рис. 47. Устья шахт

а — пятна, соответствующие устьям шахт; б — устье шахты № 8 и приспособление для подъема мела

Исследователю надлежит проделать почти ту же работу, которую произвел в свое время древний шахтер, поскольку все шахты к настоящему времени, как правило, засыпаны породой. Лишь в исключительных случаях в красносельских шахтах обнаружены небольшие полые камеры. Притом чем дольше ствол шахты оставался в древности открытым, тем плотнее его заполнение. То же самое происходило с подбоями и штреками. Когда штрек или подбой забрасывался сразу в процессе выборки соседнего подбоя или штрека, заполнение его неслежавшейся крошкой рыхлое, в тех же случаях, когда он оставался полым, давая доступ воде, заполнение его сильно сцементировано.

В связи с тем, что пятно в общем соответствует центральной части ствола шахты, а в ряде случаев полностью отвечает ему, раскопки начинаются с выборки пятна по контурам. Пятно образовалось в связи с тем, что при рытье шахты древними горняками «вырубленная порода» (в данном случае мел) вынималась и отбрасывалась на борта, в результате чего округлый по форме ствол шахты оказывался окруженным возвышающимся на поверхности кольцом. Затем в шахте, оставленной полый, начинался обратный процесс — порода, выброшенная на борта под действием ветра и дождевых потоков, осыпаясь вниз, постепенно заполняла шахту, в результате чего в конце этого процесса оставалась лишь небольшая воронка в центральной части ствола, затянутая затем почвенным слоем, образуя в плане темное пятно.

При раскопках верхней части шахты совершенно необходимо попасть точно в ее ствол, так как, если при начале работ углубление будет сделано шире устья, неизбежно потревожится верхняя часть стенок, а ошибка станет понятна лишь впоследствии. Затруднение создается еще и тем, что шахты, выкопанные в слое мела, расположены, как правило, на близком расстоянии друг от друга (иногда стенки, разделяющие их, не превышают 50 см) и выбросы из них, слившись друг с другом, образовали сплошной культурный слой. Если вести выборку заполнения по нему, то не удастся проследить самую верхнюю часть шахты. Поэтому, как бы ни было трудно, следует все же вести выборку вначале по контурам пятна или лишь немного шире, чтобы затем, углубившись на 1—1,5 м и выявив ниже действительные контуры ствола шахты, можно было бы в случае необходимости расширить его до нужных размеров, выбирая заполнение снизу вверх.

Малый диаметр шахт и в особенности штреков и подбоев вызывает необходимость применения инструментов только с короткой рукоятью. Опыт заставил нас изготовить специальные маленькие кайла, близкие по форме к инструментам древних горняков, но с тяжелым металлическим лезвием в 8—10 см, и лопаточки типа мастерков штукатуров. Наиболее рационально выбранную из шахт породу складывать в ведра и поднимать вверх. В целях облегчения подъема ведра сконструированы простейшие сооружения — переносные треноги из нетолстых слег, связанных вершинами друг с другом, в центре которых подвешен крюк с небольшим металлическим блоком. По желобку, имеющемуся на блоке, пропущена веревка, один конец которой привязан к ведру, а второй находится в руках рабочего, стоящего на краю шахты.

Исходя из того, что шахты выкопаны в слое мела, который легко стирается вместе со следами, оставленными на нем инструментами древних шахтеров, разборка заполнений требует особой осторожности. В этом отношении исследования шахт, выкопанных в мелу, значительно сложнее исследований древних горных выработок в известняке. В последнем случае заполнение шахты, состоящее из раздробленного на куски известняка, легко отличимо от монолитной коренной породы. Заполнение же меловых шахт едва отличимо от самой породы. Оно состоит из меловой крошки, смешанной с некоторым количеством песка, придающего ему более

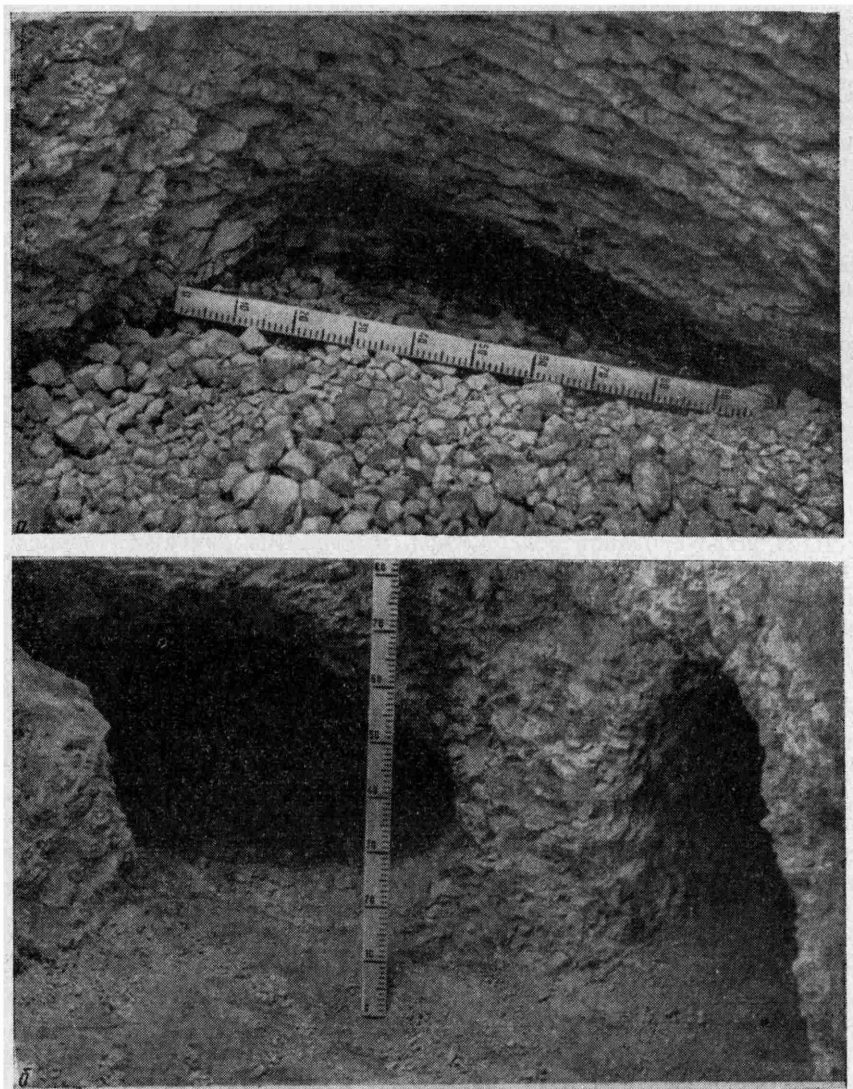

Рис. 48. Расчистка шахт

А — начало расчистки подбоя в шахте № 15; *Б* — входы в штреки в шахте № 9

темный оттенок (рис. 48, А). Для того чтобы уловить это отличие, в особенности в слабо освещенной нижней части шахты, требуется навык. Особенно трудно отчленить заполнение от стенок, потрескавшихся в древности. В этом случае, если шахта оставалась долгое время открытой, стенки ее, высыхая, теряли монолитность и растрескивались на множество кусков. Однако в отличие от крошки, заполняющей шахты, куски эти имеют правильные четырехугольные очертания.

Одним из основных условий, позволяющих сохранить непотревоженными стенки шахт и соответственно следы, оставленные на них древним горняком, является особый прием их расчистки. Последнюю во всех случаях необходимо начинать с центра, лишь постепенно двигаясь к периферии. Удалив с помощью инструмента крошку, заполняющую середину шахты на 20—30 см в глубину, можно приступить к очистке стенок, действуя просто рукой, при этом заполнение само легко отпадает от стенок. Таким же образом производится выборка подбоев и штреков (рис. 48, Б). Необходимо выбирать сначала среднюю часть с тем, чтобы порода, заполняющая верхнюю часть, обрушивалась под собственной тяжестью. Пол штреков и подбоев следует очищать мелкими лопаточками-мастерками. Освобождение от заполнения подбоев и штреков требует особой осторожности, поскольку именно их стенки и потолок больше всего содержат следов от древних инструментов горняков и копать от лучины.

Следует особо подчеркнуть, что работа в узких подбоях и в особенности в штреках очень опасна и трудна, поскольку диаметр их не превышает 60 см. В штреке нельзя повернуться, приходится двигаться вперед, пока не будет открыта новая шахта. На присутствие последней указывают определенные признаки: крошковатое заполнение потолка штрека, как бы уходит вверх, и соответственно этому расширяются стенки штрека. В таком случае есть все основания полагать, что перед нами устье соседней шахты. Ее следует пытаться разбирать снизу до тех пор, пока это возможно, что требует, однако, больших усилий и осторожности. Работать приходится под землей, в темноте, в очень неудобном положении, отбивая заполнение над головой. Таковую разборку можно производить лишь до определенного момента — не более чем до среднего уровня заполнения шахты — из-за опасности обвала. В дальнейшем необходимо продолжить разборку этой шахты сверху и прежде всего попытаться выявить наличие пятна над найденным стволом шахты на поверхности земли, которое могло и не быть замечено из-за слабости расцветки и расплывчатости очертаний. В этом случае приходится углублять подчистку до появления отчетливого пятна, обозначающего устье шахты. Дальнейшая расчистка может продолжаться сверху указанными приемами. Во избежание аварии следует сначала выбрать половину шахты, при этом страхуя работающего.

В процессе расчистки подбоев и в особенности штреков исследователь опять проделывает почти ту же работу, которую произвел в свое время древний шахтер, углублявший только в более твердую меловую толщу и вооруженный такой же по форме, но роговой киркой. Трудная работа исследователя в темном, узком, влажном и очень холодном подземелье позволяет понять тяжесть труда древнего шахтера.

Применение каких-либо мер охраны работающего под землей, кроме его собственной осторожности, не удастся, поскольку ширина штреков исключает возможность каких-либо креплений. Известной мерой предосторожности может служить лишь постоянное предупреждение высыхания породы. С этой целью последние годы шахты покрываются деревянными крышками на время прекращения в них работы. К сожалению, нам нельзя использовать и приемов геологоразведки (соблюдения соотношения высоты и ширины шурфа, опускание металлических колец по мере углубления и т. д.), поскольку нашей задачей является восстановление истинного лица древних горных выработок.

Мы не будем останавливаться на приемах и способах фиксации. Укажем лишь, что выборка материала производится и фиксируется в шахтах по глубинам, особо отмечаются штреки и подбои. Исключительная тщательность требуется при составлении чертежей шахт — непременно специалистом-архитектором — зарисовке и фотографировании. Последнее чрезвычайно трудно из-за небольшой ширины шахт.

Таковы основные приемы раскопок, выработанные нами в процессе исследования белорусских шахт. Мы далеки от утверждения, что они совершенны. Несомненно, в процессе дальнейших раскопок появятся и другие приемы. Однако на данном этапе они являются вполне надежными, позволившими обнаружить и раскопать более сотни подземных горных выработок, не нарушив ни в одном случае их конструкции.

Описанная методика полностью оправдала себя в процессе разведок 1967 г.; в 5 км от Красного Села была обнаружена новая группа шахт по добыче кремня. Следует отметить при этом, что приемы, выработанные при поисках и раскопках красносельских шахт, могут быть использованы на территориях, где прослеживаются верхнемеловые отложения (Литва, Среднее и Верхнее Поволжье) и где кремневые конкреции залегают в слое известняка.

Г. М. БУРОВ

О ПОИСКАХ ДРЕВНИХ ДЕРЕВЯННЫХ ВЕЩЕЙ
И РЫБОЛОВНЫХ СООРУЖЕНИЙ
В СТАРИЧНЫХ ТОРФЯНИКАХ РАВНИННЫХ РЕК¹

Сравнительно немногочисленные древние деревянные изделия, известные до последнего времени, обнаружены в условиях постоянной сухости (Египет, Средняя Азия), естественной либо курганной мерзлоты (стоянки Арктики, Пазырыкские курганы) или главным образом в условиях постоянного избыточного увлажнения, обычно на древних поселениях, которые расположены целиком в воде или в низине. К сожалению, такие поселения относительно редки. Если их культурные остатки находятся на дне озера и не полностью погребены в донных отложениях, памятники могут быть выявлены во время низкого стояния воды или при подводных разведках (свайные поселения Приальпийской области). Что же касается поселений в низинах — торфяниках и поймах, то они в большинстве случаев лишены внешних признаков и поэтому открываются чаще всего не специалистами-археологами, а лицами, ведущими торфоразработки или земляные работы. Таковы, например, поселения в Шигирском, Горбуновском и Сарнатском торфяниках², в пойме р. Кузнечиха³. Значительная серия древних санных полозьев и лыж, обнаруженных в Финляндии, Швеции и Норвегии⁴, принадлежит к числу случайных находок в торфяниках.

Конечно, возможны благоприятные для разведки случаи, когда торфяниковый памятник прорезается рекой (свайное поселение на р. Модлоне)⁵ или приурочен к небольшому возвышению на болоте (Веретье)⁶. Но подобные памятники, которые археологи иногда находят, столь редки, что целенаправленные поиски торфяниковых поселений почти не практикуются, а если проводятся, то не дают желаемого результата.

Результаты дали поиски древних вещей из дерева в зонах широко распространенных и легко открываемых поселений на останцах и мысах надпойменных террас. При этом учитывалось, что в черту поселений должны были входить болотные массивы речных стариц и старицы, оставленные реками и превратившиеся позднее в торфяники. Предметы, изготовленные из растительных материалов, неизбежно попадавшие в заболоченные места или водоемы, должны сохраняться, так как они защищены от воздуха.

¹ Доклад прочитан на заседании сектора палеолита 16 XI 1966 г.

² В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. «Труды ГИМ», вып. 29, 1956.

³ В. И. Смирнов. Стоянка на р. Кузнечихе. КСИМК, вып. IX, 1941.

⁴ J. G. D. Clark. Prehistoric Europe. London, 1952, p. 293—301.

⁵ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА, № 20, 1951, стр. 8.

⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 206.

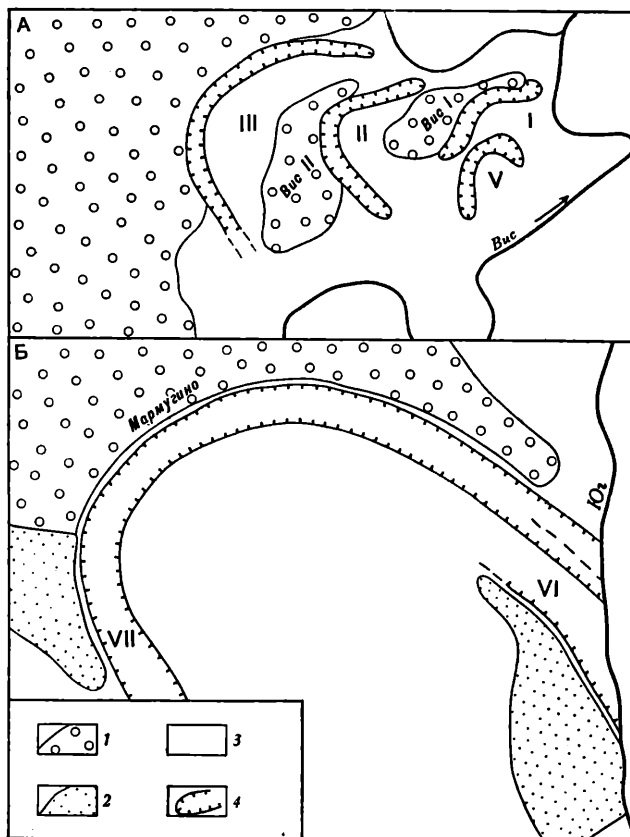

Рис. 49. Схема расположения висских (А) и мармугинских (Б) старичных торфяников

Условные обозначения: 1 — 1-я надпойменная (боровая) терраса; 2 — высокая пойма; 3 — низкая пойма; 4 — торфяники (I — Висский I; II — Висский II; III, V — прочие торфяники без культурных остатков; VI — Мармугинский I; VII — Мармугинский II)

Поиски старичных торфяников, поскольку они расположены на пойменной террасе, в большинстве случаев не представляют особых трудностей. Во-первых, при наличии обнажений, особенно образованных самой рекой, выходы старичных отложений хорошо заметны, если не залегают ниже уровня реки (рис. 49, Б). Во-вторых, торфяникам стариц-меандр (З. Барановская различает старицы-меандры и старицы-протоки) отвечают дугообразно вогнутые края надпойменных террас⁷ (рис. 49, А, Б). Выявляются и оконтуриваются торфяники шурфовкой и бурением.

Положительные результаты получены при закладке разведочных шурфов у дугообразного края двух останцов надпойменной террасы, занятых долговременными поселениями Вис I и Вис II (бассейн Вычегды, район Синдорского озера), в 1960 и 1962 гг. Синдорским археологическим отрядом Коми ФАН были обнаружены подковообразные старичные торфяники р. Симва с большим количеством деревянных изделий⁸. Ширина

⁷ Н. С. Шуклин. Общая геоморфология, т. I. М., 1960, стр. 253.

⁸ Г. М. Буров. Торфяники речных стариц как места археологических находок. «Изв. Коми филиала ВГО», вып. 9, 1964; он же. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды. СА, 1966, № 1; он же. Найдено в вычегдских торфяниках. «Природа», 1966, № 9.

торфяников — 16—20 м, длина и максимальная глубина Вис I — 150 м — 1,6 м, Вис II — от 2,50 м и более 3,3 м. Сложены они торфом и подстилающим сапропелем.

В торфянике Вис I (поселение Вис I) в 1960—1967 гг. найдено свыше 200 деревянных изделий и предметов со следами обработки, в том числе простые охотничьи луки трех основных типов, наконечник и древки стрел, полозья бескопильных саней, лыжи (одна из них увенчана скульптурной головкой лося), весло, дугообразные рукояти стругов, обручи от рыболовных сачков или верш, лопаточка, острия, диск с отверстием и ряд других предметов. На многих изделиях имеется гравированный и рельефный орнамент. Обнаружен также фрагмент циновки (?), берестяной сосуд, поплавок из сосновой коры, веревка и кусок крупноячейной сети из корешков и листьев осоки, шлифованные каменные топоры, кремневые микролитические пластины и нуклеусы, концевые скребки и другие орудия.

По результатам радиоуглеродного анализа деревянных изделий (имеются четыре даты⁹), новым палинологическим данным, особенностям стратиграфии и археологическим параллелям в мезолите Прибалтики, инвентарь I Висского торфяника может быть отнесен к мезолиту и датируется VII—VI тысячелетиями до н. э.¹⁰

В средней толще II торфяника (поселение Вис II) в 1962—1966 гг. обнаружены нагромождения сотен жердей со срезами на концах, а ниже — остатки свай, тысячи обломков керамики I—V вв. (ванвиздинской культуры и отчасти гляденовской), деревянные изделия, кости животных и пр. Инвентарь, кроме керамики, включает предметы из кости (наконечники стрел) и стекла (бусы), берестяные полавки, сосуды из бересты и сотни деревянных изделий: большие и мелкие простые и сложные луки; наконечники и древки стрел, пластины и обручи от рыболовных снастей, полавки от сетей, удильные крючки двух типов, весла, лыжу (?), полозья саней, имевшие копылья, мотыги, коленчатые рукояти тесел двух типов, муфту проушной кирки, рукоять с пазами, зубчатый керамический штамп, гвозди, пряслица, лопаточки для приготовления керамического теста, планки с прорезями (для виття веревочек) и без них (для выработки сетей), скульптурное изображение человека и др.

По местным этнографическим и зарубежным археологическим аналогиям (Киркелетт, Финляндия¹¹; Хейланд, Норвегия¹²) в открытых сооружениях можно видеть заграждения, в свободных пролетах которых устанавливались ловушки для рыбы. Отсутствие в висских торфяниках следов каких-либо жилых сооружений свидетельствует, что деревянные изделия попадали в зарастающий водоем с суши, где обнаружен культурный слой и найдены остатки жилищ.

Исследование старичных торфяников, как и торфяниковых поселений, дает хорошие образцы для радиоуглеродного и пыльцевого анализа, поскольку в старичных отложениях пыльца, как и дерево, сохраняется очень хорошо.

Древние сооружения и вещи из растительных материалов могут быть обнаружены при массовом обследовании старичных отложений равнинных рек не только на Севере, но и в более южных широтах. Так, деревянная ловушка стационарного (открытого) типа в виде котцев (загадочные вилки или летательные орудия) случайно обнаружена в 1878 г. в зоне Пелехановской дюнной неолитической стоянки на р. Оке, в пойме, на глубине около 5,5 м, в черной вязкой озерной «глине», перекрытой аллювиальными осадками; геоморфологическое обследование местности в окрестностях

⁹ Анализ произведен радиоуглеродной лабораторией ЛОИА.

¹⁰ Г. М. Буров. Древний Синдор. М., 1967, стр. 12—36, 59—68.

¹¹ G. Topelius. Ett fiskstängsel från stenaldern. SMYA, XXVI. Helsinki, 1912.

¹² I. G. D. Clark. Указ. соч., стр. 44.

Рис. 50. Развал заграждения из дранки в I Мармугинском торфянике

стоянки¹³ не оставляет сомнений, что остатки ловушки залегали в старичных отложениях.

Для поисков древних вещей и сооружений из растительных материалов необходимо выявление и оконтуривание древнего речного русла, у которого находится поселение, шурфовка на пойменном торфянике и обследование старичных отложений, прорезаемых рекой, особенно в окрестностях поселения.

При обследовании местности в районе стоянки Мармугино на р. Юг, близ Великого Устья, зачистке обрывистого пойменного берега, бурении и разведочных раскопках у стоянки обнаружены два старичных торфяника, содержащих остатки рыболовных заграждений. Стратиграфическое изучение обнажения на участке протяженностью свыше 300 м и бурение показали, что торфяники принадлежат протоку р. Юг (которая в то время распадалась на два рукава), причем I торфяник, более древний, прорезан более молодым. I торфяник шириной 60—80 м сохранился лишь частично; II, подковообразный, при ширине около 50 м имеет длину не менее 1 км. Мощность торфа и глинистого сапропеля достигает 2,5 м, покрывающей толщи — 4 м.

Сооружения I торфяника, которых было не менее двух, состояли из переносных матов (берд), выработанных с использованием тройных дранок (лучин, пожилин) шириной 0,5—2,5 см, толщиной 0,5—0,8 см, длиной

¹³ В. В. Докучаев. Археология России. Каменный период (рецензия). Соч., т. I. М.—Л., 1949, стр. 313—324.

около 220 см (рис. 50) и закрепленных при помощи кольев из расщепленного древесного ствола. Развалы заграждений залегали в верхнем горизонте глинистого сапропеля, что говорит о ловле рыбы в старичную (а не речную) стадию формирования торфяника. Заграждение, несомненно, дополнялось какой-нибудь деревянной ловушкой, скорее всего котцами из дранки типа стоянки Плеханов Бор. Берда I Мармугинского торфяника имеют прямую параллель в неолитических старичных отложениях р. Воронез, на стоянке Подзорово, близ г. Мичуринска Тамбовской обл.¹⁴

Сооружения II Мармугинского торфяника близки исследованным во II Висском торфянике, но при их постройке использовались, кроме древесных стволов, сосновая кора и прутья тальника (?). В 23 м от края торфяника в толще слоистых песчано-глинистых отложений, связанных с перемещением речной излучины, на глубине 3,2 м обнаружено скопление керамики эпохи ранней бронзы, II тыс. до н. э. Поскольку между скоплением и торфяником залегает всего около 20 глинистых, по-видимому, годичных лент, можно предполагать, что сосуд брошен незадолго до срезания меандра. Что же касается заколов, то они могли быть сооружены уже во времена существования старицы, т. е. в эпохи, следующие за неолитической. На такую мысль наводит тот факт, что на краю торфяника, вдали от современного русла, находится стоянка ранней бронзы и раннего железа. С подобным предположением согласуется залегание основной части строительных остатков в средней толще торфяника. Ко времени неолита могут относиться более древние берда в I Мармугинском торфянике, тем более что сооружения из дранки характерны для местонахождений ямочно-гребенчатой керамики (Плеханов Бор, Подзорово). В пользу архаического возраста тех и других заграждений говорят также залегание старичных отложений намного выше меженного уровня воды (произошло врезание реки в долину) и значительная мощность покрывающей толщи аллювия. Выводы о возрасте сооружений согласуются с данными по C₁₄ заграждения I торфяника относятся к неолиту (первая половина III тысячелетия до н. э.), II — к эпохе раннего железа.

В 1967 г. при обследовании р. Пингиша (правый приток нижнего участка Северной Двины) был обнаружен еще один погребенный старичный торфяник с остатками древних рыболовных сооружений (залегают на глубине около 2,5 м). Торфяник, принадлежащий Пингише, прорезан впадающей в нее р. Малой, которая берет начало из расположенного поблизости Пинежского озера, где находятся поселения III—II тысячелетия до н. э. и IV—VIII вв. н. э.

Работы близ Великого Устюга и на Пингише подтвердили целесообразность массового археологического обследования старичных торфяников, в том числе и на средних реках (типа р. Юг).

Итак, к настоящему времени в Советском Союзе известно шесть пунктов со старичными отложениями, в которых залегают остатки древних рыболовных заграждений и стационарных ловушек. В некоторых из этих пунктов найдены и вещи из растительных материалов (Вис II, Плеханов Бор). Известен также седьмой пункт — с вещами, но без строительных остатков (Вис I). Кроме того, рыболовные сооружения отмечены в двух точках Северной Европы. Торфяники, исследованные в Северодвинском бассейне, образовались в результате зарастания стариц-меандр. По-видимому, и остальные находки сделаны в отложениях стариц этого генетического типа¹⁵, который характерен для малых и средних равнинных рек. Торфяники стариц-меандр, очевидно, явятся основным объектом разведки при поисках древних вещей и сооружений из дерева, коры и травы.

¹⁴ В. П. Левенок. Работы в бассейне Верхнего Дона. Археологические открытия. 1965 г. М., 1966, стр. 151.

¹⁵ Н. Е. Кондратьев. Русловые деформации в меандровых реках. «Труды Гос. гидрологического ин-та», вып. 44 (98). Л., 1954.

III. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРА ПАЛЕОЛИТА В 1966—1967 гг.

В 1966—1967 гг. сотрудники сектора продолжали разработку тем, связанных с проблемами происхождения человека, становления и развития первобытного общества, а также сложения этнических общностей на территории нашей страны в эпоху камня. В связи с этим большое внимание уделялось решению конкретно-исторических задач по выяснению характера развития раннего палеолита Крыма, Кавказа и юга Русской равнины, позднего палеолита Восточной Европы и Сибири и истории неолитических племен в лесной и лесостепной зонах европейской части СССР.

Сотрудниками сектора написано шесть разделов для сборника «Археология СССР». В. П. Любин осветил древнейшие этапы заселения территории СССР в эпоху раннего палеолита. А. Н. Рогачев охарактеризовал и детально проанализировал остатки позднепалеолитических жилищ. Производству каменных орудий и их функциям посвящена статья С. А. Семенова. Своеобразие локальных групп палеолитического населения показано в работе Г. П. Григорьева. Раздел о палеолитическом искусстве составлен Э. А. Абрамовой, и раздел о неолите северных областей европейской части СССР — Н. Н. Гуриной.

В 1966 г. начат сбор материалов для большой коллективной монографии по палеолиту мира, над которой работают Э. А. Абрамова, П. И. Борисковский, Г. П. Григорьев и И. И. Коробков.

Под руководством Н. Н. Гуриной продолжены работы по составлению коллективного труда «Этнокультурные общности на территории СССР в эпоху неолита». Наряду с ленинградскими и московскими специалистами по неолиту в этой работе принимают участие многие ученые из других городов.

На заседаниях сектора регулярно заслушивались отчеты о полевых экспедиционных работах¹, о ходе выполнения плановых научных тем и доклады исследователей из других организаций.

Три заседания были посвящены обсуждению докладов, представленных сотрудниками сектора для VII Международного конгресса доисториков и протоисториков в Праге. В частности, много замечаний было высказано по докладу Г. П. Григорьева «К различению признаков генетического родства, диффузий и синстадиальности». Указывалось на необходимость рассматривать затрагиваемые проблемы в историческом аспекте, анализируя развитие от раннего к позднему палеолиту.

Оживленные дискуссии были при обсуждении рукописей книг С. А. Семенова, Г. П. Григорьева, Н. Д. Праслова, Л. Я. Крижевской и Г. Ф. Коробковой, подготовленных для печати. Работа В. П. Третьякова о ямочно-гребенчатой культуре европейской части СССР обсуждалась на двух

¹ Результаты экспедиций нашли свое отражение в сборниках «Археологические открытия», поэтому здесь нет необходимости на них останавливаться.

заседаниях. На первом заседании большинство выступавших указывали на необходимость более серьезной аргументации тех выводов, к которым приходит автор, на необходимость использования не выборочных, а всех известных в настоящее время фактов.

Большое место в работе сектора заняло обсуждение докторских диссертаций Д. Я. Телегина (Киев) «История племен днепро-донецкой культуры» и В. Н. Даниленко (Киев) «Неолит Украины», а также кандидатских диссертаций Б. А. Фролова (Новосибирск) и сотрудников сектора С. Н. Астахов, Г. Ф. Коробкова, Л. М. Тарасова и В. П. Третьякова.

С. Н. Астахов, Г. Ф. Коробкова и В. П. Третьяков успешно защитили кандидатские диссертации в 1966 г., а Л. М. Тарасов — в 1967 г.

С большим вниманием сектор следит за исследованиями по палеолиту и неолиту, проводимыми научными работниками других учреждений.

Огромный интерес вызвал доклад Е. М. Тимофеева (Москва, Гидропроект), первооткрывателя палеолита на Печоре, который подробно остановился на геологических условиях залегания палеолита в бассейнах Печоры, Вычегды и Камы и сообщил о ряде новых местонахождений. Некоторые из них, возможно, относятся к мустьерской эпохе.

Об открытии палеолита в Приморье сообщила Ж. В. Андреева (Владивосток). Сотрудники сектора в своих выступлениях подтвердили палеолитический возраст материалов, добытых при раскопках в Устиновке, и высказались о необходимости расширения полевых исследований этого памятника и скорейшей его публикации.

Об интересных раннепалеолитических и неолитических материалах в Карагандинской области сообщил М. Н. Клапчук (Караганда).

О новых раннепалеолитических памятниках в западном Азербайджане было доложено М. М. Мансуровым (Баку), о ранне- и позднепалеолитических памятниках Северо-Западного Кавказа на Черноморском побережье — В. Е. Щелинским (Туапсе). Среди новых местонахождений, открытых В. Е. Щелинским севернее г. Туапсе, особое внимание привлекли материалы позднепалеолитической стоянки Широкий Мыс.

Два сообщения о новых палеолитических местонахождениях и о раскопках древнейших шахт по добыче кремня в Узбекистане сделал М. Р. Касымов (Ташкент). К этим сообщениям примыкает и доклад аспиранта сектора Т. Мирсаатова, ученика С. А. Семенова, об исследовании Учтутских шахт по добыче кремня.

С большим интересом на секторе был заслушан доклад Л. В. Греховой (Москва, ГИМ) о новых раскопках на Тимоновской позднепалеолитической стоянке. Вслед за А. Н. Рогачевым докладчица показала, что там нет жилищ типа полуземлянок, о которых писали В. А. Городцов и Д. А. Крайнов. Сектор поддержал выводы Л. В. Греховой.

Проходящая подготовку под руководством А. Н. Рогачева аспирантка Института истории АН БССР Л. М. Литовченко сделала доклад о кремневом инвентаре II культурного слоя Тельманской стоянки в Костенках. М. Гладких (Киев, Институт археологии) сообщил о новых позднепалеолитических находках, добытых экспедицией под руководством В. Н. Гладина у с. Антоновка в Донбассе.

Важные проблемы изучения техники расщепления камня в палеолите были поставлены в докладе Р. Сулейманова (Ташкент). Выводы докладчика основаны на огромных материалах из раскопок грота Оби-Рахмат.

Оживленную дискуссию вызвал доклад Ю. А. Мочанова (Якутский филиал СО АН СССР) о новых открытиях на Алдане. Выступавшие единодушно отметили, что изучение многослойных стоянок на Алдане имеет большое научное значение, так как дает возможность впервые выделить для ленских культур стратиграфически четко расчлененные комплексы и проследить изменения в их развитии, начиная с докерамического каменного века и кончая эпохой раннего металла. Также единодушно все

выступили против применения Ю. А. Мочановым термина «палеолит» к голоценовым памятникам.

По сравнению с предшествующими годами расширились связи с зарубежными учеными. В 1966 г. в научной командировке в Польше побывал А. Н. Рогачев. П. И. Борисковский принимал участие в работе XI Тихоокеанского конгресса в Токио, где выступал с докладом по проблемам первобытной археологии Юго-Восточной Азии. В конце 1966—начале 1967 г. П. И. Борисковский находился в трехмесячной научной командировке в Индии, где посетил несколько научных учреждений и изучал коллекции различных палеолитических памятников. В университетах ряда городов (Новый Дели, Калькутта, Мадрас, Майсур, Пуна и Варанаси) им была прочитана на английском языке 21 лекция о работах по каменному веку в СССР. Большая группа сотрудников сектора (Э. А. Абрамова, Н. Н. Гурина, Г. П. Григорьев, Г. В. Григорьева, И. И. Коробков, Л. Я. Крижевская и С. А. Семенов) принимала участие в работе VII Международного конгресса доисторических и протоисторических наук в Праге². В 1967 г. Н. Н. Гурина и Н. Д. Праслов в составе научно-туристской группы посетили Югославию.

В июне 1967 г. А. Н. Рогачев, П. И. Борисковский, Г. П. Григорьев, В. П. Любин, Н. Д. Праслов приняли участие в Международном рабочем совещании, организованном Институтом географии АН СССР по теме «Лесс—перигляциал—палеолит».

На заседаниях сектора неоднократно заслушивались доклады зарубежных ученых. Т. Журовский (Польша) поделился результатами исследований кремнедобывающих шахт в Кшеменках и затронул проблему их консервации. Я. Гурба (Польша) подробно охарактеризовал неолит Юго-Восточной Польши. Обзорный доклад о современном состоянии изучения палеолита и мезолита в Польше сделал Я. Козловский (Краковский университет). Большое внимание привлекли также доклады профессора Гупты (Индия, Новый Дели) о новых исследованиях по палеолиту Индии, П. Симонсена (Дания) о неолитических памятниках на севере Норвегии, Н. Беренса (ГДР) о первобытных культурах Средней Европы и Р. Солецкого (США) о раскопках палеолита в Ираке и Сирии.

В 1966—1967 гг. вышли из печати подготовленные в секторе сборник «У истоков древних культур. Эпоха мезолита» (МИА, № 126) и монографические работы Э. А. Абрамовой «Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии», П. И. Борисковского «Первобытное прошлое Вьетнама», Н. Н. Гуриной «Из истории древних племен западных областей СССР» и «Мир глазами древнего художника Карелии». Сданы в издательство монографии Г. П. Григорьева «Начало верхнего палеолита и возникновение *Homo sapiens*», Л. Я. Крижевской «Неолит Южного Урала», Р. В. Козыревой «Древний Сахалин», Н. Д. Праслова «Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона» и С. А. Семенова «История техники каменного века».

В ноябре 1967 г. состоялось научно-организационное заседание сектора, на котором были обсуждены подготовленные к ученому совету доклад зав. сектором П. И. Борисковского и содоклад зав. неолитической группой Н. Н. Гуриной о проблематике и направлении работ сектора в связи с постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве».

Н. Д. Праслов.

² VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЭБ — Археология и этнография Башкирии
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ИА — Институт археологии АН СССР
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт истории
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МГУ — Московский государственный университет
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
САИ — Свод археологических источников
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja
ZOW — Z otchłani wieków. Poznań
PAN — Polska Akademia Nauk

СОДЕРЖАНИЕ

I. Доклады и дискуссии

В. Ф. Петрунь. О материале каменных орудий крымского палеолита	3
Н. Д. Праслов, С. А. Семенов. О функциях мустьерских кремневых орудий из стоянок Приазовья	13
И. И. Коробков. О наконечнике копья из Яштуха	22
Е. А. Векилова. Находки нижнего палеолита на террасах р. Мзымты	27
Э. А. Абрамова. Палеолитические стоянки у дер. Аешка на Енисее	31

II. Полевые и лабораторные исследования

Л. В. Грехова, Р. А. Сорокина. Разведывательные работы у с. Тимоновка в 1965 г.	38
Л. Г. Мацкевой. Мезолитические стоянки Восточного Крыма	44
Н. Д. Праслов, Г. Б. Постников, Е. В. Ротшильд. Новые памятники с микролитическим инвентарем в северо-восточном Прикаспии	54
Л. В. Кольцов. Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г.	62
Р. В. Козырева. Исследования неолитических стоянок в районе озера Белого в 1965 г.	69
И. В. Гаврилова. Керамика Федоровского поселения в связи с новыми исследованиями	76
В. П. Левенок. Новые раскопки стоянки Подзорово	84
Г. Н. Матюшин. Раскопки неолитических поселений Урала	91
Л. Я. Крижевская. Новые поселения южноуральского неолита	102
Г. И. Андреев. Разведки на Подкаменной Тунгуске в 1966 г.	109
И. К. Свешников. Кремневые копи у с. Городок Ровенской области	114
Н. Н. Гурина. К вопросу о методике исследования шахт по добыче кремня в Белоруссии	122
Г. М. Буров. О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек	130

III. Хроника

Работа сектора палеолита в 1966—1967 гг. (Н. Д. Праслов)	135
--	-----

Каменный век

КСИА № 117

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. В. Моисеенко*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 23/ХІІ 1963 г. Подписано к печати
12/ІХ-1969 г. Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд.
л. 10,7. Тираж 2350 экз. Бумага № 1. Тип. зак. 1485.
Т-13614. Цена 67 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62,
Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12